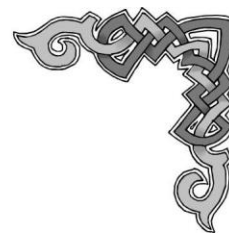

ООО «Наука и образование»

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

Серия:

Исторические науки.

Культурология.

Политические науки.

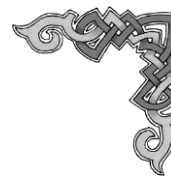

**№ 4
2020**

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:
Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.

2020, № 4

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки».

Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки.
www.online-science.ru)

Основан в 2019 г.

ISSN печатной версии: [2713-1742](#) ISSN электронной версии: [2686-8350](#)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: [ЭЛ № ФС 77 - 79416 от 13.11.2020](#)

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования) № 453-12/2019 от 30.12.2019 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич - доктор социологических наук, профессор.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК: *Шелкова Елена Андреевна*

КОРРЕКТОР: *Попов Михаил Юрьевич*

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет».

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар,
ул. Красных партизан, 371, оф. 2.

Тел. (861) 226-08-65
E-mail: milena.555@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF:

Mikhail Yu. Popov - Doctor of Sociology, Professor.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Yulia Yu. Bugaenko – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kuban State Agrarian University.

HEAD OF THE EDITORIAL OFFICE:

Elena A. Shelkova

FIRST: *Elena A. Shelkova*

CORRECTOR: *Mikhail Yu. Popov*

THE MURDERERS:

LLC «Science and Education»;
ФГБОУ ВПО «Адыгея State University».

**ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE
AND PUBLISHER:**

350049, Krasnodar Territory, Krasnodar, Krasnykh
Partisan Street, 371, Fr. 2.

Tel. (861) 226-08-65
E-mail: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Понеделков Александр Васильевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления - филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Члены редакционного совета:

Васьков Максим Александрович – доктор социологических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Виктор Збигнев – доктор политологии, профессор, Вроцлавский университет, Польша;

Волкова Полина Станиславовна – Член Союза композиторов Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет;

Гаврилова Надежда Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет;

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства и политологии, Адыгейский государственный университет;

Железняков Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора по научной работе, Институт востоковедения Российской академии наук;

Касьянов Валерий Васильевич – доктор исторических, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет;

Киселёва Наталья Витальевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Российской таможенная академия (Ростовский филиал);

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Alexander V. Ponedelkov – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Political Science, Professor, Professor of Political Science and Ethnology of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, South Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Improving Efficiency of State and Municipal Administration.

Members of the editorial Board:

Maxim A. Vaskov – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Education and Pedagogical Sciences of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University;

Victor Zbignev – Doctor of Political Science, Professor, University of Wrocław, Poland;

Polina S. Volkova – Member of the Union of Composers of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Cuban State Agrarian University;

Nadezhda Yu. Gavrilo – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technology, Tyumen Industrial University;

Zuriet A. Zhade – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department Theories and history of law and state and political science, Adygei State University;

Alexander S. Zheleznyakov – Doctor of Political Science, Deputy Director for Scientific work, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;

Valeriy V. Kasianov – Doctor of History, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Dean of the Faculty Journalism, Cuban State University

Natalia V. Kiselyova – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of the State and Law, Russian Customs Academy (Rostov branch);

Кислицын Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственный университет;

Логинова Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологи и библиотечно-информационных ресурсов, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева;

Рассказов Леонид Павлович – Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

Старостин Александр Михайлович – доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, Ростовский государственный экономический университет;

Узунов Владимир Владимирович – доктор политических наук, доцент, директор, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД РФ;

Циткилов Петр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет;

Чапурко Татьяна Михайловна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

Шефель Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия.

Sergey A. Kislitsin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Political Science and Ethnic Policy, South Russian Institute of Management, Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation;

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy, Cultural Studies and social communications, Kostroma State University;

Marina V. Loginova – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Library and Formation Resources, Mordovsky State University named after N.P. Ogarev;

Leonid P. Rasskazov – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of History, Doctor of Law, Head of the Department of Theory and History of Law and State Faculty of Law, Cuban State Agrarian university;

Alexander M. Starostin – Doctor of Political Science, Professor, Honorary Worker of the Highest Professional of the Russian Federation, Director of the Institute of Interdisciplinary Studies Global processes and globalization, Rostov State Economic University;

Vladimir V. Uzunov – Doctor of Political Science, Associate Professor, Director, Crimean Branch of the Federal Scientific and Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Ivan V. Uporov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Petr Ya. Citkilov – Doctor of Historical Sciences, Professor of Social Technology, Southern Federal University;

Tatiana M. Chapurko – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Departments of Criminal Law, Faculty of Law, Cuban State Agrarian University;

Sergey V. Shefel – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Affairs Disciplines, Crimean branch of the Russian State University of Justice.

СОДЕРЖАНИЕ:

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Васьков М.А. Фракционное самоопределение и соотношение сил фракций РСДРП в донских социал-демократических организациях накануне Первой русской революции	11
Григорьева Н.В. Особенности формирования и развития малых городов России в процессе советской урбанизации.....	17
Жолдошев Н.Ж. Памир и памирские кыргызы в трудах Д.Л. Иванова конца XIX века	25
Касьянов В.В. Историко-образовательные аспекты проблемы фальсификации истории Второй Мировой войны.....	31
Упоров И.В. Первый массовый вооруженный побег заключенных в системе Гулага: причины, последствия, оценки.....	37
Шандулин Е.А., Аганов А.А. Внутренняя политика императора Александра I в контексте его европейской политики во время Тильзитского мира (1807-1812 гг.)	42
Штурба Е.В. Основные направления внешней политики руководства Российской Федерации на рубеже XX-XXI столетий.....	48

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Горбунова И.М., Петровская О.А., Скочилова Д.А. Игра как форма культуры и социальной коммуникации	57
Ковалева С.В. Философия и искусство: единство смысла и многообразие форм	63
Кочубей И.В. Разгром карматов и смерть Его величества Насра ибн Ахмеда	67
Круглик Н.В. Особенности формирования культуры власти правящей элиты.....	71
Савеленко В.М., Абрамов М.А., Булкин А.Н., Тищенко В.А. Этническое содержание религии: социально-культурологический аспект.....	76
Самыгин С.И., Аганов А.А. Растения в мифологии и фольклоре народов мира	81
Харсеева Н.В., Щербакова Е.Н., Дубовцева Н.В., Байстрюченко Д.А. Род Васнецовых: служение Отечеству (на примере священства и воинства). Часть 1	87

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Максимов М.В. Непосредственная демократия как система ценностей и механизм реализации самоуправления в обществе	99
Васьков М.А., Ямалов А.В. Влияние исламского фактора на политические процессы в современной Абхазии	104
Воронцов С.А., Керимов О.Ю. Генезис современной политической системы России.....	112

Понеделков А.В., Роговенко М.А. Особенности взаимодействия государства и общества в условиях функционирования информационно-сетевых коммуникаций.....	117
Чапурко Т.М., Григорьева Н.В. Влияние глобализационных процессов современности на состояние и перспективы развития малых городов России	121
Шандулин Е.А., Аганов А.А. Политико-правовые концепции бюрократии в России в конце XIX в. – в 30-х годах XX века	132

CONTENTS:

HISTORICAL SCIENCES

Maxim A. Vaskov

Actional self-determination and the balance of forces of the RSDLP factions
in the Don FSocial Democratic Organizations on the eve of the First Russian Revolution 11

Natalia Grigorieva

Features of the formation and development of small towns
in Russia in the process of Soviet urbanization 17

Nyrbek J. Joldoshev

Pamir and pamir kyrgyz in the works of D.L.Ivanov of the late XIX century 25

Valery V. Kasyanov

Historical and educational aspects of the problem
of falsification of the history of the second world war 31

Ivan V. Uporov

First mass armed escape of prisoners in the Gulag system:
causes, consequences, estimates 37

Evgeny A. Shandulin, Andrey A. Aganov

The internal policy of Emperor Alexander I in the context
of his European policy during the Tilsit World (1807-1812) 42

Evgeny V. Sturba

The main foreign policy areas of the leadership
of the Russian Federation at the turn of the 21st century 48

CULTURAL SCIENCE

Inna M. Gorbunova, Oksana A. Petrovskaya, Diana A. Skochilova

Playing as a form of culture and social communication 57

Svetlana V. Kovaleva

Philosophy and art: unity of meaning and the variety of forms 63

Igor V. Kochubey

The defeat of the Karmats and the death of His Majesty Nasr ibn Ahmed 67

Natalia V. Kruglik

Features of the formation of the culture of power of the ruling elite 71

Vyacheslav M. Savelenko, Maxim A. Abramov,

Andrey N. Bulkin, Viktor A. Tishchenko

Ethnic content of religions: socials and cultural aspect 76

Sergei I. Samygin, Andrey A. Aganov

Plants in the mythology and folklore of the peoples of the world 81

Natalia V. Harseeva, Elena N. Shcherbakova,

Nina V. Dubovtseva, Dmitry A. Baystrichenko

The Vasnetsov family: service to the Fatherland
(in the example of the priesthood and military). Part 1 87

POLITICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Maksim V. Maximov

Direct democracy as a system of values and a mechanism
for the realization of self-government in society 99

Maxim A. Vaskov, Alis V. Yamalov

The influence of the islamic factor on political processes in modern abkhazia 104

Sergey A. Vorontsov, Oleg U Kerimov

The Genesis of Russia's Modern Political System 112

Aleksandr V. Ponedelkov, Mikhail A. Rogovenko Features of interaction between the state and society in the conditions of the functioning of information and network communications	117
Tatiana M. Chapurko, Natalia V. Grigorieva The impact of modern globalization on the state and prospects for the development of small cities in Russia.....	121
Evgeny A. Shandulin, Andrey A. Aganov Political and legal concepts of bureaucracy in Russia in the late 1990s and 1930s	132

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Васьков Максим Александрович
доктор социологических наук,
профессор кафедры образования
и педагогических наук,
Южный федеральный университет
vaskovmaxim@mail.ru

ФРАКЦИОННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И СООТНОШЕНИЕ СИЛ ФРАКЦИЙ РСДРП В ДОНСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Статья посвящена интересному с научной точки зрения периоду в истории революционного движения на Дону в начале XX века. Как отмечает автор публикации, борьба между представителями соперничавших фракций на местах началась практически сразу после завершения работы второго съезда РСДРП. На Дону фракционные разногласия в РСДРП начали ощущаться не сразу после того, как в крупнейшей социал-демократической организации области – в Донском комитете прошло обсуждение итогов работы II-го съезда и была принята «меньшевистская» резолюция.

Ключевые слова: РСДРП, большевистская фракция РСДРП, меньшевистская фракция РСДРП, революционное движение на Дону, Первая русская революция.

После завершения второго съезда РСДРП для продолжения работы в Донской комитет РСДРП вернулся лишь А.С. Локерман. С.И. Гусев остался первоначально в большевистском центре, а затем был направлен для работы в других партийных комитетах. Также, наоборот приехал, поддержавший меньшевиков, делегат от союза горнозаводских рабочих И. Мошинский, он делал доклад о съезде для членов союза. После доклада А.С. Локермана о произошедшем на съезде расколе, большинство членов Донского комитета проголосовало за принятие резолюции, осуждающей действия ленинцев. Несмотря на то, что часть членов Донского комитета с этим не согласилась и высказалась в поддержку ленинской группы, у меньшевиков оказалось стабильное большинство.

Борьба между представителями соперничавших фракций на местах началась практически сразу после завершения работы второго съезда РСДРП. На Дону фракционные разногласия в РСДРП начали ощущаться не сразу после того, как в крупнейшей социал-демократической организации области – в Донском комитете прошло

Maxim A. Waskov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department of Education
and Pedagogical Sciences,
Southern Federal University
vaskovmaxim@mail.ru

ACTIONAL SELF-DETERMINATION AND THE BALANCE OF FORCES OF THE RSDLP FACTIONS IN THE DON SOCIAL DEMOCRATIC ORGANIZATIONS ON THE EVE OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

Annotation. The article is dedicated to an interesting period from a scientific point of view in the history of the revolutionary movement on the Don in the early twentieth century. As the author of the publication notes, the struggle between representatives of rival factions on the ground began almost immediately after the completion of the second congress of the RSDLP. At the Don factional disagreements in the RSDLP began to be felt not immediately after the largest social-democratic organization of the region – the Don Committee held a discussion of the results of the work of the SECOND Congress and adopted a «Little» resolution.

Keywords: RSDLP, Bolshevik faction of the RSDLP, the Lesser faction of the RSDLP, the revolutionary movement on the Don, the First Russian Revolution.

обсуждение итогов работы II-го съезда, и была принята «меньшевистская» резолюция. Первоначально члены Донского комитета РСДРП, заслушавшие доклад А.С. Локермана, не придавали большого значения произошедшему на съезде расколу. Видный деятель Донского комитета С. Гурвич вспоминал, что непосредственно после съезда раскол казался «лишь небольшой царапиной на теле единой партии» [1]. В резолюции Донкома осуждались действия В.И. Ленина и его сторонников по вопросу о выборах состава Центрального комитета партии и редакции её центрального печатного органа.

Полемика усилилась после организационного оформления фракций и начала издания ими своих печатных органов. Большинство членов Донского комитета РСДРП и связанных с ним местных организаций, определившееся как сторонники меньшевистской фракции, ориентировалось на газету «Искра», большевики – на политическую линию газеты «Вперёд».

У меньшевиков с самого начала были надёжные каналы связи с редакцией «Искры». Сторонники

же В.И. Ленина смогли через большевичку Ф.И. Драбкину [2, с. 71] установить контакт с редакцией газеты «Вперёд» и поддерживать с ней регулярную переписку. Этот канал связи существовал с сентября 1904 по март 1905 года [3]. 10 ноября 1904 по инициативе Ф.И. Драпкиной состоялось собрание Донского комитета РСДРП, на котором она попыталась защитить большевистскую точку зрения. Это её выступление окончилось неудачей, переубедить членов комитета ей не удалось [4]. К этому же времени (конец ноября 1904 – М.В.) относится аналитическая справка, подготовленная сотрудниками Донского охранного отделения, в которой отмечалось, что, руководившие Донским комитетом РСДРП меньшевики, не давали возможности появлявшимся представителям «большинства» развивать свою деятельность, а присылавшуюся ими литературу просто не принимали [5]. Такая резкая реакция меньшевиков явилась следствием попыток большевиков установить контроль над Донским комитетом. Складывалось впечатление, что вместо действий по устранению раскола большевики, наоборот, стараются его усилить и сместить руководство комитета.

В этом историческом периоде можно выделить несколько основных факторов, способствовавших развитию межфракционных разногласий среди донских социал-демократов. Постоянно существовал приток новых ответственных партийцев-практиков из-за границы, где они должны были непосредственно участвовать в межфракционных конфликтах. У руководства обеих фракций существовало стремление как можно скорее добиваться от приехавших из России партийных работников, чтобы они определили к ним своё отношение. Разумеется, каждая фракция стремилась привлечь новых людей именно к себе [6, с. 424]. В то время, как условия совместной работы на местах способствовали сглаживанию противоречий, приезжие партийные работники привносили в местные организации остроту фракционной борьбы, которая шла между фракционными центрами в эмиграции. Разногласия между представителями фракций на местах также стимулировались частыми поездками в Донскую область представителей центрального руководства обеих фракций, которые вели агитацию в свою пользу.

Усилению межфракционной борьбы способствовал возросший со временем интерес членов местных партийных организаций к произошедшим на втором съезде партии событиям. Это стимулировало уже определившихся со своими фракционными предпочтениями членов РСДРП высказывать аргументацию и полемизировать со своими идеологическими противниками. Обострение фракционных разногласий на местах произошло в октябре – ноябре 1904 года. Это, прежде всего, было связано с активизацией представителей большевистской фракции. В это время многие представители местных социал-демократических организаций, бежавшие в своё время из российских тюрем и ссылки за границу, начали возвращаться с целью продолжить активную практическую работу на местах. Особую активность представители фракций проявляли

для привлечения на свою сторону партийных комитетов, действовавших в крупных рабочих центрах и имевших значительные заслуги и опыт революционной деятельности. В их числе оказался и Донской комитет РСДРП. К моменту начала фракционных дискуссий среди донских социал-демократов, в результате последовавших за мартовской демонстрацией репрессий, целый ряд видных, пользовавшихся авторитетом партийных работников, были вынуждены уехать из Ростова и Нахичевани и, следовательно, не могли принимать участия в развернувшихся межфракционных дискуссиях. Среди них был известный партийный деятель, симпатизировавший ленинским идеям, И.И. Ставский [7]. Советские историки выдвигали этот аргумент, также, как и отсутствие в Донском комитете авторитетного партийного деятеля С.И. Гусева, в качестве основных причин того, что большинство членов Донского комитета РСДРП стали на сторону меньшевиков. По их мнению, решающее значение имели поездки в Донскую область с разъяснением меньшевистской точки зрения видных членов РСДРП, меньшевиков В. Крохмалю, Р. Гальбергадта, А. Шнеерсона, Л. Радченко [7, с. 109]. Однако при этом существовало стремление приуменьшить значение аналогичных действий представителей большевистского ЦК, направлявшего своих представителей для проведения разъяснительной и агитационной работы на местах, стремившихся добиться перехода Донского комитета на сторону большевиков, и то, что их кампания окончилась полной неудачей. Другой причиной того, что в Донском комитете РСДРП получили преобладание меньшевики, по мнению советских историков, было почти полное изменение его состава [7, с. 107]. Однако в полицейских источниках есть точное указание на то, что аресты, действительно повлиявшие на персональный состав комитета, произошли 03 декабря 1904 года, но к этому времени победа меньшевиков в Донском комитете уже вполне определилась. После довольно быстрого восстановления комитета к концу декабря положение не изменилось, доминирующие позиции в нем по-прежнему занимали меньшевики. Вернувшиеся в Ростов-на-Дону большевики П.И. Ставский, Р. Кондратьева, И. Кондратьев, работавшие ранее в типографии Донкома, не смогли изменить положение и поколебать позиции меньшевиков, к тому же, первые, к кому они обратились после своего возвращения, были меньшевики Лимановы. В условиях, когда в местных социал-демократических организациях, возникшие на съезде разногласия, рассматривались как временные, решающую роль в их самоопределении играла личность докладчика, насколько он пользовался авторитетом у слушавших его партийцев и умел убеждать. В Донском комитете таким человеком был А.С. Локерман, он имел достаточно большой опыт в организации рабочего движения, и, связанные с РСДРП рабочие, его хорошо знали не только как пропагандиста, но и в качестве одного из руководителей ноябрьской стачки 1902 года. Работа в «Донской речи» помогла ему установить связи и среди, симпатизировавших социал-демократам, интеллигентов. Это подтверждает мысль советских историков о том, что отсутствие И.

Ставского и С. Гусева обеспечило меньшевикам возможность взять Донской комитет под свой контроль, но данного аргумента было недостаточно, чтобы объяснить устойчивость Донских меньшевистских организаций, которая сводила на нет все попытки большевиков переломить ситуацию в свою пользу. Сохранению руководящего положения меньшевиков способствовало то обстоятельство, что большинство, связанных с партией рабочих, рассматривали меньшевиков наравне с большевиками как своих законных представителей и революционеров. Особенно ярко это проявилось уже в другой исторической эпохе в 1918 году, когда меньшевики после прихода в Ростов большевиков стали преследуемой и уничтожаемой партией, а, служившие в Красной гвардии рабочие, часто, рискуя своей жизнью, спасали меньшевиков от расстрелов [8].

Приток партийных работников-меньшевиков вместе с импульсом к фракционной борьбе дополнительно укреплял их позиции в Донском комитете, в то время, как большевики после провала своих попыток взять под контроль Донком и, связанные с ним организации, сосредоточили внимание на более перспективных в этом отношении регионах. В принципе, и в меньшевистском Организационном комитете, и в большевистском Центральном Комитете прекрасно понимали, что исход борьбы за руководство партией, а, следовательно, и победа той или иной фракции будет решена в местных комитетах. На чью сторону они встанут? В Донском комитете РСДРП на принятие меньшевистской резолюции решающее влияние оказал доклад о работе съезда, который сделал А.С. Локерман. Выше было указано на то, что он в своих выступлениях на съезде позиционировал себя как сторонник «искровского» направления в российской социал-демократии, но одновременно он выступил с протестом против проведенного по предложению Ленина избрания Центрального Комитета и редакционной коллегии Центрального печатного органа партии. Среди членов Донского комитета РСДРП – интеллигентов и небольшого числа, наиболее подготовленных в политическом отношении рабочих, не было принципиальных расхождений с идеями, которые высказывались до второго съезда РСДРП в газете «Искра». Донской комитет к моменту созыва второго съезда РСДРП был «искровским». Альтернативное социал-демократическое направление, «экономизм», идеи которого выражались в газете «Рабочее дело», к моменту появления соперничавших фракций РСДРП, серьезным влиянием среди донских социал-демократов не пользовалось.

Первый номер ленинской газеты «Вперёд» вышел в свет 22 декабря 1904 года, практически одновременно с восстановлением Донского комитета РСДРП. К этому же времени относится и начало целенаправленной работы большевиков по консолидации своих сторонников вокруг этого литературного органа. Регулярную переписку с заграничным Бюро комитетов большинства и редакцией газеты «Вперёд» поддерживала донская большевичка Вера. В.И. Ленин в начале фракционной полемики, когда разногласия большинству членов партии представлялись

ещё просто техническими, считал, что при правильно организованной разъяснительной работе южные партийные комитеты могут быть привлечены на сторону большевиков. Он являлся довольно опытным политиком, чтобы понять важность этих крупных рабочих центров, которые могли оказывать своё влияние, как на значительное число рабочих, так и на близкие к ним партийные ячейки. На начальном этапе фракционной борьбы руководство как большевистского, так и меньшевистского центра пыталось вести борьбу за то, чтобы поставить под свой контроль Комитет, в целом, а не создавать в его структурах параллельную организацию, подчинённую себе группу. Зная, по каким пунктам большинство Донского комитета осудило его действия, В.И. Ленин в октябре 1903 года обратился к Донскому комитету и связанному с ним Союзу горнозаводских рабочих с двумя письмами. В них он попросил указанные комитеты конкретно разъяснить свою позицию по вопросам, связанным с выборами в Центральный Комитет и Центральный печатный орган партии, а также, высказать свои предложения по вопросу о том, кого, по их мнению, следовало кооптировать в Центральный Комитет и Центральный Орган [9, с. 304-305; с. 311-313]. Но никакого эффекта это обращение В.И. Ленина не принесло. Кроме того, представители Донского комитета РСДРП и Союза горнозаводских рабочих после ознакомления с письмами переслали их своему руководству. В 1904 году они были опубликованы в книге Л. Мартова (Ю.О. Мартова) «Борьба с осадным положением в РСДРП» [10, с. 313].

После этой неудачной попытки привлечь на свою сторону Донской комитет, для разъяснения сложившейся в партии ситуации в Донскую область были направлены представители большевистского центра. Также, в письме от 05 октября (22 сентября) 1903 года, которое было направлено в Киев Г. М. Кржижановскому и В.А. Носкову, В.И. Ленин и Н.К. Крупская давали следующие инструкции. От организаторов работы большевистской фракции на юге России требовалось следующее: «Непременно занять своими людьми места во всех комитетах без исключения. Надо обратить особое внимание на Харьков, Екатеринослав и Ростов. Готовьтесь к легальной, но отчаянной борьбе». У руководителей большевистской фракции под влиянием бесед, с поддержавшими их бывшими членами Донского комитета, сложилось убеждение в слабости позиций меньшевиков. Оценивая ситуацию в партийных организациях, действовавших на территории Донской области, В.И. Ленин опирался, главным образом, на мнение С.И. Гусева (Я. Дабкина) и В.И. Невского (Кривобокова), а также, на информацию, содержащуюся в корреспонденциях, находившейся в Ростове большевички Ф.И. Дабкиной. Письма, кроме тех, что были написаны Ф.И. Дабкиной, дают крайне низкую оценку ресурсам донских меньшевиков и относятся к маю-августу 1905 года, но и до этого С.И. Гусев и В.И. Невский не считали, что их противники являются значительной силой. Ранее подобные суждения они передавали В.И. Ленину во время личных бесед. Известно, с каким интересом он беседовал с представителями местных

организаций и стремился получить от них информацию. Эти бывшие авторитетные члены Донкома настойчиво убеждали В.И. Ленина в своих письмах в том, что позиции меньшевиков в Донском комитете очень слабы, стоит правильно организовать и достаточно решительно провести агитационную кампанию, чтобы большинство членов Донкома перешло на сторону ленинцев [10, с. 87].

После того, как письменные обращения к донским меньшевикам реального результата не принесли, для разъяснительной работы в ОВД, а в случае её провала – создания отдельной большевистской группы, на Дон было направлено несколько видных представителей большевистской фракции. Большевистские представители приезжали для докладов о произошедшем в партии расколе и действиях большевиков для местных социал-демократических организаций. Они устраивались как в рамках общих поездок по южным областям страны, где были партийные ячейки, так и специально для работы в Донской области. Начало этой кампании относится к ноябрю 1903 года. В частности, для доклада о произошедшем на съезде расколе и сложившейся после него ситуации в партии и агитации за большевистскую платформу, на Дон были направлены видные большевики В.П. Ногин и М.М. Эссен. По сведениям Донского охранного отделения, они встретились с двадцатью членами партии, но все эти контакты были прослежены полицией, а лица, которые с ними встречались, арестованы [17].

В сохранившейся переписке большевистского центра нет отчета В.П. Ногина и М.М. Эссена об этой поездке, хотя представители, объезжающие провинциальные комитеты, были обязаны информировать центр о положении на местах. Можно определенно сказать, что их активная разъяснительная и агитационная работа среди оставшихся на свободе членов Донкома никаких ощутимых результатов не дала. Большинство осталось верно, принятой ранее резолюции, осуждавшей действия большевиков на съезде партии. К тому же, внимательно наблюдавшее за действиями большевиков меньшевистское руководство, ответило на их действия аналогичными мерами. Для проведения разъяснительной кампании в Россию были направлены группы меньшевиков. В частности, уже после отъезда Ногина и Эссена в Ростов приехала меньшевистская группа, в состав которой входили В. Крохмаль, Р. Гальберштатт, А. Шнеерсон, Л. Радченко [11]. Однако, так как Донской комитет остался на меньшевистских позициях, приехавшим представителям не было необходимости проводить серьезную агитационную кампанию. Усиление позиций донских меньшевиков способствовал процесс, когда, получавшие преобладание в северных районах большевики, вытесняли из этих комитетов меньшевиков, которые переезжали для работы в южные и восточные комитеты.

В отличие от большевиков, проводивших активную и наступательную работу по созданию на Дону групп своих сторонников, действия меньшевиков были направлены на то, что бы сохра-

нить уже имевшиеся у них позиции. Рабочие-партийцы практически не были осведомлены о сути разногласий между фракциями, и большевики стремились убедить их в своей правоте и противопоставить свою позицию, руководившим Донским комитетом РСДРП интеллигентам-меньшевикам. Однако максимум чего им удалось добиться (к середине февраля 1905 г.), это резолюции, в которой рабочие социал-демократы потребовали создать равные условия для работы представителей обеих фракций и свободного распространения литературы, как большевиков, так и меньшевиков. По большому счету, обе фракции выглядели в глазах местных партийных работников не безупречно. Работавшие в местных организациях социал-демократы, ожидали узнать от возвращавшихся со второго съезда делегатов о создании полноценной единой партии, а услышали о расколе. Тем самым, их надежды были обмануты.

Ситуация, когда рядовые партийцы, не прошедшие фракционную «школу» в эмиграции, не разбирались во внутрипартийных разногласиях, была типичной. Авторитет отдельных заграничных вождей для большинства рядовых членов партии не существовал вовсе, но он был у съезда, который, по их мнению, был способен преодолеть раскол [12, с. 27]. О том, насколько велика была роль в разжигании межфракционной полемики эмигрантской части партии, можно судить по фактам, которые приводит в своих воспоминаниях близкий к В. И. Ленину большевик М.Н. Лядов. В частности, в конце 1904 года – «в Питере особенно остро шла борьба между большевиками и меньшевиками. Туда, из-за границы обеими сторонами были брошены наилучшие силы» [12, с. 31].

В этом контексте показательное отношение к меньшевистскому Донскому комитету со стороны «Южно-Русской группы учащейся молодежи». Чувствуя, что в связи с постоянными арестами потенциал Донского комитета начинает ослабевать, большинство молодых людей, примыкавших ранее к «Южнорусской группе учащейся молодежи», прекращает в ней своё участие. Молодые люди стремились принять непосредственное участие в партийной работе и, тем самым, укрепить Донской комитет [13, с. 17-18]. Однако часть советских историков оценивала этот процесс крайне негативно, как ослабление меньшевиками руководства молодежными организациями и признак кризиса в «Южнорусской группе учащейся молодежи», ставший следствием действий её оппортунистического (меньшевистского – М.В.) крыла [14, с. 110]. Однако в указанной работе авторы не стали анализировать содержание письма «ЦК Южнорусской группы учащейся молодежи» в редакцию газеты «Искра». В письме указывалось, что прежде не уделялось достаточного внимания воспитанию молодых кадров для революционной работы. В результате этого, на место выбывших из-за арестов партийцев становилась неопытная молодежь, представители которой не выработали у себя социал-демократического мировоззрения и не имели никакого опыта практической работы, в

результате чего, облегчалось проникновение в их среду оппортунистических идей «ревизионизма», национализма и т.п. Второй съезд РСДРП, покончивший с экономизмом, лишил права на существование все те отдельные группы, которые вели работу среди молодёжи, в том числе, и нашу. На этом основании и с согласия всех наших местных организаций мы объявляем группу распушенной, и все её органы присоединяются к органам партии. Прекращая свою обособленную работу, мы призываем все социал-демократические организации России отказаться от самостоятельных выступлений и начать дружную работу под знаменем единой РСДРП [15, с. 10]. Эта резолюция важна в двух аспектах. Во-первых, она свидетельствует о стремлении молодых социал-демократов отказаться от своей самостоятельности в пользу единства партии. Во-вторых, в ней поднимается вопрос о необходимости работы в рамках единой социал-демократической партии, а не какой-либо отдельной фракции.

Резолюция «Южнорусской группы учащейся молодёжи» опиралась на решение о единстве партии и самороспуске всех существовавших ранее относительно самостоятельно социал-демократических групп, принятое на втором съезде. Негативно молодые социал-демократы относились и к появившимся в результате раскола в РСДРП соперничающим фракциям. Молодое поколение партийцев, как, в принципе, и большинство социал-демократов, считало раскол вредным и временным явлением, которое было основано не на непримиримых и принципиальных разногласиях, а на личных амбициях лидеров, и что раскол для блага революции и рабочего класса должен быть немедленно преодолен. Вступавшие в РСДРП молодые люди, считали меньшевистский Донской комитет полноценной и правомочной партийной организацией. Анализ текста обращения показывает несостоятельность обвинений со стороны большевиков в том, что меньшевики сознательно привлекали для работы в партийных организациях неопытную молодёжь, которой им легко было манипулировать в целях своей фракционной политики [16].

Приведённые выше выдержки из обращения в редакцию «Искры» ЦК «Южно-Русской группы учащихся» свидетельствуют о прямо противоположном. Инициатива роспуска группы и изменения формы её работы среди донской молодёжи была принята коллегиально и соответствовала настроениям большинства её членов. Прежнее стремление создать, пусть и очень близкую к РСДРП, но, всё же, самостоятельную организацию, к этому времени было изжито. Руководившие работой Донского комитета РСДРП и, связанные с ним местные партийные организации, меньшевики подозрительно относились к этому процессу, считая, что, пополнявшие партийные ряды бывшие учащиеся, не имеют опыта самостоятельной партийной работы и не могут пользоваться необходимым авторитетом среди рабочих.

Перед началом Первой русской революции среди донских социал-демократических организаций была следующая обстановка. На Дону появилось два устойчивых фракционных центра. Меньшевистский Донской комитет РСДРП, с которым тесно взаимодействовали социал-демократические группы, существовавшие в Новочеркасске, Александровске-Грушевском. У Донского комитета были также прочные связи с Горнозаводским союзом и с казачьей социал-демократической организацией, которая действовала в станице Каменской. Центром большевиков был Таганрог. Эта организация РСДРП с самого начала фракционного конфликта встала на сторону большевиков и приняла соответствующую резолюцию. Таганрогские большевики были тесно связаны с социал-демократическими организациями, действовавшими в Сулине и Мариуполе [14, с. 110].

На примере Донского комитета и Таганрогской организации РСДРП можно отметить, что фракционные центры были необыкновенно устойчивыми. Они не меняли своей точки зрения в этом вопросе, несмотря на настойчивые и неоднократные попытки представителей другой фракции привлечь их на свою сторону. Хотя в обоих центрах и связанных с ними местных организациях были представители как меньшевистской, так и большевистской фракции, важным было только то, кто располагал большинством голосов при принятии решений. Этот момент был определяющим в вопросе о фракционной принадлежности организации. В свете приведённых данных, трудно согласиться с данными департамента полиции о том, что в связи с фракционной полемикой донские организации РСДРП были полностью дезорганизованы и лишены авторитета среди рабочих. В делах Донского жандармского управления и Донского охранного отделения за этот период нет информации, которая бы подтверждала это заключение департамента полиции. Скорее всего, оно опиралось на ставшее известным в департаменте мнение неизвестного члена партии-большевика, не имевшего полного представления о ситуации в донских организациях РСДРП и выдававшего известные ему частные случаи конфликтов за общую тенденцию.

Таким образом, накануне революции 1905-1907 гг. из числа донских социал-демократических организаций практически только Донской комитет имел четко разработанную структурную организацию, которую стремились воссоздать у себя остальные партийные группы. В состав Донского комитета входили:

- 1) группа пропагандистов и агитаторов, которые проводили занятия в рабочих кружках;
- 2) три районных комитета - Темерницкий, Нахичеванский и Городской;
- 3) специализированные группы: техническая, крестьянская и боевая дружина;

4) «Красный крест», члены которого занимались оказанием благотворительной помощи политическим ссыльным и заключенным. Однако через

«Красный крест» проходил сбор средств и для покрытия расходов, связанных с общеполитической деятельностью партийной организации [17].

Литература:

1. ЦЦНИРО. Ф. 12 оп. 3. д. 299. Л. 20.
2. Вопрос о том, кто был корреспондентом В.И. Ленина и Н.К. Крупской, долгое время оставался невыясненным. Затем переписку с ними приписывали Вере Швейцер, но потом, на основе анализа архивных данных, было доказано, что переписку вела именно Ф.И. Драбкина (Лебедева). См. Яровой И.В. Большевичка Вера, кто она? // Известия СКНЦ ВШ. Серия общественные науки. 1983. № 4.
3. Яровой И.В. Большевичка Вера, кто она? / И.В. Яровой // Известия СКНЦ ВШ. Серия общественные науки. 1983 № 4. .
4. ГАРО. Ф. 826, оп. 1, д. 24. Л. 118.
5. ГАРО Ф. 826, оп. 2. д. 278. Л. 125 об.
6. Гарви П.А. Воспоминания социал-демократа.
7. Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. 1.
8. ЦЦНИРО. Ф. 12, оп. 2, д., 85. Л. 10.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5 изд. Т. 46.
10. Мартов Л. Борьба с осадным положением в Российской социал-демократической рабочей партии. Женева., 1904. (цит. по Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. 5 изд. Т. 46.)
11. ЦЦНИРО.Ф. 12, оп. 3, д. 229. Л. 28.
12. Лядов М.Н. Из жизни партии в 1903-1907 гг. М., 1926.
13. Дрицов В.П. Рабочее движение и учащиеся средних учебных заведений юга России накануне первой Российской революции. 1900-19004 гг. : автореф. дис канд. ист. наук. М., 1983.
14. Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. 1.
15. Искра. № 62, 28 (15 марта) 1904.
16. Переписка В.И. Ленина Т. 1. Кн. 1. (январь февраль 1905). С. 218. (хотя письмо с этой информацией было написано в начале февраля 1905 года, оно свидетельствует о начавшемся значительно ранее его написания процессе).
17. ГАРО. Ф. 829, оп. 2, д. 36. Л. 2-об.

Literature:

1. TSNIRO. F. 12 op. 3. d. 299. L. 20.
2. The question of who was the correspondent of V.I. Lenin and N.K. Krupskaya remained unclear for a long time. Then the correspondence with them was attributed to Vera Schweitzer, but then, based on the analysis of archival data, it was proved that the correspondence was conducted by F.I. Drabkina (Lebedeva). See Spring I.V. Bolshevichka Vera, who is she? // Izvestiya SKNTS VSH. Social Sciences series. 1983. № 4.
3. Yarovoy I.V. Bolshevichka Vera, who is she? / I.V. Yarovoy // Izvestiya SKNTS VSH. Social Sciences series. 1983 № 4.
4. GARO. F. 826, op. 1, d. 24. l. 118.
5. GARO F. 826, op. 2. d. 278. l. 125 vol.
6. Garvey P.A. Memoirs of a social democrat.
7. Essays on the history of party organizations of the Don. Art. 1.
8. TSNIRO. F. 12, op. 2, d., 85. L. 10.
9. Lenin V.I. Complete collection of works. 5 ed., Vol. 46.
10. Martov L. Struggle against the State of Siege in the Russian Social-Democratic Workers' Party. Geneva., 1904. (cit. by Lenin V. I. Poln. Sobr. Soch. 5 ed. T. 46.)
11. TSNIRO. F. 12, op. 3, d. 229. L. 28.
12. Lyadov M.N. From the life of the party in 1903-1907. M., 1926.
13. Dritsov V.P. The labor movement and students of secondary educational institutions in the South of Russia on the eve of the first Russian Revolution. 1900-19004 : abstract of dis cand. historical sciences. M., 1983.
14. Essays on the history of the Don party organizations. Art. 1.
15. Iskra. № 62, 28 (March 15) 1904.
16. Correspondence of V.I. Lenin Vol. 1. Book 1. (January February 1905). P. 218. (although the letter with this information was written in early February 1905, it indicates the process that began much earlier than its writing).
17. GARO. F. 829, op. 2, d. 36. L. 2-vol.

Григорьева Наталья Викторовна
кандидат социологических наук,
начальник отдела развития,
Туристско-рекреационный комплекс
министерства туризма, курортов
и молодежной политики
Карачаево-Черкесской республики
popov-52@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ СОВЕТСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ

■ ■ ■

Аннотация. Системный кризис, в котором оказалась постсоветское российское общество, по мнению автора публикации, наиболее остро отразился на функционировании малых городов, большинство из которых возникло в советское время в период индустриализации и в послевоенные годы. Их особенностью стала их узкопрофильная специализация, ориентированная на обеспечение деятельности промышленных предприятий или научных комплексов, военных структур и т.д., которые в результате распада СССР и полной реорганизации экономики оказались в состоянии глубокой депрессии, что вызвало рост социально-политической напряженности среди их населения. Как полагает автор, выход из кризисного состояния, в котором они продолжают находиться, следует искать не только в увеличении объемов бюджетного финансирования их деятельности, а и в структурной модернизации их экономики и системы управления при максимально активном использовании потенциала институтов гражданского общества малых городов, который следует направить как на контроль за деятельностью органов управления, так и на расширение спектра гражданских инициатив, на направление социально-политической активности жителей малых городов в конструктивное русло.

Ключевые слова: урбанизация, малые города, гражданские инициативы, институты гражданского общества.

■ ■ ■

В научной литературе, чаще всего, урбанизация отождествляется с процессом роста городов и количеством городского населения. Однако исследователи-урбанисты склоняются к тому, что в понимании урбанизации важны не столько количественные показатели, сколько качественные изменения социальной среды и формирование урбанистического образа жизни. Как отмечает Ю.Л. Пивоваров, «под урбанизацией ныне, все чаще, понимается не только рост городов и повышение их роли в жизни страны или района, но, прежде всего, концентрация го-

Natalia V. Grigorieva
Candidate of Sociological Sciences,
Head of Development Department,
Tourist and Recreational Complex
Ministry of Tourism, Resorts
and Youth Policy
Karachay-Cherkess Republic
popov-52@mail.ru

FEATURES OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF SMALL TOWNS IN RUSSIA IN THE PROCESS OF SOVIET URBANIZATION

■ ■ ■

Annotation. The systemic crisis in which the post-Soviet Russian society found itself, according to the author of the publication, most strongly affected the functioning of small towns, most of which arose during the Soviet era during industrialization and in the post-war years. Their peculiarity was a narrow-profile specialization, focused both on the provision of industrial enterprises or scientific complexes, military structures, etc., which as a result of the collapse of the USSR and the complete reorganization of the economy were in a state of deep depression, which caused an increase in social and political tensions among their population. According to the author, the way out of the crisis, in which they continue to be, should be sought not only in increasing the amount of budget financing for their activities, but also in the structural modernization of their economy and management system, while maximizing the potential of civil society institutions of small towns, which should be directed both to the monitoring of the activities of the government and to the expansion of the range of civic initiatives, to the direction of social and political activity of the inhabitants of small towns in a constructive direction.

Keywords: urbanization, small towns, civic initiatives, civil society institutions.

■ ■ ■

родских видов деятельности, распространение городского образа жизни, образование новых форм расселения» [1, с. 3]. Советская урбанизация повлекла за собой рост городского населения, изменение его состава, содействовала развитию многих малых и средних городов, а также, изменению и совершенствованию структуры органов государственной власти на местах.

Ряд российских ученых отмечает, что советская урбанизация была реализацией стратегии договняющей модернизации. В научной литературе

под модернизацией, преимущественно, понимается процесс перехода от традиционного (аграрного) общества к современному (индустриальному) обществу. Исследователи выделяют две основные модели модернизации: вестернизацию и догоняющую модернизацию [2]. Внутри самого процесса модернизации выделяют сферы, которые она затрагивает: политическую, экономическую, социальную и культурную модернизации. Урбанизация является частью социальной модернизации, а индустриализация промышленности – частью экономической модернизации, которой сопутствуют процессы создания индустриальной культуры соответствующего уровня, в рамках культурной модернизации. Суть процессов догоняющей модернизации исследователи усматривают в «...индустриализации и создании индустриальной культуры, чрезвычайно улучшившей удобства человеческой жизни, условия существования человека» [2, с. 105].

Основной целью советской модернизации являлось стремление догнать и перегнать техническое развитие западных стран, мобилизовав для этого все основные ресурсы страны. Исследователи отмечают, что стержнем советской догоняющей модели модернизации в экономике стала форсированная индустриализация страны (А.С. Сенявский, Ю.Л. Пивоваров, О.И. Шкаратан). Процесс урбанизации, по их мнению, с одной стороны, имел некоторые универсальные черты, а, с другой стороны, обладал рядом характерных особенностей, в чем проявлялась его «специфика, а в чем-то и уникальность, и парадоксальность» [3, с. 105].

Считается, что любые процессы, связанные с технологическим развитием общества, неизбежно сопровождаются формированием новой технологической культуры. Соответственно, и процессы индустриализации должны быть связаны со становлением индустриальной культуры. Более того, неотъемлемой частью индустриализации было производство масс как особой неструктурированной и неоднородной общности. Однако специфика советской индустриализации проявлялась в том, что «создание соответствующей индустриальной культуры и улучшение жизни народа откладывалось на долгую перспективу и в период модернизации во внимание не принималось, так как ориентирами индустриальных изменений служили западная промышленность и её военная техника. То есть, форсированная индустриализация не влекла за собой создания соответствующей индустриальной культуры» [4, с. 29].

В советский период урбанизационные процессы имели, преимущественно, количественное выражение, проявляющееся исключительно в количественном росте городских поселений, в укрупнении городов, а также, в увеличении численности городского населения. Качественная сторона урбанизации развивалась крайне слабо и отставала от темпов роста.

Таким образом, одной из характерных черт советской урбанизации стало появление советских индустриальных городов с крупными градообра-

зующими предприятиями, с массовыми миграциями населения на эти территории, но с крайне медленным распространением урбанистического образа жизни.

Еще одной особенностью советской урбанизации был ее мобилизационный характер. Следует отметить, что мобилизационный характер урбанизации является закономерным проявлением мобилизационного типа развития российского общества. В научной литературе исследованию мобилизационного пути развития России посвящены работы О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Лубского, Н.М. Морозова, Ю.В. Олейникова, А.Г. Фонотова и др. [5-9]. Авторы отмечают, что «мобилизационный тип развития представляет собой один из способов экономической адаптации и заключается в систематическом обращении к чрезвычайным мерам для достижения экстраординарных целей, выраженных в крайних формах условий выживания общества и его институтов» [9, с. 258].

По мнению исследователей, вся история России представляет собой мобилизационный характер развития, который сложился в непростых климатических условиях, что определило специфику функционирования российских экономических и политических институтов. В частности, советская индустриализация носила исключительно форсированный и мобилизационный характер. Перед обществом ставились трудноосуществимые цели, что было обусловлено стремлением догнать и перегнать в экономическом развитии западные страны. Однако это стремление догнать любой ценой осуществлялось в советской России при полном «отсутствии требуемого качества и объема ресурсов (финансовых, интеллектуальных, производственной инфраструктуры и иных) и зрелости внутренних условий для намеченных кардинальных перемен» [10, с. 178].

Именно игнорирование реальных условий и ресурсов для обеспечения сбалансированного развития различных сфер общественной жизни вело «...к расстройству экономических регуляторов, определяющих поведение производителей и потребителей. Чтобы этого не произошло, экономическая система мобилизационного типа должна дополняться мощной компенсационной системой, представляющей из себя совокупность таких средств и ресурсов, которые, включаясь в хозяйственную жизнь в необходимые моменты, препятствуют блокировке каналов экономического оборота ресурсов. Состыковка и подключение компенсационной системы к экономике осуществляется административно-командной системой с помощью властно-принудительных методов» [10, с. 102]. Это вело к тому, что процесс урбанизации в СССР не был результатом естественного, органического общественно-политического развития страны, а был инициирован исключительно государством, осуществляющим процесс градостроительства в рамках командной экономики. Именно государство выступало субъектом урбанизации, в ходе которой города появлялись и развивались на основе управленческих решений, направленных на формирование народнохозяйственного ком-

плекса, подчиненного идеологическим установкам.

Исследователи выделяют следующие черты, характерные для процесса урбанизации в советской России:

1) незавершенный тип урбанизации, особенностями которого являются форсированный, догоняющий, мобилизационный, плановый характер. Именно эти черты отличают процессы российской урбанизации от западной. Как справедливо отмечает А.Г. Вишневецкий: «В Западной Европе быстрому количественному росту городов в XIX–XX веках предшествовали столетия их качественного возвышения, оно было одной из главных осей складывания нового типа общества чего нельзя сказать о российских и советских городах» [11, с. 95]. В связи с этим, ряд российских ученых называет советскую модель урбанизации «ложной урбанизацией» [12], особенностью которой является излишняя миграция сельского населения в города, что привело к диспропорциям в территориально-экономическом развитии регионов страны: «Чрезмерная миграция из села в город в ряде районов усугублялась непродуманными административными преобразованиями сельских территорий в городские» [3, с. 105];

2) сельская основа советской урбанизации, в ходе которой происходила «крестьянизация» городов. Некоторые исследователи называют советскую урбанизацию «урбанизацией подеревенски» [11, с. 95]. То есть, образ города, в значительной степени, определялся выходцами из сельской местности. В связи с этим, исследователи выделяют маргинальный характер городского населения: «Городской житель часто был по своему сознанию, ментальности полугородским, жил сельскими представлениями, а, отчасти, и трудом, вне урбанистической культуры» [13, с. 147];

3) особенностью советской модели урбанизации являлась поселковая сущность многих российских городов. В период модернизации появилось много поселков городского типа, население которых было занято, преимущественно, в промышленном производстве. Таким образом, эти поселения по своим функциям идентифицировались как городские, а по образу жизни были ближе к сельскому поселению. В целях искусственного завышения показателей советской урбанизации многие поселки городского типа совершенно необоснованно получали статус города;

4) низкое качество городской среды в силу того, что в малых городах имели место низкие стандарты обустройства населения. Главным назначением советского города было размещение производительных сил и мест проживания рабочих, поэтому модель городского устройства была крайне упрощена. Чаще всего, город представлял собой некую производственную зону и прилегаемое к ней объединение многоквартирных домов.

Экономия, как отмечают исследователи, проявлялась во всем: «Вся страна от Калининграда до Владивостока застраивалась стандартными жилыми домами из дешевых панелей и силикатного кирпича при очень низком качестве строительства. Делая минимум необходимого, государство стремилось переложить как можно большую часть расходов и тягот городской жизни на плечи самого населения» [3, с. 108]. Тем самым, главным условием реализации планов градостроительства при ограниченности ресурсов была дешевизна при строительстве объектов городской инфраструктуры. Особенностью политики развития городов была жесткая экономия на человеке и необходимых для его жизни сферах: бытовой, жилищной, культурной и т.п. [14].

Таким образом, в условиях догоняющей модернизации и мобилизационного типа развития был невозможен процесс создания новой городской инфраструктуры, соответствующей промышленному развитию города;

5) экологические проблемы. Следует отметить, что появление и развитие городов всегда сопровождается рядом экологических проблем. Поскольку большинство городов строилось около промышленных предприятий, то функционирование последних неизбежно сопровождалось токсичными выбросами в атмосферу, загрязнением водоемов и скоплением промышленных отходов вблизи мест проживания населения города. Кроме того, новые города еще не имели достаточного количества зеленых насаждений. Таким образом, процессы урбанизации создавали проблемы экологического характера.

Вышеназванные черты советской урбанизации уже латентно содержали в себе зародыши дальнейших кризисных явлений, которые охватили малые города России в постсоветский период ее истории. Навязываемые «сверху» процессы урбанизации, их непоследовательный характер, противоречие между количественными и качественными изменениями в городском развитии не могли способствовать формированию эффективно функционирующего города.

Исследователи обращают внимание на то, что «быстрый рост и концентрация городского населения в выборочных точках огромной территории страны, заметно опережали процессы адаптации вчерашних сельских жителей к городскому образу жизни, усвоение ими городской культуры, новой системы ценностей. Городской рост не был достаточно подкреплен как экономическими возможностями, так и социальными приоритетами государства» [3, с. 102].

По мнению ученых, проблемы в развитии малых городов изначально были усугублены господством идеологии «человека при производстве» и, как следствие, «города при заводе» [15, с. 102]. В результате реализации такого рода идеологии в России сложились следующие типы малых городов:

– малые города промышленного назначения, связанные с добывающими или обрабатывающими отраслями промышленности. Ряд малых городов непосредственно выполнял и выполняет функции по освоению природных ресурсов: угля, руды и т.п. Значительная часть малых городов развивалась на основе предприятий обрабатывающей промышленности;

– малые города научной специализации, жители которых заняты преимущественно в сфере научной деятельности, научно-экспериментального производства. Данная категория малых городов появилась в 1960-1970 гг. и была обусловлена потребностями развития обороны страны, а также, освоением космоса и реализацией атомных проектов;

– малые города рекреационного профиля, в который преимущественная доля населения этих городов работает в сфере отдыха, санаторно-курортных услуг, туризма;

– малые города с транспортными функциями, которые имеют предприятия по ремонту подвижного состава или обслуживали дорожную инфраструктуру и т.п.;

– малые города с функцией районного центра. Согласно статистическим данным, в советский период до 65 % малых городов были именно районными центрами, осуществляющими административные функции [16, с. 12]. В таких городах основные виды деятельности были связаны с обслуживанием сельского населения.

Приоритетное значение придавалось выполнению малыми городами административного и хозяйственного руководства. Об этом свидетельствуют данные о количестве работников, выполнявших организационно-руководящие функции в малых городах с различной численностью населения. Так, в малых городах с населением в 25-50 тыс. человек выполнением центральных районных функций было занято 15-20 % от общей численности занятых. В городах с населением до 25 тыс. человек эти цифры увеличиваются до 30-35 % [16, с. 13]. Таким образом, чем меньше был город – районный центр, тем больше в нем было административных и других организационно-хозяйственных работников, обеспечивающих руководство, как самим малым городом, так и окрестными сельскими территориями.

Исследователи отмечают, что появление и развитие малых городов в ходе процессов советской индустриализации осуществлялось преимущественно в 2 основных направлениях:

1) функциональное формирование города при промышленности или других видах деятельности;

2) формирование и функционирование города при крупных агломерациях.

Считается, что последнее направление приобрело особенно интенсивное развитие в последние 10-15 лет существования советского строя. Данный процесс был инициирован властью. Его

целью являлось ограничение роста крупных городов в стране. Так, например, за 1959-1977 гг. в Московской области возникло 18 малых городов [17, с. 45]. Агломерации обладали широкой сетью малых городов. К крупнейшим агломерациям России относится Московская, Санкт-Петербургская, Самарско-Тольяттинская, Нижегородская, Ростовская.

Расширение пригородной зоны вокруг больших городов происходило в ходе двух одновременных процессов:

– с одной стороны, происходило их наполнение населением, желающим работать в больших городах и пользоваться их экономическим и культурным потенциалом;

– с другой стороны, имел место отток в пригороды части городского населения, как на постоянное, так и временное проживание.

Наиболее привлекательной для переселенцев была и остается Москва. В советский период приток населения в Москву ограничивался посредством административных институтов (прописки), что вело к аккумуляции населения и его занятости преимущественно за чертой города.

Важно отметить, что малые города России в советское время существенно отставали в своем развитии от крупных городов. На наш взгляд, комплекс современных проблем российских малых городов обусловлен спецификой процесса отечественной урбанизации, который был ориентирован исключительно на политический заказ. В силу этого, построение городского пространства определялось соображениями политической пользы, а не рыночной целесообразностью.

Исследователи отмечают, что советская индустриализация не была результатом поступательного развития городской среды, напротив, она носила исключительно вынужденный, навязанный характер. Если европейские города формировались в результате органического развития общества и являлись результатом развития рыночных отношений, предпринимательского духа, то советские города складывались в условиях командной экономики. Это привело к тому, что «население наших городов практически полностью состояло из наемных рабочих и служащих, действовавших в рамках командной экономики. Результатом десятилетий такого развития стал острый дефицит предприимчивости и инновационного духа. В этом отношении номенклатура так и не смогла заменить предпринимателей» [18, с. 30-31].

Кроме того, в условиях жесткой командно-административной системы управления, в советских городах не сложились институты городского самоуправления, являвшиеся неотъемлемым фактором развития городской жизни в западных странах. Отсутствие институтов самоуправления вело к отчуждению горожан от городской среды, безразличию к ней: «Урбанизация в СССР так и не смогла выработать психо-

логические и социально-культурные предпосылки рыночной экономики, всегда считавшиеся чуть ли не автоматическими следствиями городского образа жизни – навыки самоуправления, инициативность, рачительное отношение к собственности (не только своей, но и муниципальной), ответственность за порядок в своем доме, квартале и т.д.» [18, с. 31].

Начавшиеся в России в конце 1980-х гг. реформы были попыткой модернизации, изжившей себя командно-административной системы, показавшей свою неэффективность в управлении социально-экономической сферой общества. В начале постсоветского периода, как отмечают исследователи, «появились надежды на то, что слом командно-административной системы управления, устранение ведомственных перегородок, повышение роли местного самоуправления, развитие предпринимательства и другие явления и процессы, связанные с демократическими преобразованиями, придадут саморазвитию городов и их систем большую свободу и новые импульсы» [19, с. 36]. Однако социально-экономические трансформации, начавшиеся в России, сопровождались сильными потрясениями политического, экономического и психологического характера и, даже, катастрофами.

Главная катастрофа была связана с распадом СССР, что повлекло за собой разрушение экономических связей, сложившихся в течение многих десятилетий.

Другая катастрофа – социально-психологическая, которая являлась результатом несоответствия ожиданий населения, связанных с переходом к рынку, демократии, и реального положения дел в экономике начала 1990-х гг. – падения производства, высокой инфляции.

Стремительный переход от плановой к рыночной экономике, связанный с преобладанием в нем спонтанных, неуправляемых процессов, нанес стране серьезную травму: привел к резкому спаду производства и закрытию многих предприятий, что поставило многие российские города на грань выживания. Экономический кризис разрушил прежнюю модель хозяйствования, а формирование новой модели происходило в условиях появления новых форм собственности, приватизации городских промышленных предприятий и реструктуризации производств. Реструктуризация производства производилась с целью выжить в рыночных условиях и сопровождалась высокой экономической и социально-политической напряженностью, ростом протестных настроений среди трудоспособного населения перед угрозой безработицы.

Глубокий экономический и социально-политический кризис затронул практически все российские города. Однако в наиболее сложном положении оказались малые города, большая часть которых была отягощена многими проблемами, сложившимися еще в советский период: по ряду экономических показателей, а также по наличию и состоянию объектов социальной инфраструкту-

ры малые города серьезно отставали от крупных городов России.

Первые годы реформ серьезно ухудшили ситуацию в реальном секторе экономики – производстве, которое традиционно являлось основным бюджетобразующим сектором. В связи с этим, в наиболее сложном положении оказались монофункциональные малые города, где преобладали предприятия добывающих отраслей, прежде всего, угольной, горнодобывающей. В результате снижения или прекращения добычи минерально-сырьевых ресурсов, существенно сокращается число рабочих мест при практически полном отсутствии ввода новых. Более того, часто дело доходит до закрытия предприятий.

Наряду с монопрофильными городами серьезные проблемы в условиях постсоветских трансформаций испытывали и другие категории малых городов:

- города – районные центры, кризисные явления в которых были связаны с упадком сельского хозяйства;

- города-курорты, проблемы которых были обусловлены сократившейся возможностью значительной части населения отдыхать на курортах, а также, возникшей серьезной конкуренцией с зарубежными курортами.

Исследователи отмечают, что парадоксальная ситуация наблюдается в городах – научных центрах, которые «сосредоточили потенциал очень высокого качества, располагая первоклассными коллективами ученых, инженеров, высококвалифицированных рабочих. Их производства основаны на высоких технологиях. Институты и лаборатории оснащены уникальным оборудованием. И, в то же время, сейчас наукограды не столько решают проблемы развития, сколько борются за выживание» [19, с. 38].

Таким образом, в условиях постсоветских трансформаций малые города оказались в крайне сложном социально-экономическом положении. В такой ситуации предприятия оказались не в состоянии содержать принадлежащие им объекты инфраструктуры. Отсутствие доходов не дает возможности для поддержания даже минимального уровня жизни, существенно ухудшается ситуация с экономически не активным населением, которое ранее получало социальную поддержку от предприятия. Наиболее экономически неустойчивыми оказались монофункциональные города, именно они составили кластер проблемных городов, чье экономическое и социальное неблагополучие остро проявилось в период реформирования российского общества.

В несколько лучшем положении оказались города-спутники, которые располагались в пределах крупнейших агломераций, они получили ряд преимуществ. Как отмечают исследователи, «спад производства в них привел к резкому сокращению занятости, но не к массовой безработице» [20, с. 86]. Хозяйственная сфера этих городов переориентировалась на обслуживание

мегаполисов. Занятость в крупных городах обеспечивала населению достаточно высокие заработки, благодаря чему в малых городах-спутниках стал быстрее развиваться малый бизнес. Таким образом, малые города, находящиеся в зонах влияния крупных городов, оказались более адаптированными к новым рыночным условиям. По мнению исследователей, их успешная адаптация была обусловлена, преимущественно «благодаря развитой инфраструктуре, природно-ландшафтными особенностям, историческим традициям, развившейся трудовой мятниковой миграции в города - центры агломераций и т.п.» [17, с. 63].

По числу малых городов, расположенных в зонах влияния крупных промышленных центров, лидирует Московская область, в ней находятся 58 малых городов. В других регионах России ситуация выглядит следующим образом: Свердловская область - 40; Ленинградская - 31; Тверская и Нижегородская - по 23; Краснодарский край - 22; Калининградская и Челябинская области - по 21; Пермская область - 20; Владимирская и Ростовская области - по 18; Татарстан - 16; Башкортостан - 15 [21, с. 4].

Кроме позитивных моментов подобного развития малых городов в агломерациях наблюдаются и серьезные дефекты с точки зрения их перспектив. Прежде всего, это достаточно четко выраженная тенденция к централизации, состоящая в том, что:

- во-первых, город-центр отводит на себя существенную часть инновационных ресурсов, получаемую, в том числе, и с помощью малых городов-спутников;
- во-вторых, крупный город оттягивает на себя и средства, предназначенные на социальное развитие пригородов;
- в-третьих, заданность сугубо промышленного развития малого города, с одной стороны, угнетает его экологию, а с другой стороны, выступает основой сугубо узкоспециализированного развития, сдерживает возможности поиска иного вектора развития города.

Следует отметить, что в условиях постсоветских трансформаций произошел колоссальный рост социально-экономического неравенства городов. Рыночная экономика усугубила пропасть по уровню жизни между малыми и более крупными городами. Развитие рыночных отношений привело к тому, что крупный капитал выбрал мегаполисы, поскольку инвесторы не хотят начинать с нуля, а идут туда, где есть развитая инфраструктура.

На основании социально-экономических показателей малых городов исследователи выделяют:

- 1) депрессивные города – это города, которые переживают спад производства, в первую очередь, в основных отраслях и нуждаются в крупных инвестициях, в обновлении и диверсификации производства;

- 2) кризисные города – города, для которых свойственен высокий уровень безработицы, сокращение численности населения, наличие экологических проблем.

В советской России не стояли проблемы занятости и безработицы населения. По оценкам специалистов, до 25 % рабочих мест превышают необходимость за счет низкого уровня технологии на производстве и искусственно созданных рабочих мест в непроемкой сфере. Именно это в настоящее время сделало проблему занятости в малых городах одной из главных.

К сожалению, в большинстве малых городов России отсутствует стратегическое планирование социально-экономического развития. В настоящее время, в отличие от советского периода, в управлении городской средой наблюдается отказ от комплексного планирования, которое включает в себя схемы по развитию транспорта, социальной инфраструктуры, защите окружающей среды и т.п.: «С 1920-х по 1990-е годы фактически все города России с населением свыше 100 тыс. человек имели перспективные схемы развития, в соответствии с которыми, принимались решения о размещении различных предприятий, дорог, о создании новых районов массовой жилищной застройки, формировании зон отдыха и т.п.» [22, с. 72].

В целом, хотелось бы отметить, что реформы, проводимые в стране с 1990-х гг., отразились крайне негативно на состоянии малых городов. Промышленный спад пришелся исключительно на производственные отрасли, характерные именно для малых городов, в результате чего, население малых городов столкнулось с ситуацией резко ухудшающихся условий жизни. Если даже условия жизнедеятельности малых городов России не отличались комфортностью и благоустройством, они все-таки гарантировали определенный уровень и образ жизни, от которых пришлось отказаться в течение буквально 2-3 лет. Более того, муниципализация, которая началась в стране в 1993-1995 гг., освободила собственников предприятий от всех затрат по развитию и улучшению жизни населения малых городов, не предложив взамен новых источников финансирования.

Таким образом, сложившаяся в России промышленная и административная модель малых городов в ходе постсоветских трансформаций всех сфер общественной жизни, начала подвергаться серьезным изменениям. Кризис охватил практически все отрасли промышленности страны, вместе с тем, в крупных городах снижение промышленного производства было восполнено ростом сферы услуг, что позволило отчасти решить проблему занятости населения. Однако для малых городов эта замена стала недостаточной в силу низких доходов населения и, соответственно, отсутствия спроса на эти услуги.

К сожалению, социально-экономические реформы, проводимые уже несколько десятилетий, не создали для малых городов благоприятных

условий ни для формирования собственной материальной базы – развития муниципальной собственности, муниципальных предприятий и муниципального хозяйства в целом, ни для формирования в малых городах благоприятной среды для развития малого и среднего предпринимательства. В связи с этим, остро стоит вопрос о трансформации модели управления развитием городского хозяйства малых городов, ориентации ее на преодоление кризисных явлений, которые неизбежно сопровождают переход общества из одного состояния в другое.

Литература:

1. Урбанизация и расселение / Под ред. Ю.Л. Пивоварова. М. : Статистика. М., 1975.
2. Федотова В.Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации / В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова. М.: Культурная революция, 2008.
3. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России в XX веке: представление и реальность / Ю.Л. Пивоваров // Общественные науки и современность. 2001. № 6.
4. Смирнова В.В. Советская урбанизация и развитие социальной среды региональных центров европейского севера в 1921-1939 гг. : дис. ... канд. истор. наук. Архангельск, 2015.
5. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М. : РОССПЭН; Изд-во АНО, 2006.
6. Лубский А.В. Конфликтотенные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии. Ростов-н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2005.
7. Морозов Н.М. Мобилизационный тип развития российской цивилизации / Н.М. Морозов // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(14).
8. Олейников Ю.В. Природный фактор бытия российского социума. М., 2003.
9. Фонов А.Г. Россия: инновации и развитие от мобилизационного общества к инновационному. М. : Бином; Лаборатория знаний, 2014.
10. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998.
11. Горностаева Г.А. Особенности современной урбанизации в СССР / Г.А. Горностаева // Мировая урбанизация: географические проблемы. М. : ИГ АН СССР, 1989.
12. Пивоваров Ю.Л. Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы. М. : ВЛАДОС, 1999. С. 147.
13. Сенявский А.С. Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы /

В завершение публикации хотелось отметить, что потенциал малых городов в постсоветской России оказался крайне низким из-за инертности системы как экономического, так и политического управления их развитием в новых условиях. В настоящее же время, как мы полагаем, одним из важных условий их возрождения и поступательного развития должно стать активное сотрудничество между органами власти и институтами гражданского общества на их территориях, расширение полномочий органов самоуправления.

Literature:

1. Urbanization and resettlement / Edited by Yu.L. Pivovarov. M. : Statistics. M., 1975.
2. Fedotova V.G. Global capitalism: three great transformations / V.G. Fedotova, V.A. Kolpakov, N.N. Fedotova. M. : Cultural Revolution, 2008.
3. Pivovarov Yu.L. Urbanization in Russia in the XX century: representation and reality / Yu.L. Pivovarov // Social Sciences and Modernity. 2001. № 6.
4. Smirnova V.V. Soviet urbanization and the development of the social environment of the regional centers of the European North in 1921-1939 : dis ... cand. history of sciences. Arkhangelsk, 2015.
5. Gaman-Golutvina O.V. Political elites of Russia: Milestones of historical evolution. M. : ROSSPEN; Publishing House of the ANO, 2006.
6. Lubsky A.V. Conflictogenic factors in the South of Russia: research methodology and social realities. Rostov-on/D. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2005.
7. Morozov N.M. Mobilization type of development of Russian civilization / N.M. Morozov // Bulletin of Tomsk State University. 2011. № 2(14).
8. Oleynikov Yu.V. The natural factor of being of the Russian society. M., 2003.
9. Fonotov A.G. Russia: innovations and development from a mobilizational society to an innovative one. M. : Binom; Laboratory of Knowledge, 2014.
10. Vishnevsky A.G. Serp and the Ruble: Conservative modernization in the USSR. M. : OGI, 1998.
11. Gornostaeva G.A. Features of modern urbanization in the USSR/G.A. Gornostaev//World urbanization: geographical problems. M. : IG OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES, 1989.
12. Pivovarov Yu.L. Fundamentals of Geourbanistics: urbanization and urban systems. M. : VLADOS, 1999. P. 147.
13. Senyavsky A.S. Russian urbanization: some historical and methodological problems / A.S. Sen-

А.С. Сенявский // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М. : Наука, 1999.

14. *Коротич М.В.* Факторы формирования малых городов / М.В. Коротич // Государственное регулирование и устойчивое развитие муниципальных образований : сборник научных трудов. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012.

15. *Марков Е.М.* Малые города в системах расселения / Е.М. Марков, В.П. Бутузова, В.А. Таратынов. М. : Стройиздат, 1980.

16. *Макущенко Л.В.* Малые города в структуре российского общества : дис. ... канд. экон. наук. М., 2005.

17. *Пчелинцев О.* Социально-экономический кризис в пространственном измерении / О. Пчелинцев // Общественные науки и современность 1993. № 2.

18. *Лаппо Г.М.* Результаты урбанизации в России к концу XX века / Г.М. Лаппо, П.М. Полян // Мир России. 1999. № 4.

19. *Казakov А.М.* Особенности развития российских городов на современном этапе урбанизации : дис. ... канд. социол. наук. М., 2005.

20. Всероссийский форум малых и средних городов. Гордость и боль России: социально-экономический паспорт малых и средних городов. М. : Российский союз товаропроизводителей, 2000.

21. *Синицына О.В.* Стратегические программы инновационного развития малых городов и механизмы их реализации : дис. канд. экон. наук. Орел, 2009.

yavsky // Urbanization in the formation of socio-cultural space. M. : Nauka, 1999.

14. *Korotich M.V.* Factors of the formation of small cities / M.V. Korotich // State regulation and sustainable development of municipalities: collection of scientific papers. Irkutsk : BSUEP Publishing House, 2012.

15. *Markov E.M.* Small towns in settlement systems / E.M. Markov, V.P. Butuzova, V.A. Taratynov. M. : Stroyizdat, 1980.

16. *Makushchenko L.V.* Small towns in the structure of Russian society : dis. ... cand. of economic sciences. M., 2005.

17. *Pchelintsev O.* Socio-economic crisis in the spatial dimension / O. Pchelintsev // Social sciences and modernity 1993. № 2.

18. *Lappo G.M.* Results of urbanization in Russia by the end of the XX century / G.M. Lappo, P.M. Poly-an // The world of Russia. 1999. № 4.

19. *Kazakov A.M.* Features of the development of Russian cities at the present stage of urbanization : dis. ... cand. sociol. sciences. M., 2005.

20. All-Russian forum of small and medium-sized cities. Russia's Pride and Pain: socio-economic passport of small and medium-sized cities. M. : Russian Union of Commodity Producers, 2000.

21. *Sinitsyna O.V.* Strategic programs of innovative development of small cities and mechanisms of their implementation : dis. cand. of economic sciences. Orel, 2009.

Жолдошев Нурбек Жакыпбекович
кандидат исторических наук,
доцент,
Кыргызский государственный
университет имени И.Арабаева
ainura_koch@mail.ru

ПАМИР И ПАМИРСКИЕ КЫРГЫЗЫ В ТРУДАХ Д.Л. ИВАНОВА КОНЦА XIX ВЕКА

Аннотация. В статье дается анализ работам Д.Л. Иванова конца XIX века, связанным с Памиром. Рассматриваются понятие «Памир» и границы Памира по определению местных жителей. Географический обзор Памира. Указание на коренное население кыргызов собственно Памира. Наименование отдельных родов и пределы их расселения. Физический тип, кочевое хозяйство, киргизские способы охоты на киика, материальная культура и административное устройство кыргызов.

Ключевые слова: Д.Л. Иванов, Памир, Мургаб, Рангкуль, памирские кыргызы, теит, найман, кутас.

Российский ученый, географ, горный инженер, геолог, художник, первый исследователь Памира Дмитрий Львович Иванов является автором таких работ, как «Экспедиция на Памир», «Памирская экспедиция 1883 г.», «Путешествие на Памир», «Памир (Пуп земли)», «Что называть Памиром?», «Орографический характер Памира», «Краткий отчет о геологических исследованиях на Памире», «Охота на Памире», «Шугнан. Афганистанские очерки» и др.

В заметках Д.Л. Иванова «Экспедиция на Памир» [3], «Expédition russe au Pamir» [12], «Памирская экспедиция 1883 г.» [4], «The Russian Pamir Expedition of 1883» [13] и «Ivanov on the Pamir» [14] дается краткое сообщение о большой Памирской экспедиции, снаряженной в 1883 г. по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора. В состав её вошли: капитан Путята, геолог Иванов и топограф Бендерский. В результате этой экспедиции восточная половина Памирской выси, пройденная теперь по всевозможным направлениям, а на южной окраине Памира установлена связь между русскими работами и маршрутами английских путешественников [4, с. 333].

Результаты, добытые экспедицией, весьма важны. Пятиверстная карта всего этого обширного пространства; многочисленные определения высот барометрическим, anerоидом и вычислением; значительные геологические коллекции, разъясняющие строение страны в связи со сделанными ранее геологическими исследования-

Nurbek J. Joldoshev
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Kyrgyz State University
by name of I. Arabaev
ainura_koch@mail.ru

PAMIR AND PAMIR KYRGYZ IN THE WORKS OF D.L. IVANOV OF THE LATE XIX CENTURY

Annotation. The article analyzes the works of D.L. Ivanov of the late 19th century associated with the Pamirs. The concept of «Pamir» and the borders of the Pamirs, as defined by local residents, are considered. Geographical overview of the Pamirs. An indication of the indigenous population of the Kyrgyz in the Pamir proper. The name of individual genera and the background of their settlement. Physical type, nomadic economy, Kyrgyz methods of hunting for kiik, material culture and the administrative structure of the Kyrgyz.

Keywords: D.L. Ivanov, Pamir, Murgab, Rangkul, Pamir Kyrgyz, teit, naiman, cutas.

ми; термометрические данные; наблюдения общего физического характера страны; гербарий, около 100 рисунков, сделанных Ивановым, и многие исследования по другим областям, а также и астрономические определения многих пунктов, сделанные капитаном Путятою, представляют значительный материал, добытый экспедицией. По окончании экспедиции горный инженер Иванов отправляется в Петербург для обработки разнообразных материалов, собранных им в обширной области той высочайшей части Средней Азии, которая издавна носит название «Крыша Мира» [4, с. 340].

В работе «Путешествие на Памир», Д.Л. Иванов о населении собственно Памира пишет, что они принадлежат к двум народностям: «одна коренная памирская, монгольского племени – киргизы. Это те киргизы, которые сами себя называют этим именем и которых мы, в отличие от киргизкайсаков или казахов, называем кара-киргизами. Они принадлежат к четырем под родам: Тейт, Гадырша, Найман и Кипчак. Главная часть этого населения сосредоточивается в долинах Северной и Южной Гези, в урочище Мужы, в районе Рянг-Куля, на Ак-Байтале, на Ак-Суу и на Аличуре, затем в бассейне Кокуй-бел. Кроме того, одна или две кибитки киргизов кочуют летом около Урта-бел, но остаются ли они там постоянно – я не знаю. На Верхней Тагарме точно также селятся киргизы. Расположение этих родов следующее: первые два рода держатся главным образом западной и юго-западной полосы, а северо-восточной – главнейшие найманы и кипчаки.

Киргизы эти, как родственные нашим алайским [5, с. 226]. Далее он описывает болезни, внешность и характер памирских киргизов [5, с. 237].

Д.Л. Иванов, дополняя вышесказанное, отмечает, что на Кош-Агыле кочуют 3-4 кибитки киргизов [5, с. 221]. Лет 25 тому назад (1858 г.) окрестности озера Турумтай были полны киргизскими кочевниками. Ущелье Пшарта, любимая летовка памирских киргизов [5, с. 228]. А растущая на Памире осока (*Carex physodes*), по местному названию «рянг», создала так много собственных имен на Памире, каковы Раянг-куль, река Раянг, урочище Раянг и др. [5, с. 232]. Он кратко описывает флору и фауну Памира [5, с. 232-234].

Д.Л. Иванов, подчеркивая особенности головного убора кыргызских женщин, отмечает, что женский головной убор, который различает киргизские роды между собою, так как мужчины одеваются совершенно одинаково – тот же, что и у наших алайских киргизов, т.е., большой белый тюрбан, сильно нависший наперед» [5, с. 237].

Описывая хозяйство кыргызов, он отмечает, что кыргызы занимаются скотоводством и содержат баранов, коз, верблюдов и яков (кутас). Кутасы – это сокровище, дающее лучшее молоко и сыр, служащее выючным животным и считающееся почетным угощением на пирах. Пища этих киргизов преимущественно молочная: кумыс (но крайне редко), молоко свежее, квашенное и смешанное с водой, сыр сушеный и растертый с водой, или сыр свежий, напоминающий наш густой творог (из молока кутаса); кутасовый сыр у них особенно в ходу и всегда, пускаясь в дорогу, они запасаются ломтями этого сыра [5, с. 237, 239].

Д.Л. Иванов приводит предания памирских киргизов, рассказы о войнах, в которых они принимали участие, – войнах с канжутцами, шугнанами и кашгарцами. Он описывает политическую зависимость от Кокандского ханства и переход киргизов в Кашгарское подданство при Якуббеке, экономическое положение при нем и после, а также, дает этнографические сведения о жителях припамирских стран (Шугнан, Рушан, Дарваз и отчасти Каратегин) [5, с. 238-249].

В другой работе «Памир (Пуп земли)» Д.Л. Иванов, подробно останавливаясь на истории изучения Памира, пишет, что в настоящее время окрестные жители ту же страну называют Памир, а обитатели её, кыргызы, чаще говорят: Папыл, что и объясняет «Помило» Сюань-Цзяня [8, с. 315]. Он также приводит этимологическое разъяснение слова «Памир» Дж. Вуда, Т. Гордона и таджиков, соседних с Памиром стран. Он производит слово «Помило» от персидского Бами-баля, т.е., «высокая крыша» [8, с. 316].

Описывая физико-географические, топографические и орографические особенности Памира, он дает его границы: «Вся площадь, лежащая между Заалайскими горами, Кашгарскими, Гиндукушем и примерно меридианом ледника Федченко, составляет 1300 кв. г. м... Это и будет

собственно Памир, т.е., то высокое нагорье, которое представляет совершенно однородные физико-географические свойства, делающие эту страну вполне определенной областью в топографическом, физическом, этнографическом и даже политическом смысле. Она лежит между 39 1/2 о и 36 3/4 о с. ш., и между 72 3/4 о и 75 о в. д. (по Гринвичу). С севера на юг – от Заалая до Гиндукуша – 270 верст; с востока на запад – от горы Музтаг-Ата до Ташкурмана на Мургабе – 240 верст» [8, с. 325]. Он может быть охарактеризован как степной Памир, или луговой, в противоположность западной части Памира, принимающей характер горного [8, с. 332].

Д.Л. Иванов дает краткие сведения о памирских киргизах, живущих в урочище Мужы и близ Малого Каракуля на Кашгарском Памире. В урочище Мужы «поселился один из главных управителей сарыкольских киргизов, так называемый бек...» [8, с. 334].

Затем Д.Л. Иванов побывал у каракульских киргизов. Малый Каракуль связывается несколькими легкими перевалами с ближайшими кочевьями по Тагарме, на Кош-Агыле (Аксу) и на Рян-Куле. Все эти пути разветвляются у западного подножия великой горы Музтаг-Ата.

Подальше от озера, на сухих лугах несколько киргизских кибиток. Мохнатые кутасы хрюкают и с наслаждением тонут в глубоком болоте. Пасутся лошади. Маленькая отара овец с пастушонком пробирается ближе к мелким горам, окружающим котловину. Пейзаж выходит стереоскопически-мелким, уютным [8, с. 334]. Жившие здесь киргизы, приняли меня с большим радушием... В сущности, здешний народ смотрит весьма добродушно на русских, с которыми они познакомились и вследствие родственных связей с алайцами... Выставленная кибитка и зарезанный барашек, в обмен на которых хозяин был наряжен мною в разноцветный халат и ермолку (топу), тотчас же установили самые дружеские отношения. Явился толковый проводник, а это – самое главное для путешественника [8, с. 335].

Жизнь здешнего киргиза, не отличаясь, в общем, от жизни других киргизов, поражает, вместе с тем, своей беднотой, кучей обид, сыплющихся на него со всех сторон. Уже одна природа обижает его вконец. Семимесячная зима с резкими холодами и ветрами позволяла бы жить сносно только при серьезной трудовой борьбе и тщательно продуманном хозяйстве, т.е., при качествах, как-раз отсутствующих в беспечном памирце. Он, по-видимому, совсем не умеет строить для себя зимовку, делать для скота загоны и организовывать сборы сена [8, с. 335]... Далее, Д.Л. Иванов дает сравнительное описание различных сторон быта памирских и алайских киргизов.

Находясь у озера Ранг-Куль, Д.Л. Иванов подчеркивает, что озеро важно для киргизов не только в смысле кочевья, а еще своими соляными копиями [8, с. 336].

В конце своего труда Д.Л. Иванов дает общую характеристику шугнанцам и подробно описывает их хозяйство, быт, жилище, одежду (женская и мужская), религию, подати, налоги, торговлю и др. [8, с. 476-486]. Затем он дает краткие сведения о Каратегине. Нижний Алай переходит к оседлому Каратегину. Здесь уже прививается земледелие, в долине есть арчевый лес, киргизы, родственники памирцев, живут в прочных и удобных зимовках, заготавливают сено и все более цивилизуются в культурном смысле... Этнографический Каратегин, однако, устанавливается не сразу. Между Алаем и коренной таджикской долиной реки Сурхаб, в наиболее узкой и бедной части восточного Каратегина, тянется полоса киргизская. Но здешний киргиз уже другой. Он постепенно сливается с таджиком, заимствовав от него культуру, теряя свой язык и, наконец, исчезая совершенно в сильной арийской расе, которая одна царит далее к западу [8, с. 488-489].

Д.Л. Иванов, благодаря своему таланту художника, иллюстрировал собственный труд, посвященный Памиру, такими картинами как «Озеро Большой Каракуль», «Долина Кызыл-Суу или Алай», «Архары», «Река Мургаб», «Сурки», «Река Ак-Суу близ Ак-Байтала», «Ночлег на Малом Каракуле», «Гора Музтаг-Ата», «Перевал Баш-Гумбез», «Озеро Яшил-Куль», «Алтын-Мазар» и многие другие. Он также представил карту Памира, на которой показан его маршрут по Памиру, границы лугового или степного Памира и других территорий.

В труде «Что называть Памиром?» Д.Л. Иванов, задавая себе вопрос о том, что называть Памиром, пишет: «...до сих пор вопрос спорный, это зависит, прежде всего, от различия в точках зрения на дело. Одни, например, хотят заключить Памир в строго определенные топографические рамки; другие – подвести его под какой-нибудь совершенно законченный общегеографический тип; третьи стремятся сделать определение его только со стороны геологического генезиса этой страны; четвертые стараются связать его с общей схемой орографических направлений; пятые рассматривают его физико-географические особенности и т.д. [9, с. 131].

«Все мои изыскания, – пишет Д.Л. Иванов, – на месте приводят к тому, что для туземцев, как живущих на Памире, так и в окрестностях, Памир является бесспорно определенной в топографическом смысле областью, лежащей между Алаем (долина р. Кизил-Суу, принадлежащая к Ферганской области), Кашгарией, Гиндукушем, территориями Вахан, Бадахшан, Шугнан, Рошан и бекством Дарваз. В какой бы из этих местностей мы ни спросили знающих людей – где Памир, нам всегда определенно укажут на одну и ту же страну. Это долина реки, которую называют Памир» [9, с. 132].

На другой вопрос: Какова страна Памир?, туземцы отвечают: «Там просторные ровные долины между низкими горами; там так высоко и холодно, что ничего кроме травы не растет; дров нет, хлеб сеять нельзя, живут только киргизы (кочев-

ники), яки да архары с медведем; дорог множество – везде дороги... там ничего нет, а земля как ладонь – вот каков Памир» [9, с. 132].

У Дж. Вуда мы встречаем только название «Памирская река» для реки, выбегающей из оз. Зор-Куль (оз. Виктория). Первый раз название «Малый Памир» – Памир-Хурд было употреблено Пандитом Мурзой. Памир-Калян (Большой Памир) и Памир-Хурд (Малый Памир) прочно введены в терминологию Т. Гордоном и Г. Троттером. Но уже персидские выражения указывают на то, что сведения, полученные этими путешественниками, доставлены не коренными жителями Памира (киргизами), а только соседними таджиками. Местные киргизы первое выражение (Большой Памир) понимают и относят к долине Памира, а второе (Малый Памир) – им совершенно непонятно, ибо местность эту они называют «верховья Ак-Суу» (с мелкими названиями) [9, с. 133-134].

В связи с вышеизложенным, Д.Л. Иванов делает следующее заключение: «Во-первых, Памир, как страна, имеет у туземцев очень определенное топографическое положение; во-вторых, этим же именем называется долина, на которой наиболее выражены характерные черты этой страны; в-третьих, Памир имеет очень определенные общие физико-географические свойства, характеризующие высокое плоскогорье или плато. Так же, по видимому, поняли и исследователи Памира – Гордон и Троттер. На их карте мы находим многочисленные надписи с прибавками «Памир». То, что им было неизвестно к северу от исследованной местности, они назвали «Памир-плато». Перевести их мелкие названия можно бы было так: памирский Аличур, памирский Рангуль и т.д., т.е., местности, лежащие на Памире, составляющие Памир [9, с. 136]. «Введенные же европейцами названия для различных местностей как собственные имена, производные от слова «Памир», названия искусственные» [9, с. 135].

После проведенных исследований на Памире Д.Л. Иванов определяет следующие границы Памира: «Северная слишком ясна и определена, как граница с Алаем – Заалайские горы. Южная, для общих целей, удобнее по Гиндукушу, как по водораздельной линии. Но тогда в область Памира войдет теснина Вахан. При этом, проводя аналогию между севером и югом, Ваханской теснине будет соответствовать подобная же теснина Маркан-Суу, теснина Продольная в Заалае, как и Вахан в Гиндукуше. При детальном же рассмотрении, южной границей нужно будет считать Альмаяно-Ваханские горы, т.е. водораздельные горы между р. Альмаяном и Ак-Суу и далее на западе уже Ваханские [9, с. 138-139].

Определяя восточную границу, он пишет: «...Восточная граница Памира для меня представляется естественной по линии Кашгарских гор. То обстоятельство, что некоторые части этого бассейна называются Сарыколом, несколько не изменяет дела. Во-первых, название

это следует рассматривать как одно из частных названий Памирской выси (название, обусловленное административными соображениями); во-вторых, область Гез, как я уже говорил, не представляет чего-либо обособленного, своеобразно характерного вроде Алая; в-третьих, сама принадлежность ее в другому бассейну обусловлена не какими-либо чисто орографическими особенностями, а прорывом окраинной цепи гор; наконец, в-четвертых, во взглядах туземцев мы не встречаем строгого различия Памира от северного Сарыкола, тем более что все ныне живущие на Памире киргизы так или иначе связаны между собою общими интересами и на все это население (за исключением лишь бассейна Кудары) Кашгар одинаково стремится заявить свои претензии насчет главенства, расширяя произвольно понятие Сарыкола. Насколько мне удалось ознакомиться со взглядами киргизов, как памирских, так и алайских, они не выделяют Гез от Памира» [9, с. 141].

Д.Л. Иванов устанавливает западную границу по линии поворота р. Памира к югу, вершины Шахдар, Тогуз-Булака или Гунта и Ванча указывают естественную границу, за которой – как бы по ту сторону водораздела между озерным плоскогорьем и тесными горными долинами рек – к Памиру прилегает местность уже другой орографической физиономией. В пределах этой линии и линии первых земледельческих поселений я и привожу свою условную границу, характеризую эту полосу, как переходную, как Памир горный, отделяющий Памир луговой от горных провинций Бадахшана, Шугнана и Дарваза [9, с. 144].

Стране в пределах вышеуказанных границ, плоскогорью, Д.Л. Иванов присваивает имя Памир [9, с. 145].

Д.Л. Иванов «Орографический характер Памира» [6]. В труде Д.Л. Иванова «Шугнан» дается численность населения Шугнана и Рушана, антропологический тип, этнографическая схема Туркестана с центром расселения с Памира [10, с. 638, 645-650]. Земледелие и земледельческие орудия, кустарная промышленность и меновая торговля шугнанцев. Описываются кузницы, жилища, одежда, утварь, язык. Кратко рассказывается о взаимоотношениях между киргизами и шугнанцами. А также о баранте у памирских киргизов [10, с. 658, 687].

В труде «Охота на Памире» Д.Л. Иванов описывает природу Памира следующим образом: «Суровая зима тянется месяцев семь. Сильные морозы, резкий ветер, мало выпадающего снега, местами же совсем сдутого или стаявшего на жарком солнце, – вот характеристика здешней зимы. Жизнь на это время или замирает, или ютится по немногим уголкам высокой пустыни. Киргизы забиваются в давно избранные места, где есть родники, где поменьше снегу. Всю зиму они страдают в своей рваной кибитке, простужаются, наживают ревматизм. Киргизские стада угоняются в те ущелья, где бывает мало снега» [11, с. 5].

Описывая флору и фауну, Д.Л. Иванов перечисляет следующих животных Памира. На Кашгарском Памире, в верховьях Ак-Суу, на Аличуре, Рянг-Куле, Кокуй-беле, Белен-Кийике встречаются архары (*Ovis Polii*), в скалистых горах водятся горные козлы (*Capra sibirica*), по-местному, называемые «кийиками» или «каменными козлами». По рассказам киргизов, зимой кийики целыми стадами водятся на Ак-Буре, левом притоке Ак-Суу. Желтый сурок (*Arctomys candatus*) водится во множестве по всему Памиру. В не меньшем количестве по соседству с сурком обитают и маленькие зайцы (*Lepus sp. Lehmanni*). Памирская пернатая дичь разделяется на куриных и плавающих. К первым принадлежит «улар» (*Megaloperdix himalayensis*) – огромная горная куропатка, мелкая куропатка – «кекилик» (*Perdix Shukar*) и «увак» (*Syrraptes tibetanus*) – степная куропатка; ко второму разряду относятся: горный гусь (*Anser indicus*), атайка (*Cesarca rutila*), утка италя (*Gafila acuta*), затем несколько видов общераспространенных уток – кряква, чирки и пр. Среди Памирских лугов встречается довольно много медведей (*Ursus sibirica*), по-киргизски «аюу», встречаются близ оз. Кызыл-Рабат, в верховьях Ак-Суу, на перевале Кокбай, на ручье Сасык. Киргизы охотятся на них, но редко. Их шкуры считаются ценными и используются в виде почетных ковров для сиденья в гостинице и одеял. На Памире везде обитает большой серый волк, который главным образом встречается там, где водится архар, за которым он охотится [11, с. 8, 14, 21, 24, 25, 27, 29, 31, 44].

Д.Л. Иванов описывает охоту киргизов на кийика: «Кийик быстр во всех своих движениях, сообразителен, ловок. Завидя какую-либо опасность, он, прежде всего, смекает, насколько она велика. Если враг далеко, он спокойно высмотрит его и станет, на всякий случай, осторожнее. Если же опасность близка, кийик сразу уходит в непроходимые скалы и скрывается. Такая осторожность заставила охотников, крайне падких до диких козлов, изобретать хитрость за хитростью. Оказалось, что и мудрый кийик может допустить ошибки. Памирские киргизы охотятся на него с кутасом. Эта оригинальная мохнатая корова с лошадиным хвостом, как животное исключительно больших высот, пасется на скалистых горах, и кийики уже к ним привыкли. Киргиз подметил это и стал делать свои подходы к кийику, прячась за кутасом. Такой подход весьма утомителен: нужно крайне осторожно водить кутаса и, прячась за его массивной косматой фигурой, весьма постепенно приближаться к кийикам. Такие маневры удаются только при небольшом числе козлов, а еще лучше с одним. Способ этот конечно может быть применен только в памирских условиях, т.е. там, где разводят яков» [11, с. 19, 20].

Д.Л. Иванов кратко останавливается на способах выделки киргизами шкуры и рогов кийика, употреблении их мяса в пищу. Шкура кийика прочнее кожи домашнего козла и выделывается на подобие замши, несколько не хуже последнего.

Она часто употребляется как мех (дубленый) и зимняя весьма удобна для охотничьих курток. Огромные рога кийика также идут в дело: из их кости получают отличный материал для ручек к ножнам, ногайкам и пр. Как украшение могил и часовен, – эти рога занимают в туземном быту не менее почетное место, чем рога архара, с той разницей, что рога кийика гораздо распространённые [11, с. 21].

Книга Д.Л. Иванова «Охота на Памире» проиллюстрирована личными рисунками автора: «Архар», «Кийик», «Як», «Улар», «Атайка», «Охота на медведя».

В «Кратком отчете о геологических исследованиях на Памире» автор ограничивается лишь одними геологическими данными, добытыми при исследовании Памира [7]. С геологической точки зрения Памир есть огромный массив, в основе которого лежат гранитные и гнейсовые породы. Памир богат соляными копиями, золотом, серебром, железом, медью, свинцом и другими полезными ископаемыми [7, с. 2, 13, 14]. В приложении к труду дается список 320 высот, определенных Д.Л. Ивановым в вычислениях Шарнгорста и Ефимова и схематическая карта, составленная Д.Л. Ивановым [7, с. 24-34].

Такие труды Д.Л. Иванова, связанные с Памиром, как «Дневник Д.Л. Иванова об участии в Памирской геологической экспедиции (1883 г.)», «Рисунки и карты к Памирскому дневнику Д.Л. Иванова», «Письмо А. Регеля Д.Л. Иванову со сведениями по истории Шугнана (Зап. Памир) (1883-1884 гг.)», «Дневник Д.Л. Иванова – Туркестан, Памир» и другие до сих пор остаются неопубликованными и хранятся в архива [1].

На основании трудов Д.Л. Иванова можно сделать следующие выводы:

Слово «Памир» как собственное имя, имеет очень определенное топографическое положение и этим именем называется река, вытекающая из озера Зор-Куль. Затем, название «Памир» перешло долине этой реки, на которой наиболее выражены характерные черты этой страны; потом с помощью западных исследова-

телей название «Памир» с одной долины перешло на всю страну, которая имеет очень определенные общие физико-географические свойства, характеризующие высокое плоскогорье или плато.

Введенные европейцами названия для различных местностей как собственные имена - Аличур Памир, Вахан Памир, Памир Хурд, Ранкуль Памир, Сарез Памир, Тагдумбаш Памир, Хоргош Памир и др. – производные от слова «Памир» названия искусственные.

Границы Памира следующие: «Северная граница с Алаем – Заалайские горы, куда входит теснина Маркан-Суу, теснина продольная в Заалае. Южная граница – горы Гиндукуш, т.е. Альмаяно-Ваханские горы. Восточная граница Памира по естественной линии Кашгарских гор, куда входит Кашгарский Памир (Сарыкол и Гез). Западная граница по линии поворота р. Памира к югу, вершины Шахдары, Тогузбулака или Гунта и Ванча указывает естественную границу, за которой – как бы по ту сторону водораздела между озерным плоскогорьем и тесными горными долинами рек – к Памиру прилегает местность уже с другой орографической физиономией. В пределах этой линии и линии первых земледельческих поселений я и привожу свою условную границу, характеризуя эту полосу как переходную, как Памир горный, отделяющий Памир луговой от горных провинций Бадахшана, Шугнана и Дарваза.

Д.Л. Ивановым впервые был научно поставлен вопрос о географических границах Памира. Учитывая геоморфологические различия западной и восточной частей Памира, Д. Иванов склонен был считать Памиром только восточную-нагорную его часть; территория, лежащая к западу от нее, к Памиру не относилась. По мнению Д. Иванова, она представляет собой принципиально иной географический тип. Впоследствии исследователи не раз возвращались к этому вопросу. Во всяком случае, опубликованная три четверти века тому назад небольшая статья Д.Л. Иванова может считаться первой попыткой природного районирования Памира.

Литература:

1. РГИА. Дневник Д.Л. Иванова об участии в Памирской геологической экспедиции. Фонд-58, опись-2, № 483, 484, 485 (1883 г.); Рисунки и карты к Памирскому дневнику Д.Л. Иванова. Фонд-58, опись-2, № 486 (1883-1884 гг.); Дневник Д.Л. Иванова. Туркестан, Памир. Фонд-58, опись-3. № 132 (1882-1883 гг.).
2. Из архива Геологического комитета: Дневник Памирской экспедиции 1883 года. 248 с.
3. *Иванов Д.Л.* Экспедиция на Памир // ТВ. 1883.
4. *Иванов Д.Л.* Памирская экспедиция 1883 г. / Д.Л. Иванов // Изв. ИРГО, 1883. СПб. : Типогра-

Literature:

1. RGIА. Diary of D.L. Ivanov about participation in the Pamir geological expedition. Fund-58, inventory-2, № 483, 484, 485 (1883 G.); Drawings and maps to the Pamir diary of D.L. Ivanov. Fund-58, inventory-2, № 486 (1883-1884); Diary of D.L. Ivanov-Turkestan, Pamir. Fund-58, inventory-3, № 132 (1882-1883).
2. From the archive of the Geological Committee: Diary of the Pamir expedition of 1883. 248 p.
3. *Ivanov D.L.* Expedition to the Pamir / D.L. Ivanov // TV. 1883.
4. *Ivanov D.L.* Pamir expedition of 1883 / D.L. Ivanov // Izv. IRGO, 1883. SPb. : Tipografiya

фия А.С. Суворина, 1884. Т. 19. Вып. 4. С. 332-340.; То же. Восточное обозрение, 1884. № 96.

5. *Иванов Д.Л.* Путешествие на Памир / Д.Л. Иванов // Изв. ИРГО, 1884. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1885. Т. 20. Вып. 3. С. 209-252.

6. *Иванов Д.Л.* Орографический характер Памира / Д.Л. Иванов // Изв. ИРГО, 1884. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1885. Т. 20. Вып. 3. С. 252-268.

7. *Иванов Д.Л.* Краткий отчет о геологических исследованиях на Памире / Д.Л. Иванов. СПб. : Типография А. Якобсона, 1885. 34 с., 1 л. карт.; То же. Зап. Имп. СПб-го минералогического общества. СПб, 1883. Т. 22. Сер. 2. С.183-273.

8. *Иванов Д.Л.* Памир (Пуп земли) / Д.Л. Иванов // Новь, 1885, Т. 6. СПб. М. : Товарищество М.О. Вольф, 1885. № 23. С. 315-342. № 24. С. 475-500.

9. *Иванов Д.Л.* Что называть Памиром / Д.Л. Иванов // Изв. ИРГО, 1885. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1886. Т. 21. Вып. 2. С. 131-145.

10. *Иванов Д.Л.* Шугнан. Афганистанские очерки / Д.Л. Иванов // Вестник Европы. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1885. Т. 3. Кн. 6. С. 612-658.

11. *Иванов Д.Л.* Охота на Памире. Отрывки из дневника путешественника / Д.Л. Иванов // Природа и охота. СПб. : Типография А.А. Карцева, 1885. № 1. С. 1-48.

12. *Ivanov D.L.* Expédition russe au Pamir / D.L. Ivanov // Compte-rendu de la Société de Géographie. Paris, 1884. № 6. P. 163-166.

13. *Ivanov D.L.* The Russian Pamir Expedition of 1883 / D.L. Ivanov // PRGS. Vol. 6. 1884. London : Edward Stanford, 1884. P. 135-142.

14. *M. Ivanof on the Pamir / D.L. Ivanov // PRGS. Vol. 7. 1885. London : Edward Stanford, 1885. P. 339-340.*

A.S. Suvorina, 1884. Vol. 19. Iss. 4. P. 332-340.; The same. Eastern Review, 1884. № 96.

5. *Ivanov D.L.* Journey to the Pamir / D.L. Ivanov // Izv. IRGO, 1884. SPb. : Printing house of A.S. Suvorin, 1885. Vol. 20. Release 3. P. 209-252.

6. *Ivanov D.L.* Orographic nature of the Pamir / D.L. Ivanov, Izv. Of irgo, 1884. SPb. : Tipografiya A.S. Suvorina, 1885. T. 20. Vol. 3. P. 252-268.

7. *Ivanov D.L.* A brief report on geological research in the Pamirs / D.L. Ivanov. SPb. : A. Yakobson's printing house, 1885. 34 p., 1 l. maps.; The same. Zap. Imp. of the St. Petersburg Mineralogical Society. SPb., 1883. T. 22. series 2. P. 183-273.

8. *Ivanov D.L.* Pamir (the navel of the earth) / D.L. Ivanov // Nov, 1885, Vol. 6. Saint Petersburg-M. : Association of M.O. Wolf, 1885. № 23. P. 315-342. № 24. P. 475-500.

9. *Ivanov D.L.* What to call Pamir / D.L. Ivanov // Izv. IRGO, 1885. SPb. : Tipografiya A. S. Suvorina, 1886. Vol. 21. Iss. 2. P. 131-145.

10. *Ivanov D.L.* Shugnan. Afganistanskije ocherki / D.L. Ivanov // Vestnik Evropy. SPb. : Printing house of M.M. Stasyulevich, 1885. Vol. 3. Book 6. P. 612-658.

11. *Ivanov D.L.* Okhota na Pamir. Excerpts from the traveler's diary / D.L. Ivanov // Nature and Hunting. SPb. : A.A. Kartsev's Printing house, 1885. № 1. P. 1-48.

12. *Ivanov D.L.* Expédition russe au Pamir / D.L. Ivanov // Compte-rendu de la Société de Géographie. Paris, 1884. № 6. P. 163-166.

13. *Ivanov D.L.* The Russian Pamir Expedition of 1883 / D.L. Ivanov // PRGS. Vol. 6. 1884. London : Edward Stanford, 1884. P. 135-142.

14. *M. Ivanof on the Pamir / D.L. Ivanov // PRGS. Vol. 7. 1885. London: Edward Stanford, 1885. P. 339-340.*

Касьянов Валерий Васильевич
 доктор исторических наук,
 доктор социологических наук,
 профессор,
 факультет истории,
 социологии и международных отношений,
 кафедра истории России,
 Кубанский государственный университет
 culture@kubsu.ru

ИСТОРИКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Главная тенденция развития современной историографии – это особый интерес к изучению феноменов и актуальных проблем исторической памяти. И одной из таких проблем является тема фальсификации истории Второй мировой войны (далее, ВМВ). Данная статья посвящена осмыслению проблемы фальсификации истории Второй мировой войны в контексте историко-образовательных аспектов. Проанализированы основные приемы фальсификации исторической памяти Второй мировой войны, рассмотрены три уровня фальсификации истории, а также, разработаны некоторые методические педагогические рекомендации в области историко-образовательных аспектов преподавания истории.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, фальсификация истории, историческая память, историко-образовательные аспекты, исторические факты, уровни фальсификации.

Главная тенденция развития современной историографии – это особый интерес к изучению феноменов и актуальных проблем исторической памяти. И одной из таких проблем является проблема фальсификации истории Второй мировой войны (далее, ВМВ), актуальность и очевидность которой на фоне обострения международных отношений, разворачивающихся в течение последних лет, не вызывает сомнений.

Так называемая «мода» на критику советской эпохи, которая была свойственна последнему десятилетию XX века, сегодня, канула в лету, но «на ее место в некоторых научных и околонаучных кругах пришла намеренная, профессионально оформленная фальсификация отдельных событий» Второй мировой войны [18].

Интерес к проблемам фальсификации истории ВМВ прослеживается в работах современных историков-исследователей: В.П. Баранова, М.Н. Дудиной, А.А. Климова, В.А. Ливцова, А.Н. Лушина и др.; в рамках проблемы фальсификации исто-

Valery V. Kasyanov

Doctor of Sociological Sciences,
 Doctor of Historical Sciences,
 Professor,
 Faculty of History,
 Sociology and International Relations,
 Department of Russian History,
 Kuban State University
 culture@kubsu.ru

HISTORICAL AND EDUCATIONAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE SECOND WORLD WAR

Annotation. The main trend of the development of modern historiography is a special interest in the study of phenomena and current problems of historical memory. And one of these problems is the falsification of the history of the Second World War (WV). This article is devoted to understanding the problem of falsification of the history of the Second World War in the context of historical and educational aspects. The main methods of falsifying the historical memory of the Second World War are analyzed, three levels of falsification of history are considered, and some methodological pedagogical recommendations in the field of historical and educational aspects of teaching history are developed.

Keywords: World War II, Great Patriotic War, falsification of history, historical memory, historical and educational aspects, historical facts, levels of falsification.

рической памяти и исторического образования известны труды Е.Е. Вяземского, Ю.А. Никифорова, С.И. Самыгина, И.В. Тумайкина, С.В. Ханина и др. В частности, Е.Е. Вяземский указывает на проблему опасности проникновения искаженных данных о ключевых событиях истории ВМВ в целом, и Великой Отечественной войны (ВОВ), частности. Причем, наибольшую опасность представляет попадание ложной информации в юношеское и молодежное сознание, ибо оно разрушает ценностно-ориентационные и мировоззренческие основы молодежи, формируя в сознании молодого поколения исторически недостоверный «образ врага». Как справедливо подчеркивает А.Н. Лушин: Проблема фальсификации истории Второй мировой войны крайне «пагубно воздействует на историческую память, способствует ее утрате либо искажению, что в конечном счете приводит к потере молодого поколения», поэтому «вся лживая псевдолитература должна быть конфискована» из образовательного процесса [11, с. 24].

В силу того, что целью данной статьи является осмысление историко-образовательных аспектов проблем фальсификации истории Второй мировой войны, необходимо уточнить понятие «фальсификация истории».

Итак, с точки зрения преподавателей истории дефиниция «фальсификация истории» рассматривается как «переписывание истории» [3], «ложное описание исторических событий в угоду предвзятой идее» [11, с. 23]; причем, речь о фальсификации может вестись в том случае, если говорить об истории как науке, способной получить и воспроизвести истинное знание о прошлых событиях. Кроме того, по мнению Ю.А. Никифорова, понятие «фальсификация истории» несет дополнительную семантическую нагрузку: «говоря о фальсификации, мы чаще всего имеем в виду сознательный отказ от стремления к истинному описанию прошлого» [13, с. 4]. При этом, согласно дальнейшим рассуждениям упомянутого исследователя, фальсификаторами исторического прошлого и Второй мировой войны, и Великой Отечественной войны ставят перед собой принципиально главными «внеаучные цели: внушение читателю каких-то идеологических или политических идей, пропаганда определенного отношения к прошлым событиям или вообще разрушение исторической памяти, а вовсе не поиск истины и объективности» [13, с. 4].

Научный историко-социальный анализ попыток т.н. «пересмотра» и «переосмысления» истории Второй мировой войны показывает, что, зачастую, такое «переосмысление» оказывается возможным не только за счет игнорирования фактов исторического наследия ВМВ, но и за счет явного демонстративного отказа от применения основных научных методов изучения и соблюдения строгих принципов исторического исследования.

Осмысляя историко-образовательные аспекты проблем фальсификации исторической памяти Второй мировой войны, необходимо учитывать, что, сам по себе, феномен фальсификации исторической памяти, в целом, и ВМВ, в частности, – это многоуровневое явление. Т.е., в нем выделены, как минимум, три уровня: уровень фальсификации фактов (их умышленное, целенаправленное и систематическое искажение), уровень фальсификации содержательных смыслов (создание заведомо ложных схем и/или концепций, обладающих политико-идеологической направленностью), уровень фальсификации, связанный с фактом сокрытия и преднамеренного умалчивания фактов (попросту их сознательное игнорирование) [10].

Историко-образовательные аспекты, в рамках преподавания истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, с необходимостью должны учитывать следующие приемы фальсификации исторической памяти:

– во-первых, целенаправленное и серьезное искажение реальных фактов, событий и персонажей исторического прошлого в угоду западно-

европейским и американским интересам международных организаций, «реализующих геополитические интересы в русле проведения антироссийской политики» [10, с. 109];

– во-вторых, произвольное деструктивное толкование фактов, опирающихся на западноевропейских и американских стандартах и западной идеологии, ориентированной на нанесение ущерба государственным интересам России [11];

– в-третьих, двусмысленное идеологическое толкование исторических фактов и событий исторического прошлого ВМВ [11];

– в-четвертых, введение в историко-образовательный процесс без должных историко-академических оснований новых понятий и категорий [13];

– в-пятых, построение ложных причинно-следственных связей посредством приписывания несуществующих в реальности фактов или «вырывания» фактов из непростого исторического контекста [13].

Безусловно, анализ причин, которые привели к развязыванию Второй мировой войны – это необходимое и сегодня серьезное научное историческое исследование, которым должны заниматься квалифицированные ученые, как для того, чтобы предложить теоретические выкладки, выяснить закономерности хода человеческой истории, так и для того, чтобы разработать рекомендации политическим элитам, позволяющие не повторять подобных ошибок в будущем. Как написал в своей статье Президент РФ В.В. Путин: «Есть потребность продолжить анализ причин, которые привели к мировой войне, размышления о ее сложных событиях трагедиях и победах, о ее уроках – для нашей страны и всего мира...», и в подкреплении своих слов о стремлении российской стороны к объективности, В.В. Путин отдельно указывает на то, что «... поиском взвешенных оценок прошедших событий должна заниматься академическая наука с широким представительство авторитетных ученых из разных стран» [16]. Он обосновал существующую потребность в анализе причин Второй мировой войны ответственностью существующих поколений не только перед памятью павших, но и перед благополучием будущих поколений. Предположим, что данная ответственность должна выражаться в опасениях допустить ошибку в выводах о причинах войны и в возможном повторении полномасштабных войн.

Одним из уроков Второй мировой войны должно стать понимание необходимости равноправных отношений между всеми без исключения нациями и народами. Образцом правдивой, разумной и благодарной позиции при оценке роли народов СССР в победе во Второй мировой войне могут стать слова Президента РФ В.В. Путина: «... Важно передать потомкам память о том, что победа над нацизмом была одержана прежде всего советским народом, что в этой героической борьбе – на фронте и в тылу – плечом к плечу стояли представители всех республик Советско-

го Союза» [16]. Принцип благодарной оценки участия всех народов, наций, каждого человека в восстановлении справедливости, гуманизма должен учитываться как в международном, так и во внутреннем информационном поле.

Информация в современном мире выходит не только из-под контроля политических институтов, но и из-под контроля рациональной составляющей человеческой природы. Выражением методологической честности истории, как науки, могут послужить слова Президента РФ В.В. Путина «...Принципиально важно опираться только на архивные материалы, свидетельства современников, исключить любые идеологические и политизированные домысливания» [17].

В данном случае необходимо напомнить о том, что существенной характеристикой любого продукта массовой культуры, (а сенсационные резолюции Европарламента, статьи журналистов, стремящихся к дешевой популярности, выступления блоггеров через площадки, предоставляемые сетью Интернет, относятся к таковым) является стремление к получению прибыли. Прибыль может исчисляться как в денежном эквиваленте (гонорар за статью, повышение курсов акций и т.п.), так и в политических дивидендах, к каковым можно отнести повышение рейтингов, узнаваемость, инициация дискурса на предложенную тобой тему. Мы полагаем, что данный аспект спекуляции на победе и причинах Второй мировой войны должен разъясняться молодому поколению на уроках (лекциях) по истории, социологии, культурологии, обществознанию, то есть, на всех возможных курсах, в которых ведущей является социально-гуманитарная составляющая, призванная в числе других компетенций, развивать критическое мышление. Необходимо инициировать дискурсы по данной теме, в том числе, и в средствах массовой информации. Любой информационный повод, так или иначе искажающий действительность, должен быть подвергнут максимально подробному разбору при максимально широкой аудитории.

Из реальных свидетельств политической борьбы между Россией и Западными странами за право на обладание исторической правдой можно сделать следующие историко-политологические выводы и разработать некоторые методические педагогические рекомендации в области историко-образовательных аспектов.

В современном глобальном мире изменения становятся имманентны социальному бытию. Если в обществе до 50-х годов XX века еще сохраняется фактор традиционализма и патриархальной стабильности, то сегодня, стабильность без динамики быстро приводит к отставанию одних социальных систем от других. Для общества, в котором динамичность становится одним из существенных атрибутов, необходимо создание не столько раз и навсегда закрепленной системы международных договоров, столько гибкой структуры принципов, использование которых исключало бы развязывание большой войны. Тем более, это важно для стран, владеющих стратегическим вооружением, которое, с одной

стороны, обладает колоссальным сдерживающим фактором, заставляющим искать различные формы компромисса, с другой стороны, создает риск своего использования в случае с наиболее радикально настроенными политическими режимами [4].

С точки зрения исторической науки, попытки фальсификации истории Второй мировой войны можно расценивать с различных ракурсов рассмотрения.

Во-первых, как элемент международной политической борьбы за информационное пространство. С данной точки зрения требуется признать факт влияния культуры, как духовной сферы жизни общества на политические процессы. В свою очередь, культура как область, позволяющая наиболее широкие интерпретации, и спекуляции, может расцениваться в качестве инструмента манипуляции широкими слоями населения, зачастую не имеющими серьезной исторической и логической подготовки.

Во-вторых, как эпифеномен развития самой исторической науки, которая, как и любая социальная наука, базируется не на точных формулах и расчетах. Ее целью является не столько выявить закономерности, как это имеет место в номотетических науках, сколько раскрыть значение прошлого, смыслы и мотивы действия отдельных исторических личностей или социальных групп различного масштаба [19].

Информационное противостояние вносит коррективы и в преподавание истории в средней и высшей школах. Если ранее предполагалось давать ученику и студенту некоторое готовое знание, то сегодня, в условиях максимальной информационной открытости необходима корректировка содержания знания и методики преподавания: вместо готового, выверенного знания, необходимо предлагать рассуждения, с целью повышения логической культуры [8]. Без повышения логической культуры молодого поколения невозможно противостоять давлению «сенсационных фактов», «внезапных открытий», «авторитетных источников», под которыми чаще всего действуют недобросовестные журналисты или политики.

Рекомендация повышать логическую культуру молодого поколения требует использования релевантной фактической базы знаний, опирающейся на проверенные научные и архивные данные. Для этого необходимо создание единого учебника истории, что никоим образом не умаляет возможные исторические исследования и плюрализм в исторической науке, как, например, создание единого учебника физики никак не ограничивает будущие физические исследования и не тормозит открытия. Единый учебник истории необходим для ознакомления молодого поколения, прежде всего, с фактами, следовательно, должен быть максимально очищен от прагмем и идеологем, т.е. любых оценочных суждений [14].

Российская историческая политика нуждается в усилении со стороны государственной идеологии, под которой подразумевается постановка

целей и ценностей развития личности, гражданского общества и государства. Установка на деидеологизацию провоцирует либеральные спекуляции по поводу свободы слова, под который, зачастую, понимается произвол в интерпретации прав и свобод человека, а также, фактически, отказ от какой-либо ответственности по отношению к человеку и обществу. Современная идеология должна учитывать информационную открытость общества. Необходимо разрабатывать новые методы идеологического противостояния, позволяющие эффективно противостоять псевдонаучным историческим спекуляциям в условиях максимальной информационной открытости.

Нельзя оставлять попытки информационных атак со стороны Запада без внимания государственных органов и гражданского общества, поскольку это провоцирует социально-политический и правовой нигилизм, и в первую очередь, у молодежи.

Для предотвращения ошибок Второй мировой войны необходимо устранение политического эгоизма современного политического истеблишмента, поиск компромисса в области международной политики. Необходимо указать на то, что только объективное историческое описание событий позволит сохранить политические институты, призванные предотвратить разворачивание крупного военного противостояния. К ним относятся, прежде всего, ООН и Евросоюз. Нарушение принципа исторической объективности в освещении исторических фактов, попытка использования прагмем в их описании подрывает институциональные основы международного миропорядка в целом. Поэтому, развернувшаяся кампания по дискредитации роли СССР во Второй мировой войне, может привести к неожиданным институциональным изменениям в политическом ландшафте Европы.

Литература:

1. *Алексеева Л.В.* Актуальные проблемы преподавания истории и обществознания в образовательных организациях различных типов : коллективная монография. / Л.В. Алексеева, О.А. Бытко, Е.Е. Вяземский [и др.]; Отв. Ред. проф. Л.В. Алексеева. Нижневартовск, 2019. Ч. 6 162 с.
2. *Баранов В.П.* Фальсификация истории второй мировой войны и великой отечественной войны на современном этапе / В.П. Баранов, А.А. Климов // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2020. № 1. С. 4-9.
3. *Вяземский Е.Е.* Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты / Е.Е. Вяземский // Проблемы современного образования. 2012. № 1.
4. *Гафиатулина Н.Х.* Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 : монография / Н.Х. Гафиатулина [и др.]. М., 2020.

Несмотря на кажущуюся декларативность и юридическую неопределенность, наиболее эффективным сдерживающим фактором являются принципы разумности, кооперации и гуманизма, принципы, на которых была построена вся западная цивилизация, ставшая основой современного глобального мира.

Фальсификация исторических фактов в политической сфере является способом идеологического давления на общество, в целом, и молодежь, в особенности, то есть, носит исключительно политико-пропагандистский характер. В среде профессиональных историков подобные инсинуации должны исключаться с помощью методов верификации и выступать свидетельством низкой исследовательской культуры конкретного исследователя и показателем низкого научного стиля.

В связи со всем сказанным выше, важно подчеркнуть, что для России историческая память – это, прежде всего, память о Великой Отечественной войне, о той выполненной миссии советских защитников, сыгравших ключевую роль в победе над фашизмом во Второй мировой войне. Это именно то, что сплачивает и консолидирует все российское сообщество в целом, и молодежь, в особенности, вне зависимости от идейно-политических взглядов и религиозных установок, а также национальной принадлежности.

Таким образом, необходимость противодействия попыткам и приемам фальсификации истории ВМВ и ВОВ является важнейшей составляющей процесса сохранения исторической памяти в рамках осуществления исторического образования, формирующего национальный менталитет молодых поколений.

Literature:

1. *Alekseeva L.V.* Actual problems of teaching history and social science in educational organizations of various types : collective monograph / L.V. Alekseeva, O.A. Bytko, E.E. Vyazemsky [et al.]; editor-in-chief L.V. Alekseeva. Nizhnevartovsk. 2019. Art. 6. 162 p.
2. *Baranov V.P.* Falsification of the history of the Second World War and the Great Patriotic War at the present stage / V.P. Baranov, A.A. Klimov // Academic Bulletin of the National Guard Troops of the Russian Federation. 2020. № 1. P. 4-9.
3. *Vyazemsky E.E.* The problem of falsification of the history of Russia and general historical education: theoretical and practical aspects / E.E. Vyazemsky // Problems of modern education. 2012. № 1.
4. *Gafiatulina N.Kh.* Russian society in self-isolation. Social effects and consequences of the COVID-19 pandemic : monograph / N.Kh. Gafiatulina [et al.]. M., 2020.

5. *Гафиатулина Н.Х.* Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации / Н.Х. Гафиатулина, В.В. Касьянов, С.И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 147-158.
6. *Дудина М.Н.* Война в истории: проблема изучения истории войны и ее фальсификация / М.Н. Дудина // Историко-педагогические чтения. 2020. № 24. С. 226-232.
7. *Касьянов В.В.* Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения / В.В. Касьянов, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 51-63.
8. *Касьянов В.В.* Кризис высшего образования в России и депрофессионализация студентов / В.В. Касьянов, С.И. Самыгин, К.С. Мухина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 59-63.
9. *Коннов И.А.* Противодействие фальсификации фактов истории России как цель обеспечения национальной безопасности в области образования / И.А. Коннов // Теории и проблемы политических исследований. 2019 Т. 8. № 4А. С. 55-62.
10. *Ливцов В.А.* Проблема фальсификации истории в контексте реализации государственной политики сохранения историко-культурного наследия / В.А. Ливцов, А.С. Пожидаев // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 5. С. 109-115.
11. *Лушин А.Н.* Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) / А.Н. Лушин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 21-25.
12. *Набиев Р.Ф.* победа во Второй мировой войне: идеологема и арена политического противостояния (факты против фальсификации) / Р.Ф. Набиев // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 1(39). С. 19-24.
13. *Никифоров Ю.А.* Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы / Ю.А. Никифоров // Вестник МГИМО. 2009. С. 1-9.
14. *Самыгин С.И.* Единый учебник истории как элемент системы национальной идентичности / С.И. Самыгин, И.В. Тумайкин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014 № 4. С. 190-198.
15. *Дэвис Н.* Война, которую выиграли не мы, а... русские. URL : <https://inosmi.ru/world/20061107/230922.html> (дата обращения 10.11.2020).
16. *Путин В.В.* 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим / В.В. Путин // Российская газета. 19.06.2020. Федеральный выпуск № 133(8187).
5. *Gafiatulina N.Kh.* Social immunity of Russian society under the threat of coronavirus: risks of socio-cultural traumatization / N.Kh. Gafiatulina, V.V. Kasyanov, S.I. Samygin // Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9. № 2. P. 147-158.
6. *Dudina M.N.* War in history: the problem of studying the history of war and its falsification / M.N. Dudina // Historical and pedagogical readings. 2020. № 24. P. 226-232.
7. *Kasyanov V.V.* Features and problems of social behavior in the conditions of self-isolation of the Russian population / V.V. Kasyanov, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9. № 2. P. 51-63.
8. *Kasyanov V.V.* The crisis of higher education in Russia and the deprofessionalization of students / V.V. Kasyanov, S.I. Samygin, K.S. Mukhina // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 5. P. 59-63.
9. *Konnov I.A.* Counteraction to falsification of the facts of Russian history as the goal of ensuring national security in the field of education / I.A. Konnov // Theories and problems of political research. 2019 Vol. 8. № 4A. P. 55-62.
10. *Livtsov V.A.* The problem of falsification of history in the context of the implementation of the state policy of preserving the historical and cultural heritage / V.A. Livtsov, A.S. Pozhidaev // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2017. Vol. 17. № 5. P. 109-115.
11. *Lushin A.N.* Falsification of history: a theoretical approach to the problem (on the example of Russia) / A.N. Lushin // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 23. P. 21-25.
12. *Nabiev R.F.* Victory in World War II: ideologeme and arena of political confrontation (facts against falsification) / R.F. Nabiev // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, Vol. 11. № 1(39). P. 19-24.
13. *Nikiforov Yu.A.* Falsification of the history of World War II: to the formulation of the problem / Yu.A. Nikiforov // Vestnik MGIMO. 2009. P. 1-9.
14. *Samygin S.I.* Unified history textbook as an element of the system of national identity / S.I. Samygin, I.V. Tumaikin // State and municipal management. Scientific notes of SKAGS. 2014. № 4. P. 190-198.
15. *Davis N.A.* War won not by us, but by ... the Russians. URL : <https://inosmi.ru/world/20061107/230922.html> (date of application 11/10/2020).
16. *Putin V.V.* 75 years of the Great Victory: shared responsibility before history and the future // Rossiyskaya Gazeta. 06/19/2020. Federal issue № 133 (8187).

17. Путин В.В. В России будет создан крупнейший комплекс архивных документов по Второй мировой войне / В.В. Путин // Российское историческое общество. URL : <https://historyrussia.org/sobytiya/v-rossii-budet-sozdan-krupnejshij-kompleks-arkhivnykh-dokumentov-po-vtoroj-mirovoj-vojne.html> (дата обращения (02.11.2020).

18. Фуks А.Н. Проблемы фальсификации истории Великой Отечественной войны и содержание школьных учебников по отечественной истории / А.Н. Фуks, В.В. Ковригин // Вестник Омского университета. 2017. № 2(14). С. 66-70.

19. Kasyanov V.V. Socio-cultural heritage of victory in the great patriotic war in the context of modern ethical and historical realities. Revista Inclusiones / V.V. Kasyanov [et al.]. 2019. Vol. 6. № S3-4. P. 121-126.

17. Putin V.V. The largest set of archival documents on World War II will be created in Russia / V.V. Putin // Russian Historical Society. URL : <https://historyrussia.org/sobytiya/v-rossii-budet-sozdan-krupnejshij-kompleks-arkhivnykh-dokumentov-po-vtoroj-mirovoj-vojne.html> (date of access 02.11.2020).

18. Fuks A.N. Problems of falsification of the history of the Great Patriotic War and the content of school textbooks on Russian history / A.N. Fuks, V.V. Kovrigin // Bulletin of Omsk University. 2017. № 2(14). P. 66-70.

19. Kasyanov V.V. Socio-cultural heritage of victory in the great patriotic war in the context of modern ethical and historical realities. Revista Inclusiones / V.V. Kasyanov [et al.]. 2019. Vol. 6. № S3-4. P. 121-126.

Упоров Иван Владимирович
доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет МВД РФ
uporov@list.ru

ПЕРВЫЙ МАССОВЫЙ ВООРУЖЕННЫЙ ПОБЕГ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СИСТЕМЕ ГУЛАГА: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ОЦЕНКИ

■ ■ ■

Аннотация. В статье раскрываются особенности массового вооруженного побега заключенных, совершенного в конце января – начале февраля 1942 г. в Усть-Усинском районе Коми АССР в одном из лагерных пунктов Воркутлага. Раскрываются причины этого события, описывается реакция властей на это дерзкое и массовое преступление со стороны заключенных, именуемое в литературе также как «восстание заключенных». Отмечается, что существовавшую и, очевидно, решающую роль, имел военный фактор, обусловивший организаторов этого преступления опасаться за свою жизнь. Даются оценки действиям заключенных в этом побеге (восстании).

Ключевые слова: ГУЛАГ, заключенные, восстание, Усть-Уса, режим содержания, государство, власть, общество, война.

■ ■ ■

П ечально известный ГУЛАГ (Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний) был создан в 1930 г. и являлся структурным подразделением сначала ОГПУ, затем, с 1934 г. находился в составе НКВД СССР (с 1946 г. – в составе МВД СССР, упразднен в конце 1950-х гг.). Этот главк имел большую самостоятельность, управляя огромным количеством заключенных, работавших на строительстве и эксплуатации многочисленных народнохозяйственных объектов. Помимо функций изоляции преступников и использования их в качестве дешевой рабочей силы, роль ГУЛАГА заключалась в «поддержании политического и социального строя СССР сталинской эпохи, так как изначально она была создана с целью перевоспитания, так называемых, врагов народа, противников власти Советов. В духовно-идеологической сфере данная организация имела также немаловажную роль, так как, фактически, выполняла задачу устрашения граждан СССР, обеспечивая, таким образом, определенный уровень лояльности к существующей власти со стороны населения» [1, с. 212]. Сначала ГУЛАГ насчитывал 5 исправительно-трудовых

Ivan V. Uporov
Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
uporov@list.ru

FIRST MASS ARMED ESCAPE OF PRISONERS IN THE GULAG SYSTEM: CAUSES, CONSEQUENCES, ESTIMATES

■ ■ ■

Annotation. The article reveals the features of the mass armed escape of prisoners, committed in late January – early February 1942 in the Ust-Usinsk region of the Komi ASSR in one of the camp points of Vorkutlag. The reasons for this event are revealed, the reaction of the authorities to this audacious and massive crime on the part of prisoners, also referred to in the literature as the «prisoners' uprising». It is noted that the military factor had a significant and, obviously, decisive role, which caused the organizers of this crime to fear their lives. Assessments are given to the actions of the prisoners in this escape (uprising).

Keywords: GULAG, prisoners, uprising, Ust-Usa, detention regime, state, power, society, war.

■ ■ ■

лагерей (число заключенных - 96064 человека), а уже в 1938 г. - 29 лагерей, 400 колоний и 423 тюрьмы. Накануне Великой Отечественной войны количество лагерей увеличилось до 59, а колоний - до 425 (число заключенных - 1929729 человек [2, с. 18].

Приведенные цифры показывают рост интенсивности репрессий и, прежде всего, речь идет о значительно возросшем количестве осужденных за уголовно-политические преступления. К этому следует добавить, что в предвоенные годы (с 1938 г.) в исправительно-трудовых лагерях и колониях были усилены режимные меры в связи с осложнением криминогенной обстановки в подразделениях ГУЛАГА, и, прежде всего, они были направлены на предупреждение побегов. В частности, была увеличена штатная численность вооруженных охранников, а сами места лишения свободы обносились забором с колючей проволокой. Однако, несмотря на усиленные меры, в начале 1942 г. в лагерном пункте «Лесорейд», расположенном близ поселка Усть-Уса (Коми АССР) и относившемся к Воркутлагу – одному из крупнейших исправительно-трудовых лагерей

ГУЛАГА, был совершен массовый вооруженный побег. В литературе это событие обычно именуется как восстание заключенных, и основания для этого, как будет показано ниже, имелись, однако, фактически, заключенным удалось лишь совершить побег, и во время их преследования это восстание было подавлено.

Само событие заключалось в следующем. Начальником лагерного пункта был назначен М.А. Ретютин, который, в свое время, отбывал наказание в Воркуте (за ограбление банка), где работал бригадиром на шахторазработках, где проявил свои высокие организаторские способности и был досрочно освобожден. Ему было предложено в качестве вольнонаемного возглавить лесозаготовку на «Лесорейде», а затем он стал его начальником. Такое назначение недавнего заключенного, строго говоря, нарушало действующие инструкции, так как Ретютин как начальник лагпункта имел влияние на охрану заключенных, ведь, у него в подчинении находились не только заключенные, но и вольнонаемные работники. Он имел достаточно широкие полномочия в хозяйственной сфере, но руководство Воркутлага пошло на такое назначение, так как при отсутствии иных кадров и жестких требованиях по выполнению плана и, тем более, в военное время, не могло найти другого варианта (такое явление было распространенным в ГУЛАГе).

В лагпункте отбывало наказание немалое количество «политических» заключенных, в том числе, А.Т. Макеев, бывший активный участник Гражданской войны, командир Красной Армии, бывший профсоюзный и хозяйственный руководитель, бывший член бюро Коми обкома ВКП(б), обвиненный в троцкизме, которому расстрел был заменен 15 годами лагерей. Ретютин и Макеев сошлись по многим вопросам, которые они обсуждали вечерами в рабочем кабинете Ретютина. В какой-то момент предметом обсуждения стала их дальнейшая судьба. Поводом для этого стали слухи о том, что в связи с осложнением военной обстановки на фронте осужденных за преступления против государства («контрреволюционеров») и другие тяжкие преступления могут расстрелять. Следует заметить, что некоторые основания так полагать у них имелись, учитывая то обстоятельство, что с началом войны режим в исправительно-трудовых лагерях был усилен, отменялись выходные, рабочий день был увеличен до 10-12 часов. Были приняты и другие меры в соответствии с Директивой НКВД СССР и Прокурора СССР от 22 июня 1941 г. [3]. Кроме того, еще не были забыты известные в арестантских кругах, так называемые, «кашкетинские» и «гаранинские» массовые расстрелы в Коми АССР и на Колыме и Ухте в 1937-1938 гг. Приведенные названия исходили от фамилий лагерных начальников (Кашкетина и Гаранина), которые организовывали исполнение расстрельных приговоров «троек» в отношении троцкистов и других «врагов» советской власти (позже Кашкетин и Гаранин сами попали под каток репрессий [4, с. 143]).

В результате, Ретютин и Макеев решили, что надо спасти свои жизни, для чего договорились совершить побег. Как сильные и опытные организаторы они сумели привлечь на свою сторону еще ряд заключенных. В частности, как сообщал один из осведомителей оперативного отдела, Ретютин говорил им: *«Какая разница, что мы подохнем завтра или помрем сегодня ... Я знаю, что нас всех хотят погубить голодной смертью. Вот увидите, скоро в лагерях один другого будет убивать, а до этого, существующая сейчас власть, всех заключенных по контрреволюционным статьям перестреляет, в том числе и нас – задержанных вольнонаемных ... все равно сдохнем, так лучше уж попробовать уйти и пожить еще на свободе»* [5]. В процессе обсуждения было решено не просто совершить побег с целью добраться до советско-финской границы и перейти ее, но и призвать к массовым выступлениям заключенных других лагерных пунктов, которые встретятся на пути, в частности, предполагалось, что в населенных пунктах, которые будут «освобождены» и где восставших поддержит местное население, надо ликвидировать советскую власть, упразднить колхозы, вернуть частную собственность. Вместе с тем, нужно иметь в виду, что такого рода сведения о планах заключенных имеют только один источник – официальные документы правоохранительных и партийных органов, которым, в определенной степени, было выгодно представить побег заключенных как политическое восстание, которое удалось успешно подавить. На наш взгляд, подобные планы, вряд ли, имели место, поскольку были просто нереальными.

Помимо Ретютина и Макеева как организаторов побега, нашлось еще полтора десятка заключенных, согласившихся на активную подготовительную работу (запас продуктов, одежды, необходимый инвентарь, лошади, сани и т.д.). 24 января 1942 г. стал осуществляться план побега. Ретютин назначил помывку бойцов охраны так, чтобы они почти все одновременно оказались в бане. В это время было захвачено их оружие, а сами бойцы были заперты. Были освобождены из-под охраны и другие заключенные (около двухсот человек), однако, следовать за Ретютиным согласились только восемьдесят человек. Ретютицы переоделись в форму охранников и на санях в виде, якобы, служебного обоза из восьми подвод отправились по намеченному маршруту. Однако с самого начала их план стал рушиться: вырвавшемуся из лагпункта бойцу охраны удалось сообщить о побеге. Кроме того, был убит другой боец охраны, и с этого момента уже не было никаких оснований считать ретютинцев «борцами со сталинским тоталитаризмом», как это считают некоторые авторы [6]. В Усть-Усе их уже ждали, там им пришлось столкнуться с вооруженной охраной местного аэропорта, а также с милицией (с жертвами с обеих сторон). Из Усть-Усы восставшие разделились на две части, несколько дней перемещались на север, заходя в небольшие населенные пункты, где им не оказывали сопротивления, думая, что это военнотруженики. Но от погони уйти не уда-

лось, и уже 2 февраля последние сбежавшие заключенные были уничтожены (кто не сдавался) и задержаны. Макеев был застрелен, а Ретюнин застрелился сам, унеся с собой в могилу действительные их намерения. Оставшиеся в живых участники побега и их пособники Особым совещанием НКВД СССР были осуждены (68 человек), в том числе, в отношении 50 заключенных был применен расстрел.

Особенность этого группового преступления заключенных заключалась в том, что оно являлось первым вооруженным массовым побегом (восстанием) в системе ГУЛАГа. За развитием событий пристально следил руководитель НКВД СССР Л.П. Берия, давший распоряжения предпринять необходимые меры по предупреждению такого рода преступлений. Разбор причин был предпринят не только в НКВД СССР, но и в Коми обкоме ВКП(б), в результате чего были сделаны соответствующие оргвыводы. Так, в Постановлении бюро Коми обкома ОК ВКП(б) «О контрреволюционном вооруженном выступлении заключенных Устьусинского лагпункта «Рейд» Воркутлага НКВД» раскрывались причины случившегося и были определены ответственные лица, в том числе, указывалось следующее:

«1. За необеспечение государственной безопасности в лагере тов. ШИШКИНА Алексея Семеновича с работы начальника оперчекотдела Воркутлага НКВД снять. Начальнику военизированной охраны тов. ГАЛКИНУ Александру Ивановичу за плохое состояние охраны заключенных в лагере объявить выговор с занесением в учетную карточку.

2. За нарушение режима содержания заключенных в лагере, повлекшее за собой к-р вооруженное выступление заключенных на лагпункте «Рейд» начальнику Воркутлага НКВД, члену ВКП(б) тов. ТАРХАНОВУ Леониду Александровичу поставить на вид.

3. Освободить тов. ЗАХПАМИНА А.И. от работы начальника политотдела Воркутлага НКВД, как не обеспечившего политическое руководство лагерем и не выполнившего указание Обкома ВКП(б) от 01 ноября 1941 года об устранении недостатков в охране и содержании заключенных в лагере.

4. За плохое состояние боевой подготовки в подразделениях военизированной охраны тов. ГУСЕВА с работы начальника ВОХР Севжелдорлага СНЯТЬ...

6. Обратить внимание Наркома Внутренних дел Коми АССР тов. КАБАКОВА, что он несет персональную ответственность за состояние охраны заключенных в лагерях, расположенных на территории республики и досмотра в них постановки чекистской работы. Предупредить начальников оперативных отделов лагерей НКВД, что за плохое состояние оперативной работы в подразделениях Обком ВКП(б) виновных будет привлекать к строжайшей ответственности» [7, с. 63].

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что партийные структуры, фактически, решали кадровые вопросы, относящиеся к НКВД СССР, что показывало большую роль партийных органов в тот период истории советского государства.

В НКВД СССР также были приняты соответствующие организационные решения. Так, 27 января, то есть, спустя три дня после начала восстания и еще до окончания операции по его подавлению, была издана Директива [8], в частности, предписывалось:

– охрану лагерей привести в боевую готовность, усилив охрану наиболее опасных контингентов заключенных, складов оружия и продовольствия, а также, отдаленных и оторванных лагерных пунктов;

– личный состав охраны проинструктировать, предупредив, что за всякое на рушение службы и ослабление бдительности виновные будут привлекаться к строжайшей ответственности; создать в лагерях и лагерных подразделениях из наличного состава все низированной охраны вооруженные маневренные группы;

– пересмотреть состав расконвоированных заключенных, приняв меры к немедленному законвоированию всех осажденных за контрреволюционные преступления и бандитизм;

– всех заключенных и бывших заключенных, судившихся за контрреволюционные преступления и бандитские преступления, занимающих в настоящее время должности начальников лагерных пунктов, командировок, подкоманди ровок, колонн и т.д., заменить вольнонаемными;

– начальникам оперативно-чекистских отделов лагерей проверить осведомительную сеть и агентуру, приняв меры к ее усилению и организовать работу по выявлению повстанческо-бандитских настроений и намерений заключенных;

– на основе имеющихся материалов арестовать всех проходящих по агентурным разработкам лиц, высказывающих террористические настроения, готовые щихся к вооруженным побегами бандитским выступлениям.

В Директиве указывалось также: «Предупредить начальников лагерей, начальников оперативно-чекистских отделов лагерей, а также, наркомов внутренних дел республики, начальников УНКВД краев и областей, на территории которых расположены лагеря, что они несут полную и персональную ответственность за состояние охраны за ключенных и постановку чекистско-оперативной работы в ИТЛ» [8]. Кроме того, 20 августа 1942 г. по всем лагерям и колониям НКВД СССР из Москвы была разослана докладная записка «Об усилении контрреволюционных проявлений в ИТЛ НКВД», где содержалось указание в месячный срок арестовать «всех заключенных, на которых имеются материалы об антисоветской работе в лагерях и колониях, высказывающих повстанческие настроения, а также,

ведущих подготовку к побегу» [9, с. 167]. Как видно из этих документов, власть предприняла предупредительные меры, что позволило избежать подобного рода массовых вооруженных преступлений в исправительно-трудовых лагерях как во время войны, так и в первые годы после ее окончания.

В завершении еще раз вернемся к оценке этого массового вооруженного выступления заключенных. Здесь следует подчеркнуть, что заключенными во время побега (восстания) были совершены тяжкие преступления, в том числе, убийства, и виновные за это должны были понести наказание. И в этом контексте, мы не можем согласиться с тем, что данное вооруженное выступление заключенных трактуется едва ни как подвиг. В частности, Д.М. Панин, описывая действия участников восстания заключенных, указывает на то, что они «уложили уйму солдат, но и почти все зэки были перебиты. Боеприпасы иссякли, и, тем самым, был решен исход боя.

Литература:

1. *Шашмулин И.С.* Современные представления о роли системы Главного управления лагерями периода 1930-1950 гг. В общественной жизни государства / И.С. Шашмулин // Скиф. 2018. № 6 (22). С. 212-215.
2. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923-1960. Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М. : Звенья, 1998. 597 с.
3. Приказ НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 22.06. 1941 г. // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. : Республика, 1993. С. 158-159.
4. *Белова Н.А.* История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции: учеб. пособие. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. 295 с.
5. Докладная записка заместителя наркома внутренних дел Коми АССР П.А.Корнилова на имя наркома внутренних дел республики С.И. Кабакова (датирована как «февраль 1942 г.) «О причинах, сделавших возможным к-р. выступление заключенных на Печоре 24 января 1942 года» // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий: сб. док. : в 13 т. / Сост. и комментарии: М.Б. Рогачев. Сыктывкар : Общ. фонд «Покаяние», 2005. Т. 7. С. 194-195.
6. *Макеев С.* Первый решительный (в начале 1942 г. произошло невероятное событие: заключенные подняли вооруженное восстание – первое в истории ГУЛАГа) / С. Макеев // Совершенно секретно. 2007. № 9. URL : <https://www.sovsekretno.ru/articles/pervyyu-reshitelnyy/> (дата обращения 25.04.2021).
7. Постановление бюро Коми обкома ОК ВКП(б) от 01.04.1942 г. «О контрреволюционном вооруженном выступлении заключенных Устьусинско-

Оставшаяся горстка героев решила покончить с собой. Последним застрелился начальник отряда. Я называю их героями, ибо они доказали, что человек не может быть превращен в скотину, с которой расправляются, как хотят; нельзя уничтожать безоружных людей; нужно давать отпор людоедам и создать международное объединение против носителей зла, находящихся в состоянии преступной активности» [10, с. 42]. В другой работе действия указанных заключенных называют протестным выступлением [11, с. 39]. Однако с такими оценками мы не можем согласиться. Как справедливо отмечает Г.М. Иванова, «свобода, добытая ценой жизни невинных людей, не может быть окрашена в героические тона» [12, с. 220]. Не могут считаться героями люди, главной целью действий которых было спасение своих собственных жизней. Такой подход ничуть не приукрашивает негативные стороны в деятельности ГУЛАГа, поскольку моральные ценности имеют свою силу при любом политическом режиме.

Literature:

1. *Shashmurin I.S.* Modern ideas about the role of the Main Camp Management system of the period 1930-1950. In the public life of the state / I.S. Shashmurin // Skif. 2018. № 6 (22). P. 212-215.
2. The system of correctional labor camps in the USSR: 1923-1960. Guide/ Compiled by M.B. Smirnov. M. : Links, 1998. 597 p.
3. Order of the NKVD of the USSR and the Prosecutor's Office of the USSR of 22.06. 1941 // Collection of legislative and regulatory acts on repression and rehabilitation of victims of political repression. M. : Respublika, 1993. P. 158-159.
4. *Belova N.A.* The history of the penal system and the bodies of justice : textbook. Vologda : VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2014. 295 p.
5. Report note of the Deputy People's Commissar of Internal Affairs of the Komi ASSR P. A. Kornilov addressed to the People's Commissar of Internal Affairs of the Republic S.I. Kabakov (dated as February 1942) «On the reasons that made it possible for prisoners to speak at Pechora on January 24, 1942» // Repentance: Komi Republican Martyrology of victims of Mass Political repression: collection of documents : in 13 vol. / Comp. and comments: M.B. Rogachev. Syktyvkar : General Fund «Penance», 2005. Vol. 7. P. 194-195.
6. *Makeev S.* The first decisive (at the beginning of 1942, an incredible event occurred: the prisoners raised an armed uprising – the first in the history of the GULAG) / S.Makeev // Top secret. 2007. № 9. URL : <https://www.sovsekretno.ru/articles/pervyyu-reshitelnyy/> (date of application 25.04.2021).
7. Resolution of the Bureau of the Komi Regional Committee of the OK VKP (b) of 01.04.1942 «On the counterrevolutionary armed speech of prisoners

го лагпункта «Рейд Воркутлага НКВД» / Сост. и комм. М.Б. Рогачев // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий: сб. док. : в 13 т. Сыктывкар : Общ. фонд «Покаяние», 2005. Т. 7. С. 63-65.

8. Директива НКВД СССР начальникам ИТЛ, наркомам внутренних дел республик и начальникам УНКВД краев и областей от 27. 01. 1942 г. «О принятии мер к охране лагерей в связи с побегом заключенных их Воркутинского ИТЛ и нападением их на районный центр» // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 45. Л. 102-103.

9. По материалам следственных дел и лагерных отчетов ГУЛАГа / Сост. И.М. Осипова: Фонд «Мир и человек», 1993. 224 с.

10. *Панин Д.М.* Лубянка – Экибастуз: лагерные записки. М. : Обновление, 1990. 576 с.

11. *Упадышев Н.В.* Воркутинский исправительно-трудовой лагерь в годы Великой Отечественной войны / Н.В. Упадышев // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 3. С. 35-40.

12. *Иванова Г.М.* Жизнь и борьба за колючей проволокой / Г.М. Иванова; Науч. ред. В.В. Шелохавев // История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР: Книга для учителей. М. : Мосгорархив, 2002. С. 179-214.

of the Ustyusinsky camp point «Raid» of the Vorkutlag NKVD» // Penance: Komi Republican Martyrology of victims of mass political repression: sat.doc. : in 13 vol. / Comp. and comments: M.B. Rogachev. Syktyvkar : General Fund «Penance», 2005. Vol. 7. P. 63-65.

8. Directive NKVD chiefs ITL, Commissar of internal Affairs of the Republic and head of the NKVD territories and regions from 27.01.1942 «On measures for the protection of the camps in connection with the escape of prisoners their Vorkuta labor camp and attack them in the regional center» // GARF. F. R-9414. Op. 1. D. 45. L. 102-103.

9. According to the materials of the investigation of the Affairs and records of the camp of the Gulag / Originator I. Osipova M. : Foundation «Mir i che-lovek», 1993. 224 p.

10. *Panin D.M.* Lubyanka – Ekibastuz: camp notes. M. : Update, 1990. 576 p.

11. *Upadyshev N.V.* Vorkuta correctional labor camp during the Great Patriotic War // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: «Humanities and Social Sciences». 2012. № 3. P. 35-40.

12. *Ivanova G.M.* Life and struggle for barbed wire / G.M. Ivanova; Scientific ed. V.V. Shelokhavev // History of political repression and resistance to non-freedom in the USSR: A book for teachers. M. : Mosgorarchiv, 2002. P. 179-214.

Шандулин Евгений Андреевич
кандидат исторических наук,
доцент,
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет
79289013427@yandex.ru

Аганов Андрей Анатольевич
магистр по специальности
«История России
и стран ближнего зарубежья»,
экскурсовод,
Ростовский исторический парк
«Россия - моя история»
79289013427@yandex.ru

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ВО ВРЕМЯ ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА (1807-1812 ГГ.)

Аннотация. В XVIII веке Россия стала ведущей мировой державой, влияющей на европейскую и мировую политику. Несмотря на успехи во внешнеполитических делах, внутри самой страны были проблемы, которые могли, рано или поздно, привести к потрясениям, расшатать существующий государственный строй. В данной статье рассматривается процесс влияния европейской политики императора Александра I на его внутреннюю политику во время Тильзитского мира (1807–1812 гг.). Зачастую, именно европейская политика императора Александра I играла решающую роль при реализации программы реформ в Российской империи в первой четверти XIX века.

Ключевые слова: Александр I, Европа, Наполеон Бонапарт, реформы, Сперанский.

Внутренняя и внешняя политика – основополагающая часть государственной политики. Любая страна на определенных этапах своего существования сталкивается с тем, что она нуждается в проведении широкомасштабных реформ, которые позволят модернизировать государственное управление и, тем самым, позволят государству сделать шаг вперед в своем развитии, встать в один ряд с развитыми державами. Российское государство, как и любое другое, служит одним из таких примеров.

В XIX веке Россия остро нуждалась в проведении реформ, которые должны были укрепить органы государственной власти и управления, избавить страну от злоупотреблений. В XVIII веке она стала ведущей мировой державой,

Evgeny A. Shandulin
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University
79289013427@yandex.ru

Andrey A. Aganov
Master in Specialty
«History of Russia
and Neighboring Countries»,
Guide,
Rostov Historical Park
«Russia is my story»
79289013427@yandex.ru

THE INTERNAL POLICY OF EMPEROR ALEXANDER I IN THE CONTEXT OF HIS EUROPEAN POLICY DURING THE TILSIT WORLD (1807-1812)

Annotation. In the 18th century it became the world's leading power influencing European and world politics. Despite the successes in foreign policy affairs, within Russia itself there were problems that could sooner or later lead to upheavals, to shake the existing state system. This article examines the process of the influence of the European policy of Emperor Alexander I on his domestic policy during the Peace of Tilsit (1807–1812). Often, it was the European policy of Emperor Alexander I that played a decisive role in the implementation of the reform program in the Russian Empire in the first quarter of the 19th century.

Keywords: Alexander I, Europe, Napoleon Bonaparte, reforms, Speransky.

влияющей на европейскую и мировую политику. Несмотря на успехи во внешнеполитических делах, внутри самой России были проблемы, которые могли рано или поздно привести к потрясениям, расшатать существующий государственный строй. Главной проблемой, сдерживающий экономический рост России, было крепостное право. Второй проблемой было то, что существующие органы государственного управления не отвечали современным требованиям и нуждались в реформировании, повышении эффективности в их деятельности. Неограниченная власть, сосредоточенная в руках императора, потенциально, способствовала любому произволу правителя, что могло даже привести к тому, что самого монарха могли убить из-за тех или иных его решений.

Александр I прекрасно знал об этих проблемах. В первые годы своего правления он со своими «молодыми друзьями» (В.П. Кочубеем, Н.Н. Новосильцевым, П.А. Строгановым, А. Чарторыйским) приступил к реформированию системы государственного управления. Были созданы министерства, проведена реформа Сената, но они не были доведены до конца. Ради проведения реформ император с советниками решили отказаться от участия в европейских делах и соблюдать нейтралитет. Но из-за агрессивных действий императора французов Наполеона Бонапарта в Италии и Германии Александр I и его советники решили на время отказаться от проведения преобразований в Российской империи. Их можно было осуществить позже, после разгрома Наполеона. Но третья антифранцузская коалиция распалась после поражения русско-австрийских войск под Аустерлицем 2 декабря 1805 года. Австрия вышла из войны.

Уже в начале 1806 году члены Непременного совета на одном из заседаний разделились на три течения по поводу проведения внешнеполитического курса. Одно из них возглавил С.П. Румянцев, который призывал вернуться к политике «свободы рук» (отказ от союза с европейскими державами) и, таким образом, продолжить заниматься внутренними делами. «Искусство нашего кабинета должно бы состоять в том, чтобы предоставить другим державам изнуряться установлением общего равновесия, а нам бы, между тем, первенствовать в тех пределах, где могущество наше и одно может быть решительно» [1, с. 1168].

В 1807 году после поражения русских войск при Фридланде Александр I и Наполеон встретились на плоту, который был поставлен посередине реки Неман. Несмотря на то, что Александр не желал заключения союза с Францией, он был вынужден пойти на это. По условиям Тильзитского мирного договора границы России не уменьшились, а даже расширились за счет Белостокского департамента. Россия признавала все завоевания Наполеона на Западе. Александр I обещал стать посредником в англо-французских переговорах о возможном заключении мирного договора. Пруссия потеряла половину своих территорий, а из ее польских земель было образовано Великое герцогство Варшавское, ставшее вассалом Франции. Помимо создания герцогства Варшавского, другим неприятным моментом для России стало ее присоединение к континентальной блокаде против Соединенного королевства. Россия отныне не могла торговать с туманным Альбионом, хотя он был основным торговым партнером Российской империи, а Франция не могла компенсировать будущие финансовые потери России. Александр I получил жестокий урок. Общество было настроено против Тильзитского мирного договора. Царь прекрасно понимал, что союз с Наполеоном заключен только на время и рано или поздно начнется война. В перерыве он решил вернуться к преобразованиям и продолжить реформировать систему управления империи.

Цель данного исследования – рассмотреть процесс влияния европейской политики императора Александра I на его внутреннюю политику во время Тильзитского мира с наполеоновской Францией. Зачастую, именно внешняя политика играла решающую роль при реализации программы реформ или наоборот, при отказе от нее. Принимаемые из-за этого решения могли играть огромную роль для будущего государства уже после смерти императора.

Задачи исследования:

- 1) изучение влияния европейской политики императора Александра I на его внутренний курс во время Тильзитского мира с наполеоновской Францией;
- 2) доказать на конкретных примерах, имела ли она решающее значение при проведении реформ во время Тильзитского мира с Францией;
- 3) выявление причин, которые заставили императора Александра отказаться от реформ.

При написании исследования были привлечены следующие источники, которые можно подразделить на две группы: нормативно-правовые документы и нарративные источники. К нормативно-правовым документам мы относим следующие важные источники: указы, акты, постановления, отчеты, доклады, мирные и союзнические договоры Российской империи с различными государствами. Одни из них представлены в Полном собрании законов Российской империи [8], в котором находятся различные нормативно-правовые документы, принятые в годы правления императора Александра I. Другим важным источником является Архив Государственного Совета Российской империи [2]. Государственный совет появился еще в самом начале правления императора Александра и на его заседаниях обсуждались проблемы внутренней и внешней политики. Мирные договоры и союзнические обязательства, которая заключила Россия в первой четверти XIX века, находятся в таком важном сборнике, как «Внешняя политика России XIX и начала XX века» [4]. Также, стоит выделить бумаги Комитета 06 декабря 1826 г. Он был создан уже после смерти императора Александра по приказу императора Николая I и должен был рассмотреть проекты преобразования государственного управления Российской империи. В них были обнаружены различные проекты преобразований, записки государственных деятелей, которые писали о тех или иных нарушениях в системе управления и о способах их устранения. Например, были найдены проекты реформ Сперанского, записки Кочубея. Эти источники были опубликованы Российским Императорским Обществом [10] в конце XIX века. Поднятую нами проблему историки раньше не рассматривали, то есть, специальной литературы по данной теме не существует, хотя период правления Александра I рассматривался многими учеными.

Обстановка для проведения реформ была далеко не самой лучшей. В это время Россия воева-

ла с Ираном и Османской империей. Нельзя точно было спрогнозировать, как будут развиваться русско-французские отношения. К тому же, после отказа Англии от посредничества российского императора, в Российской империи был введен режим континентальной блокады. Другой проблемой было то, что у императора испортились отношения с его «молодыми друзьями». Они были недовольными Тильзитским мирным договором. Императору необходим был новый помощник для проведения реформ. Им стал М.М. Сперанский, который к 1807 году занял место «молодых друзей».

К реформам император возвращается после Эрфуртского свидания с Наполеоном, где оба монарха уладили свои разногласия по ряду вопросов. Александр взял на эту встречу и Михаила Сперанского. Сперанский, благодаря хорошему знанию французского языка, смог во время этой встречи познакомиться с французскими чиновниками и узнать, чем же отличается Франция и Россия в административном плане. Во время бала в Эрфурте между Александром I и Сперанским произошел разговор. Император желал узнать мнение Сперанского по поводу порядков в европейских странах. Сперанский в ответ сказал, что Франция в этом вопросе превосходит Россию. Император ответил: «Возвратившись домой, мы с тобой много об этом будем говорить» [6, с. 855].

Александр I 16 декабря 1808 года назначил Сперанского товарищем министра юстиции вместо Н. Новосильцева. На этой должности он должен был продолжить трудную для многих тогдашних чиновников работу по составлению нового законодательства. Одновременно с этим, император вернулся к обсуждению идеи реформирования государственного управления Российской империи. Сперанский, по просьбе Александра, должен был подготовить план будущих государственных преобразований. Задача была очень трудная, но Сперанский с ней справился.

Свою работу реформатор завершил к октябрю 1809 года. Он предоставил императору три документа: «Введение к уложению государственных законов» [12], «Краткое начертание государственного образования» [13] и «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам» [14].

Сперанский искренне верил в то, что в Российской империи сферы общественной жизни находятся в зависимости друг от друга. Для ограничения власти императора была необходима отмена крепостного права. Проводить реформы можно с помощью такого сословия, которое должно иметь экономическую и политическую свободу, а создание такого сословия было невозможно без отмены крепостного права, потому что народ не мог одновременно быть просвещенным и зависеть от своего помещика. Помимо этого, необходимы такие законы, которые были бы прочны. Такое устройство предполагает независимость суда от других ветвей власти. Сами судьи должны также соответствовать ряду критериев, например, должны иметь великолепное

преобразование. Сперанский прекрасно понимал, что в России необходимо менять существующую систему государственного управления. Самой большой проблемой являлось то, что в стране не было нужного количества людей, которые могли бы быть проводниками реформ. Без этого измененный образ правления не может существовать. Реформатор отвергал революционное изменение общества и считал, что в существующих условиях нужно постепенно менять существующий строй при активном участии верховной власти, которая только одна сможет провести необходимые для страны реформы.

Теперь мы более подробно поговорим о программе Сперанского. Если рассмотреть его проекты, из них видно, что он предлагал сделать «правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на неприменяемом законе» [12]. Реформатор считал, что власть должна править при опоре на закон. Выбирая путь законности, она могла бы укрепить свое положение. Помимо этого, он считал, что самодержавная власть должна иметь некий противовес. Для этого необходима была система разделения властей. Император обладал исполнительной, законодательной и судебной властью. С точки зрения реформатора, все эти ветви власти должны быть независимыми друг от друга, и монарх при этом потеряет часть своей власти. Для этого необходимы были новые органы власти. Так, должна была появиться Государственная дума, которой вручалась законодательная власть. Судебная власть вручалась Сенату, а министерства управляли Империей. За монархом оставалась большая власть. Император становился во главе исполнительной власти. Он мог назначать министров, губернаторов и также обладал законодательной инициативой. Он утверждал законы, которые создавала Государственная дума, но без ее одобрения никакой закон не мог быть издан. Министры были обязаны отчитываться перед парламентом в те или иные сроки. Император мог утверждать судей и осуществлять надзор за судами. При этом судьи были ответственны и перед законодательной властью.

Такое ограничение самодержавной власти было резким, но Александр I был сторонником такой идеи. Благодаря этому, можно было ограничить министерский произвол и улучшить систему управления Империей. Именно такую задачу император и ставил перед реформатором. Он знал, что отдельные части государственного управления действуют сами по себе, и только самодержавная власть связывает такую систему управления.

Стоит отметить, что Сперанский считал, нужным создать еще один орган власти, который должен стать связующим звеном между органами законодательной, исполнительной, судебной власти и императором. Таким органом должен был стать Государственный совет для того, чтобы согласовать работу трех ветвей власти и связывать их в единое целое.

Сперанский ставил в своих проектах конкретные сроки проведения своих идей в жизнь. Так,

01 января 1810 года должен был открыться Государственный совет. Потом необходимо было создать новые министерства. 01 мая 1810 года должно было собраться собрание, которое бы приняло новый свод законов, и оно же 15 августа преобразовалось бы в Государственную думу, работа которой должна была начаться 01 сентября 1810 года. Мы можем убедиться в том, что реформатор стремился реализовать свои идеи в сжатые сроки. Он верил в то, что его программа могла быть реализована за один год, но он ошибся. Программа полностью не была реализована по ряду причин. Одна из них кроется, на наш взгляд, в том, что полная реализация программы Сперанского могла привести к тому, что российское общество (под обществом в XIX веке мы имеем в виду дворянство) было бы расколото на два лагеря: сторонников и противников реформ. Противников было больше, и этого могло бы привести к политическому кризису, и им могли воспользоваться противники России в Европе. Например, Наполеон Бонапарт, который, как и Александр I, прекрасно осознавал, что Тильзитский союз непрочен и рано или поздно от него не останется и следа. Александр I был довольно умным человеком и прекрасно это понимал.

Государственный совет Российской империи начал свою работу 01 января 1810 года. Согласно императорскому Манифесту, Государственный совет становился законосовещательным учреждением. Император создавал тот или иной законопроект, который отправлялся в Госсовет. Члены совета разбирали его и могли дать ему свою оценку. Но император сам решал, нужно ли прислушиваться к мнению большинства или нет, а Сперанский предлагал сделать Госсовет органом власти, который должен был объединять деятельность трех ветвей власти. Государственная дума так и не появилась в 1810 году. Зато, в том же году была продолжена министерская реформа, которая касалась исполнительной власти. 17 августа 1810 года вышел Манифест «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» [9, с. 323-328]. Этот Манифест касался внутренней организации и функций министерств. Этот законодательный акт определил структуру Министерства полиции, Министерства финансов, Министерства народного просвещения.

Одновременно с созданием Государственного совета произошла важная перемена в Военном министерстве. 01 января 1810 года военным министром Российской империи стал М.Б. Барклай-де-Толли. Новый военный министр стал разрабатывать план будущей войны с Францией. К этому времени у России и Франции начались разногласия. В 1809 году началась франко-австрийская война. Александр I как союзник Франции формально объявил войну Австрии и стянул к границе войска, но боевых действий со стороны России, по сути, не велось. Наполеон сумел одержать победу в битве при Ваграме и завладеть Венной. Лишь после этого русские войска перешли границу. Наполеон был в ярости от действий своего «союзника», но на разрыв союза он не пошел. При этом герцогство Варшавское

получало австрийскую Галицию. Подобное территориальное расширение герцогства привело в недоумение Петербург, считавший величайшей опасностью для себя возрождение Польши при ее вассалитете по отношению к Наполеону. Париж и Петербург вели переговоры по поводу подписания конвенции, одним из пунктов которой было то, что Наполеон обязуется не возрождать Польшу. Но ее не подписали из-за отказа французской стороны.

Другой проблемой являлась континентальная блокада. Из-за разрыва отношений с Великобританией экспорт российских товаров через балтийские порты уменьшился в три раза. Расходы на армию в годы Тильзитского мира неуклонно росли. С 1808 года по 1811 год они выросли с 53 миллионов до 113 миллионов рублей [11]. Из-за этого в стране начался финансовый кризис. Государственные деятели понимали, что стране необходимо развивать торговлю с нейтральными странами и ввести тариф, который бы помогал развивать отечественное производство и не допускал утечки золота за рубеж.

19 декабря 1810 года вышло «Положение о нейтральной торговле на 1811 год» [15, с. 70-85]. Согласно этому положению, разрешалось привозить колониальные товары под флагом нейтральных стран. Кроме того, предметы роскоши, которые экспортировались в Россию, облагались высокими пошлинами или запрещался их ввоз в Империю. Эта мера должна была стабилизировать сальдо торгового баланса. От этого положения пострадала Франция, а ввоз товаров в Россию под флагом нейтральных стран фактически разрушал континентальную блокаду. Оба правителя стали понимать, что война начнется уже скоро и пора к ней готовиться.

Обострение отношений с Францией влияло и на внутреннюю политику императора. Он был вынужден все больше и больше времени тратить на внешнеполитические дела. Александр I продолжал оказывать свое доверие Михаилу Сперанскому, у которого к этому времени появились влиятельные враги в высшем свете. Они считали его предателем и критиковали каждый его шаг. Александр прекрасно знал о тех настроениях, которые царили в высшем свете. Для войны с Францией ему была необходима поддержка общества. В 1811 году вышел один важный Манифест, который касался министерств. Это Манифест об «Общем учреждении министерств» [7], завершал министерскую реформу. В этом Манифесте государственные дела разделяются на 5 частей: внешние сношения, устройство внешней безопасности, государственная экономия, устройства суда гражданского и уголовного, устройство внутренней безопасности. Это было последнее проведенное им крупное мероприятие, так как, начиная со второй половины 1811 года, стремительно ухудшилась внешнеполитическая обстановка в Европе и императору теперь уже было не до реформ. В это время он искал союзников для предстоящей войны с Наполеоном. Австрия и Пруссия стали союзниками Наполеона, но в апреле 1812 года Швеция подписала с Россией союзный договор. В марте

1812 года Александр I решил «принести великую жертву» [5] для того, чтобы получить поддержку общества в предстоящей войне с Наполеоном. Этой жертвой стал Михаил Сперанский. Император знал, что этот человек является препятствием, которое мешает ему мобилизовать общественное мнение на войну с Наполеоном. Ведь многие российские государственные и общественные деятели верили, что Сперанский является предателем и членом тайных обществ. Даже иностранцы верили в то, что Сперанский является членом тайных обществ, которые пытаются провести революцию в России. Приведем отрывок из письма сардинского посланника в Санкт-Петербурге Жозефа де Местра: «Я уверяю вас, что моим глазам представляется здесь, то же самое, что мы уже видели, есть тайная сила, которая подрывает верховную власть и пользуется для этой цели ею самой как орудием» [16, с. 201].

17 марта 1812 года император Александр I решил покончить со всем этим. Сперанский был вызван к царю. Между ними состоялся двухчасовой разговор. Он был обвинен в предательстве в пользу Наполеона и снят со всех своих постов. После такого шокирующего разговора с императором Сперанский отправился к себе домой, где его ждал министр полиции Балашов. Он сообщил опальному реформатору, что тот должен в тот же вечер, без имущества, быстро и с надежной охраной отправиться в ссылку в Нижний Новгород, где он будет дожидаться высочайшего решения о своей участи. Сперанский был вынужден подчиниться этому решению и уехать в

Литература:

1. Архив Государственного совета. Том третий. Совет в царствование императора Александра I. 1801-1810 гг. Часть вторая. Тип. второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1878. 670 с.
2. Архив Государственного Совета Российской империи. URL : <https://runivers.ru/lib/book7656/> (дата обращения 17 марта 2021).
3. Беседы и частная переписка между императором Александром I и князем Адамом Чарторыйским (1801-1823). Письмо императора Александра князю Адаму Чарторыйскому от 1 апреля 1812 года. М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2016. 269 с.
4. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Рос. м-ва иностр. дел / М-во иностр. дел СССР, Комис. по изд. дипломат. документов при МИД СССР; Д-р экон. наук А.А. Громько (пред.) [и др.]. М. : Госполитиздат, 1960. 27 с.
5. Записки Ф.Ф. Вигеля. URL : http://az.lib.ru/w/wigelx_f_f/text_1856_zapiski.shtml (дата обращения 04 апреля 2021).

ссылку. Высший свет встретил эту новость с радостью. Как писал в своих записках современник тех событий Ф.Ф. Вигель, «многие, помню, приходили меня поздравить, и, виноват, я принимал поздравления» [5].

Исходя из выше изложенного, можно сделать следующий вывод. Александр I, после того, как потерпел поражение в войне с Наполеоном, был вынужден подписать с ним союзный договор и примкнуть к континентальной блокаде, разорвав отношения с Великобританией. После этого, он пытался провести широкомасштабные реформы внутри страны. Но ему не удалось это сделать в силу ряда обстоятельств. Одной из причин, как мы сумели показать, была подготовка к войне с Наполеоном, в силу которой он был вынужден отказаться от реформ и принести в жертву своего любимца, потому что реформы встречали неприязнь у консервативного дворянства. Поддержка общества была необходима царю, так как никто не знал тогда, к чему приведет эта война. Благодаря этому шагу, Александр I сумел заручиться поддержкой общества. В этом мы можем убедиться из письма [3, с. 135-140] императора Александра I своему другу Чарторыйскому: «Если война будет объявлена, то здесь решено не складывать оружия. Собранные военные силы очень велики: общественное настроение превосходно и существенно разнится от бывшего прежде» [3, с. 138]. В апреле 1812 года Александр выехал в Вильно. Его ждало величайшее испытание – решающая битва с Наполеоном.

Literature:

1. Archive of the State Council. Volume three. The Council in the reign of Emperor Alexander I. 1801-1810. Part two. Type. of the second department of Its Own E.I.V. Office. 1878. 670 c.
2. Archive of the State Council of the Russian Empire. URL : <https://runivers.ru/lib/book7656/> (date of application March 17, 2021).
3. Conversations and private correspondence between Emperor Alexander I and Prince Adam Czartoryski (1801-1823). Letter of the Emperor Alexander to Prince Adam Czartoryski dated April 01, 1812. M. : State Publ. ist. b-ka of Russia, 2016. 269 p.
4. Foreign policy of Russia in the XIX and early XX centuries: Documents of the Russian Foreign Ministry. del / M-vo inostr. affairs of the USSR, Comis. by the Diplomat Publishing house. documents under the Ministry of Foreign Affairs of the USSR; Doctor of Economics A. A. Gromyko (pred.) [et al.]. M. : Gospolitizdat, 1960. 27 p.
5. *Zapiski F.F. Vigel*. URL : http://az.lib.ru/w/wigelx_f_f/text_1856_zapiski.shtml (date of application April 04, 2021).

6. *Ключевский В.О.* «Русская история. Полный курс лекций». М. : Эксмо, 2005. 912 с.

7. Манифест 25 июня 1811 г. «Об общем учреждении Министерств». URL : <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3100/> (дата обращения 04 апреля 2021).

8. Полное собрание законов Российской империи. URL : http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения 17 марта 2021).

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 31 (1810-1811). № 24326. Манифест от 17.08.1810 г ««Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам»». 942 с.

10. Сборник Русского исторического общества. Том девяностый. URL : <https://runivers.ru/lib/book9408/483976/> (дата обращения 20 марта 2021).

11. *Сироткин В.Г.* Наполеон и Александр: дуэль накануне войны. URL : <https://e-libra.su/read/411119-aleksandr-pervyy-i-napoleon-duel-nakanune-voyny.html> (дата обращения 04 апреля 2021).

12. *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов. URL : <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm> (дата обращения 04 апреля 2021).

13. *Сперанский М.М.* Краткое начертание государственного образования. URL : http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_kratkoe_nachertanie.html (дата обращения 04 апреля 2021).

14. *Сперанский М.М.* Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам. URL : http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_obchee_obozrenie_vseh.html (дата обращения 04 апреля 2021).

15. Таможенное дело России. (Сб. док. и материалов). М., 1998. Т. 2. 504 с.

16. *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. Изд. 5-е, обновленное и дополненное. М. : ИКД «Зерцало-М», 2013. 476 с.

6. *Klyuchevsky V.O.* Russian History. Full course of lectures. M. : Eksmo, 2005. 912 p.

7. Manifesto of June 25, 1811 «On the General Establishment of Ministries». URL : <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3100/> (date of application April 04, 2021).

8. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. URL : http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (date of application March 17, 2021).

9. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection. Vol. 31 (1810-1811), № 24326. Manifesto of 17.08.1810 «The most highly approved division of State affairs into ministries». 942 p.

10. Collection of the Russian Historical Society. Volume ninety. URL : <https://runivers.ru/lib/book9408/483976/> (date of application March 20, 2021).

11. *Sirotkin V.G.* Napoleon and Alexander: a duel on the eve of war. URL : <https://e-libra.su/read/411119-aleksandr-pervyy-i-napoleon-duel-nakanune-voyny.html> (date of application April 04, 2021).

12. *Speransky M.M.* Introduction to the Code of State laws. URL : <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm> (date of application April 04, 2021).

13. *Speransky M.M.* Brief outline of state education. URL : http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_kratkoe_nachertanie.html (date of application April 04, 2021).

14. *Speransky M.M.* Overview of all transformations and their time distribution. URL : http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_obchee_obozrenie_vseh.html (date of application April 04, 2021).

15. Customs Russia. (Sat. Doc. and materials). M., 1998. Vol. 2. 504 p.

16. *Tomsinov V.A.* The luminary of the Russian bureaucracy. Historical portrait of M.M. Speransky. 5th edition, updated and expanded. M. : ICD «Zertsalo-M», 2013. 476 p.

Штурба Евгений Викторович
доктор исторических наук,
профессор,
Швеция
Popov-52@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РУКОВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI СТОЛЕТИЙ

Аннотация. К концу XX столетия мировая экономика не просто стала взаимозависимой, она проявила тенденции к интеграции в единое целое. Различие между взаимозависимой экономикой и экономикой глобализированной – качественное. Для России активное включение в мировые экономические и внешнеполитические процессы стало, прежде всего, вопросом выбора между торговыми интересами и угрозой потери самостоятельности. В статье дается подробный авторский анализ всех перепитий внешнеполитической деятельности руководства Российской Федерации на рубеже XX–XXI веков.

Ключевые слова: Российская Федерация, внешняя политика РФ, интеграция мировой экономики, глобализация, «доктрина Бориса Ельцина», мировое сообщество, многополярность.

К концу XX столетия мировая экономика не просто стала взаимозависимой, она проявила тенденции к интеграции в единое целое. Различие между взаимозависимой экономикой и экономикой глобализированной – качественное. Речь идет не только о значительно возросших объемах торговых потоков, но и о мировом рынке, который выглядит как рынок единого государства. Понижая барьеры между суверенными государствами, глобализация трансформирует внутренние социальные отношения, жестко подавляет всякое экономическое своеобразие государств.

С этой проблемой в последние годы столкнулась и Россия. Для неё активное включение в мировые экономические и внешнеполитические процессы стало, прежде всего, вопросом выбора между торговыми интересами и угрозой потери самостоятельности. Примечательно, что стремление российского руководства к экономической интеграции с Западом (лидером глобализма) во многом объяснялось и геополитическими причинами. Россия в конце 1990-х годов активизировала поиски союзников в числе стран НАТО, главным образом, исходя из опасений быстрого экономического и демографического роста в Китае [1; 2; 3, с. 53].

Вместе с тем, Кремль был заинтересован в тесном взаимодействии с КНР для блокирования

Evgeny V. Sturba
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Sweden
Popov-52@mail.ru

THE MAIN FOREIGN POLICY AREAS OF THE LEADERSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE TURN OF THE 21ST CENTURY

Annotation. By the end of the twentieth century, the world economy had not only become interdependent, it had shown a tendency to integrate into a single whole. The difference between an interdependent economy and a globalized economy is qualitative. For Russia, active inclusion in the world's economic and foreign policy processes has become, first of all, a matter of choice between trade interests and the threat of loss of independence. The article gives a detailed author's analysis of all the foreign policy activities of the leadership of the Russian Federation at the turn of the 20th and 19th centuries.

Keywords: Russian Federation, Russian foreign policy, integration of the world economy, globalization, «Boris Yeltsin doctrine», world community, multipolarity.

натовского диктата в международных делах и противодействия исламскому экстремизму на юге. Сбалансированность в рамках СНГ была тем более необходима, поскольку любое сближение России с одной из конфликтующих сторон в ущерб другой ставило под удар стабильность и сотрудничество на всем постсоветском пространстве. К концу столетия проявился еще один существенный фактор – рост великодержавных мотивов в российской внешней политике.

Великодержавное чувство, чуть было, не утерянное в 1991–1992 гг., вновь овладело общественно-политическим сознанием, что выражается, прежде всего, во все более твердом противодействии попыткам США и НАТО без санкций ООН руководить мировыми делами. На рубеже XX–XXI в. ни одно государство, кроме России, не демонстрировало подобной решимости. Великодержавный импульс находил свое выражение и в стремлении Москвы играть ведущую роль на постсоветском пространстве. В феврале 1993 г. Президент РФ сформулировал позицию, которую на Западе окрестили как «доктрину Бориса Ельцина». Ее суть: намерение России обладать особыми правами и обязанностями на территории бывшего СССР. К концу 1990-х годов Москва, ощущая сопротивление партнеров по СНГ, несколько снизила свои претензии на лидерство, но, по существу, они сохраняются.

Отчасти, тенденции к великодержавию стимулировались зарубежными политиками. Индия, Ливия, Куба и десятки других стран заинтересованы в восстановлении тесных связей с Москвой. Следует отметить изменение позиции тех режимов, которые не питали к СССР добрых чувств. Израиль, Саудовская Аравия, Оман, Малайзия и другие подчеркивают важность России как противовеса слишком возросшему влиянию США.

Поскольку Москва оказалась не в состоянии, как прежде, соперничать с Вашингтоном за мировое лидерство, во второй половине 1990-х годов она активно развивала идею многополярности в международных отношениях. Как известно, достижение многополярности потребовало сбалансированного подхода к различным блокам и странам, невзирая на их идеологические ориентиры. Продвижение мирового сообщества к многополярности и составляло суть внешнеполитической стратегии России на рубеже столетий. Российская политическая элита, особенно после прихода к власти В.В. Путина, уверовала в то, что международные отношения станут более благоприятными и удобными для всех, если вместо американской гегемонии они будут определяться целой группой силовых центров, в том числе, конечно, и Москвой.

К концу XX века целый ряд стран реально претендовал на роль центров силы в мировой политике [4]. Однако попытки восстановить великодержавный статус неизбежно вызвали противодействие соседей, что уже само по себе несло угрозу дестабилизации обстановки, трениям и столкновениям. В целом в МИДе России отдавали отчет в сложности переходного периода к новой мировой системе. Для упорядочения этого процесса Кремль предложил всем участникам международных отношений соблюдать ряд условий. Эти условия в той либо иной форме неизменно высказывались российским Президентом во время встреч на высшем уровне. Кратко их содержание сводилось к следующему.

Во-первых, не допускать новых разделительных линий в мировой политике. Европу не следует делить на зону НАТО и зону, где находятся государства, не входящие в эту организацию. Опасны разговоры о противостоянии цивилизаций, особенно о «мусульманской угрозе современной Европе», только на том основании, что в исламском мире активизировались экстремистские группировки.

Во-вторых, по мнению Москвы, в переходный период необходимо было отказаться от попыток выделять победителей и проигравших в холодной войне. Российская демократия отнюдь не ощущала себя проигравшей. Напротив, она преподносилась как победитель, сломавший тоталитарную коммунистическую систему в СССР и, по этой причине, не могла терпеть высокомерно к себе отношения.

В-третьих, Россия настаивала на дальнейшей демократизации международных экономических отношений. Кремль осудил использование экономических рычагов для достижения эгоистиче-

ских целей политического характера, например, американские санкции против торговых партнеров Кубы, экономическую блокаду Ирана и Ливии. Осуждение, естественно, вызвало дискриминацию российского экспорта. Особое значение российским правительством придавалось четвертому условию создания стабильного многополярного мира – тесному сотрудничеству международного сообщества в решении актуальных задач, среди которых можно выделить следующие:

- 1) урегулирование конфликтов;
 - 2) дальнейшее сокращение вооружений и осуществление мер доверия в военной области;
- укрепление гуманитарных и юридических аспектов безопасности;
 - оказание помощи и поддержки странам, испытывающим различные трудности в развитии.

Россия продолжала оставаться в рядах борцов за сокращение всех видов вооружений и мер доверия в военной области. Именно она одной из первых присоединилась к Договору о полном запрещении ядерных испытаний и настояла на том, чтобы этот документ подписали все страны, имеющие ядерный потенциал. Соответствующий нажим оказывался, в том числе, на Индию и Пакистан, осуществившие в мае 1998 г. взрывы ядерных устройств.

В качестве реакции на деятельность НАТО в Югославии, Российский парламент так и не ратифицировал Договор СНВ-2. Тем не менее, российское правительство готово к продолжению переговоров по сокращению стратегических вооружений (СНВ-3) с учетом общей международной ситуации, а также того обстоятельства, что уничтожение имеющихся запасов – дорогая процедура, и поэтому необходимо соразмерять его темпы с финансовыми возможностями. Растущее беспокойство вызывает в Москве желание Вашингтона создать новую противоракетную систему, что грозит разрушить все прежние достижения в области ограничения и сокращения ядерных вооружений. Среди других приоритетов Москвы в разоруженческой сфере – модернизация Договора об обычных вооруженных силах в Европе, в частности снижение групповых и национальных потолков для армий стран континента, введение ограничений на размещение войск на иностранной территории и др.

Проблема перехода к новому международному порядку приобрела наиболее актуальный характер на Европейском континенте. Система региональной безопасности, сложившаяся в годы холодной войны, фактически распалась. Перестал существовать восточный блок во главе с СССР, на карте Европы появились многочисленные новые государства, и принцип незыблемости границ, гарантированный Хельсинкскими соглашениями, оказался размытым. Попытки НАТО играть роль гегемона в европейских делах и по собственному усмотрению применять силу внесли в мировую политику комплекс плохо скрытых

противоречий. В этой связи, как были убеждены в Москве, возникла необходимость взяться за создание новой системы безопасности в Европе. Согласно разработкам российских дипломатов в систему всеобъемлющей безопасности в Европе должны войти ООН, ОБСЕ, Европейский союз, Европейский совет и СНГ. Причем основной движущей силой новой системы предлагалось сделать ОБСЕ, ибо эта организация универсальна, охватывает все европейские государства и продемонстрировала свою эффективность в годы холодной войны.

На рубеже столетий Россия проявила готовность сосуществовать с НАТО. Подписанный в 1997 г. основополагающий акт создал адекватную базу для нормальных и даже партнерских отношений между Россией и Североатлантическим союзом. У руководства России появилась реальная надежда на то, что НАТО начнет реформироваться, избавляясь от наследия холодной войны, поскольку в 1998-1999 гг. своевольные действия этой организации лишь усиливали международную напряженность. Сотрудничеству двух сторон, чаще всего, мешали субъективные представления, мировоззренческое наследие холодной войны. По мнению большинства западных политиков, российская демократия так и не достигла западных норм, поскольку в стране нет ни одной политической партии западного типа, не сложилась система разделения трех властей.

Судебная власть заняла заведомо подчиненное положение, а исполнительная по конституции 1993 года имеет полномочий больше, чем законодательная ветвь. Эксцессы, подобные тем, что произошли в октябре 1993 года, победа левых на выборах в декабре 1995 года, кризис территориального урегулирования в Чечне выдвинули противостояние, а не компромисс во главу угла нового русского политического устроения.

Таким образом, западные надежды на стремительную демократизацию России оказались не реализованными. По оценке Майкла Макфола, в 1990-е годы между Россией и Западом выявились следующие противоречия: «Договор об ограничении вооружений СНВ-2, расширение НАТО, торговля с Ираном и Ираком, новый российский драконовский закон, санкционирующий деятельность лишь определенных религий, доминируют в повестке дня взаимоотношений двух стран... Эта старая повестка дня говорит лишь о том, что контуры нового посткоммунистического стратегического партнерства между Западом и Россией еще не определились. Заново звучат аргументы, что, учитывая баланс сил на международной арене, Соединенные Штаты и Россия, попросту, обречены быть противниками» [5, р. 131].

Происходящее одновременно расширение НАТО и увеличение числа членов Европейского союза во всей остроте поставило вопрос о подлинном месте России в Европе. По мнению Джонатана Хэзлема, «простым фактом является вытеснение России на задворки Европы, чего не может скрыть никакая казуистика» [6, р. 122]. Однако уже в конце 1990-х годов многие специалисты на

западе расценивали быстрое ослабление России как потенциальную угрозу американской безопасности [7, р. 311].

Россия, все же, сохранила значительную часть наследия СССР. А также – место постоянного члена Совета Безопасности ООН, комплекс ядерных вооружений. По справедливому замечанию А.И. Уткина, «медленно, но верно Москва начала освобождаться от поразительных иллюзий. Безоговорочные западники уступили место более отчетливым радателям национальных интересов» [8, с. 361]. Новый характер двусторонних отношений сложился к концу 1990-х годов. Именно в конце 1990-х годов на Западе активизировалась деятельность сторонников концепции постепенного сближения России и Европейского и Североатлантического союзов. Включение России в НАТО, по их прогнозам, может способствовать ее трансформации из организации коллективной обороны в организацию коллективной безопасности.

Такое развитие событий позволит предотвратить образование новых разделительных линий, предотвратить антагонизацию, не включенной в НАТО России [9]. Сторонники этой идеи признают, что в настоящий момент ни ЕС, ни НАТО не готовы к включению в свои ряды кого бы то ни было за пределами Центральной Европы, опасаясь потери эффективности вследствие «размывания» сплоченности рядов. Исследователь Ч. Капчен полагает, что включение России в НАТО создаст в Европе два балансирующих друг друга центра – франко-германский и российский, то есть, более стабильную геополитическую систему, ослабляющую стремление отдельных стран к превосходству. «Включение России в Европу не приведет к распаду Европейского союза, но может несколько ослабить центростремительные силы... Включение России в Европу должно стать центральным пунктом текущей повестки дня, исключенные из подобных процессов страны всегда стремятся изменить геополитические основания» [10]

Исключение России из основных интеграционных процессов для Запада – едва ли кратчайший путь к мировой стабильности. «Ревизионистские государства в развивающемся мире, особенно вооруженные средствами массового поражения и те, чьи размеры и население делают их доминирующими державами в своих регионах, могут явиться главными противниками статус-кво» [11].

В отдельном рассмотрении нуждается вопрос о роли России в геополитической структуре АТР. В 1990-е годы этот регион превратился в место частых геополитических поражений России. Сказался не только традиционный приоритет западного направления в дипломатических усилиях Москвы, но и особенности ее политики в АТР. Проявились и исторические причины: бесплодные препирательства с Японией по поводу заключения мирного договора, комплекс давних разногласий с Китаем. Отдельно следует отметить длительную поддержку, постепенно сошедших на нет в силу естественных причин (образования самостоятельных государств), националь-

но-освободительных движений и исчезнувших военно-коммунистических режимов.

В 1990-е годы значительно заметнее в АТР стала роль экономически усилившегося Китая, что не могли не учитывать российские политики.

Например, во время визита в Китай весной 1994 г. премьер В.С. Черномырдин отметил, что некоторое время отношения между Москвой и Пекином характеризовались как дружественные и даже братские [12]. Однако за 1990-е годы мирные виды экспансии Китая по геополитическим результатам вполне могут быть сравнимы с военной экспансией. Главным образом, речь идет о товарном, инвестиционном, миграционном проникновении, которое осуществляется в российском Зауралье. Однако невоенная мощь имеет пределы распространения вовне. При этом военная сила, чтобы быть действенной и эффективной в современной ситуации, должна быть основана на передовой технике («синдром войны в Персидском заливе»). Этими соображениями, видимо, и объясняется ускоренное перевооружение ядерных сил и войск общего назначения в Китае. Нарастание и модернизацию ядерного военного потенциала КНР, усиление его наступательной направленности и одновременное совершенствование китайских ядерных вооружений отмечают и отечественные, и западные наблюдатели [13-15].

Система внешнеполитических принципов и ее практическая реализация Китаем в 1990-е годы являлись для России одним из образцов разработки и осуществления современной геополитики в «эгоцентристском» варианте. В официальных изданиях КНР содержалось мало признаков какой-либо поддержки многополярной модели организации международных отношений. Уже поэтому в МИДе не могли не сознавать, что на Востоке России находится мощный сосед, нацеленный на геополитическое расширение.

Двусторонние контакты осложнялись наличием в российско-китайских отношениях ряда существенных проблем. Прежде всего – это геополитические противоречия. В Сибири и на Дальнем Востоке находятся обширные, богатые ресурсами малоосвоенные территории с быстро сокращающимся населением. Демографические процессы и данные статистики второй половины 1990-х годов с достаточной ясностью отражают тенденции и перспективы России в регионе. В России население составляло менее 150 млн чел., тогда как в Китае жило 1.2 млрд чел. и ежегодно к ним добавляется еще 13 миллионов человек. В непосредственной близости от границ с Китаем в России проживает всего 32 млн человек (в Сибири – 24 млн и на Дальнем Востоке – 8 млн). При сохранении нынешних неблагоприятных демографических и экономических тенденций совокупное население Сибири, как прогнозировали специалисты, могло упасть до 8 млн чел. к 2010 г. [16].

Для Китая, напротив, характерна растущая перенаселенность, острая нехватка территории, бурно развивающаяся промышленность. В по-

следние годы проявились также быстрый прирост общего экономического потенциала, аккумуляция огромных финансовых средств, недостаток природных ресурсов (нефти, железной руды, леса, цветных металлов). Можно выделить и ряд иных проблем и противоречий. Например, омраченный тяжелыми конфликтами опыт недавнего исторического общения. Главным образом, это обстоятельство важно потому, что на ключевых постах в Китае находится еще много деятелей, получивших начальную мировоззренческую подготовку во времена напряженной «великой дружбы» и последовавшей за ней открытой конфронтации двух стран. Необходимо учитывать и условия «идейного конфликта» после отказа России от коммунистической идеологии в начале 1990-х годов. Этот конфликт серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. КПК, находящаяся у власти, миллионы функционеров и могущественная армия готовы сражаться за сохранение власти и привилегий. Руководство Китая едва ли готово одобрить добровольную сдачу классовых позиций внутри России.

В восприятии Пекина, Москва также несет ответственность за развал СССР и бездействие в отношении регионального сепаратизма, то есть, за поведение, служащее образцом для стремящихся к большей автономии китайских провинций. Крупные территориальные претензии к России в последний раз были выдвинуты Пекином в 1964 г. Они охватывали площадь свыше 33 тыс. кв. км. [17]. Проходящая ныне демаркация границы, вроде бы, снимает данную проблему, но официальными решениями недовольно и местное российское население, и местное, особенно хабаровское, начальство. Активное противодействие россиянам соглашениям по границе и участвующие к концу 1990-х годов факты «демонстративного поведения» приграничных китайцев (неважно, санкционированные или нет свыше), способствуют возобновлению территориального спора.

Несмотря на бесспорные экономические успехи КНР, на протяжении 1990-х годов происходило быстрое обнищание значительной части китайских крестьян (их 300 млн). Крайне низким оставался уровень жизни в менее развитых провинциях, особенно примыкающих к России, а в абсолютной бедности вплоть до настоящего времени живет 80 млн. китайцев. Таким образом, в китайском обществе многие были готовы к освоению потенциально богатых северных заграничных территорий.

Разумеется, российские власти не могли не учитывать нацеленность КНР на геополитическое расширение. Так, ряд противоречий породило соперничество за влияние на республики Центральной Азии и Казахстан. В большинстве из них Китай уже вошел в ведущую тройку зарубежных стран по количеству созданных совместных предприятий. Развивается и прямая торговля, чему содействует местная китайская диаспора [18]. Значительную остроту в последние годы приобрели экологические конфликты. Одна из его причин – проблема кислотных дождей, вызванных огромным потреблением промышленностью Китая угля с высоким содержанием серы.

Эти дожди уже угрожают сибирским лесам, но их пагубное действие станет особенно заметным к 2010 г., когда Китай, по оценкам исследователей, превратится в главного генератора кислотных дождей на планете [19, р. 164].

В то же время, экономической реальностью является и то, что Россия в 1990-е годы была заинтересована в кооперации с КНР. Китай представлял собой одну из немногих стран, готовых закупать продукцию нашей обрабатывающей промышленности (ее доля в российском экспорте составляла 35 %), а также большие объемы вооружений. КНР была экономически заинтересована в налаживании «полновесных связей» в аэрокосмической промышленности, химии, машиностроении. Руководство Китая выразило готовность предоставить России солидные контракты на модернизацию построенных ранее предприятий, на создание крупного гидроузла на реке Янцзы, ТЭС и АЭС, закупать у России избыточную электроэнергию. Однако и в экономическом сотрудничестве есть свои противоречия, например, наметился спад в объеме двустороннего товарооборота. Известное влияние оказал и дефицит общего торгового баланса Китая: страна решила просто меньше закупать за границей [20].

Для расширения торговли с Китаем России приходится разрабатывать принципиально новую стратегию освоения китайского рынка. Кроме того, уже в начале 1990-х годов обозначился значительный перекоп в области легальных инвестиций (в 1992-93 гг. в России было зарегистрировано 800 китайских компаний и совместных предприятий, а в КНР с участием российского капитала – 400).

Продолжение данной тенденции имело неблагоприятные внутри- и внешнеполитические последствия для России. На протяжении последнего десятилетия происходил непрерывный, плохо поддающийся контролю и не приносящий российской казне доходов вывоз стратегического сырья. Особенно значительные масштабы он принял после отмены указами Президента РФ Б.Н. Ельцина экспортных квот и лицензий. Наконец, массовое распространение китайского ширпотреба и сельскохозяйственной продукции создало неблагоприятные условия для возрождения отечественной легкой промышленности и аграрного сектора.

В среде российских исследователей еще в середине 1990-х годов высказывались опасения утраты российского влияния в Сибири и на Дальнем Востоке [21, с. 21-22]. Преимущественно, они основывались на фактах массовой незаконной скупки китайскими предпринимателями недвижимости к востоку от Урала при бездеятельности местных и центральных властей [22]. К концу 1990-х годов ситуация лишь незначительно изменилась к лучшему.

Таким образом, в период глобализации международных экономических отношений перед рос-

сийским правительством остро встала задача разработки целостной системы внешнеполитических приоритетов, как на западном, так и на восточном направлениях. Эти процессы способствовали появлению в высших эшелонах власти, так называемой, концепции национальной безопасности РФ в качестве свода официально принятых взглядов на национальные интересы страны и средства их обеспечения. В идеале, такая концепция национальной безопасности, будучи одним из основополагающих документов на рождающейся российской государственности, должна была появиться одновременно с Конституцией Российской Федерации. Однако в действительности документ под названием «Концепция национальной безопасности Российской Федерации» был утвержден Указом Президента РФ только 17 декабря 1997 г.

Затянувшиеся сроки подготовки документа не раз становились объектом критики со стороны политических оппонентов действующей российской власти. Однако объективно нельзя было ожидать быстрого появления столь важного документа, к принятию которого государство и общество должны были прийти на основе накопленного политического опыта. Закономерно, что концепции национальной безопасности был присущ оттенок декларативности и незавершенности. Далеко не случайно, что сразу же после появления документа его содержание подверглось критике [23]. Эта критика, последовавшая буквально на другой день после появления Концепции 1997 г., отразила всю сложность и противоречивость понимания российским обществом национальных интересов и национальной безопасности. Следует отметить, что основы «Концепции» были заложены уже в Конституции РФ 1993 года. Кроме этого, проблема национальных интересов была уже поставлена в «Концепции внешней политики Российской Федерации», опубликованной МИД РФ в январе 1993 года. Дальнейшая разработка этих вопросов содержалась в «Основных положениях концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденных Президентом в апреле 1993 г.

Военные аспекты национальной безопасности стали предметом специального рассмотрения еще в законе РФ «О безопасности» 1992 г. и в «Основных положениях военной доктрины Российской Федерации», принятых в 1993 году. Это были первые документы в истории молодой российской государственности, где давалось комплексное рассмотрение проблемы национальных интересов и приоритетов [24].

Появившаяся в 1997 году Концепция национальной безопасности, разрабатывалась в условиях относительно благоприятного внутреннего и международного положения Российской Федерации. Однако события, последовавшие в 1998-1999 гг., создали необходимость внесения дальнейших корректив в представления о приоритетах национальной безопасности России [25].

Литература:

1. Известия 1994. 16 и 27 апреля. 20 мая.
2. Красная звезда. 1993. 28 ноября.
3. Компас. 1994. № 55.
4. Среди таких стран политологи обычно выделяют Германию, Японию, Китай и Россию. См.: Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М. : «РОСПЭН», 1996.
5. McFaul M. Russias Summer of Discontent / M. McFaul // Current History. 1998. P. 311.
6. Haslam J. Russia's seat at the table: a place denied or a place delayed? International Affairs. 1998. P. 122. № 1.
7. McFaul M. Russia's Summer of Discontent / M. McFaul // Current History. October. 1998. P. 311.
8. Уткин А.И. Мировой порядок XXI в. М. : «РОСПЭН». 2000. С. 361.
9. Goodby J. Europe Undivided: The New Logic of Peace in U.S.-Russian Relations. Washington, 1998.
10. Kupchan Ch. Op. cit. P. 76-77.
11. Hill E. Pivotal States and U.S. Grand Strategy. «Foreign Affairs» / E. Hill, P. Kennedy. January-February. 1996. P. 33-51.
12. Сегодня. 1994. 27 мая.
13. Китай чем дальше, тем не безопасней. Нью-Йорк Тайме. Недельное обозрение. 19 января – 01 февраля 1994.
14. Zhang I. China Heads Towards Blue Waters. International Defense Review. 1993. № 11. P. 879-880.
15. China Upgrading Nuclear weapons. Experts Say. Los Angeles Times. 9. XI. 1993.
16. Известия. 1994. 20 мая.
17. Тогда в беседе с представителями соцпартии Японии Мао пообещал «рассчитаться» с Москвой за отторжение от Китая области к востоку от Байкала с городами Хабаровск и Владивосток, а также Камчатка. См.: Выступления и статьи Мао Дзе-дуна разных лет, ранее не публиковавшиеся в печати. Вып. 6. М., 1976. С. 182.
18. Московские новости. 1994. 24 апреля - 01 мая.
19. Kristof N. The Rise of China. Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 5. P. 64.
20. Перемена положительного торгового сальдо на дефицит произошло на рубеже 1992-93 гг. За первые пять месяцев 1993 г. он составил 36,1 млрд долл. См.: Financial Times. June 25 1993.

Literature:

1. Izvestiya 1994. April 16 and 27. May 20.
2. Red star. 1993. November 28.
3. Kompas. 1994. № 55.
4. Among these countries, the political scientists usually distinguish Germany, Japan, China and Russia. See: Sorokin K.E. Geopolitics of modernity and the geostrategy of Russia. M. : «ROSPAN». 1996.
5. McFaul M. Russias Summer of Discontent / M. McFaul // Current History. 1998. P. 311.
6. Haslam J. Russia's seat at the table: a place denied or a place delayed? International Affairs. 1998. P. 122. № 1.
7. McFaul M. Russia's Summer of Discontent / M. McFaul // Current History. October. 1998. P. 311.
8. Utkin A.I. The World order of the XXI century. M. : «ROSPEN». 2000. P. 361.
9. Goodby J. Europe Undivided: The New Logic of Peace in U.S.-Russian Relations. Washington, 1998.
10. Kupchan Ch. Op. cit. P. 76-77.
11. Hill E. Pivotal States and U.S. Grand Strategy. «Foreign Affairs» / E. Hill, P. Kennedy. January-February. 1996. P. 33-51.
12. Today. 1994. May 27.
13. China the further away, the safer it is. New-York Times. Weekly review. January 19 – February 1, 1994;
14. Zhang I. China Heads Towards Blue Waters. International Defense Review. 1993. № 11. P. 879-880.
15. China Upgrading Nuclear weapons. Experts Say. Los Angeles Times. 9. XI. 1993.
16. Izvestiya. 1994. May 20.
17. Then, in a conversation with representatives of the Socialist Party of Japan, Mao promised to "pay off" Moscow for the separation from China of the region east of Lake Baikal with the cities of Khabarovsk and Vladivostok, as well as Kamchatka. See: Speeches and articles by Mao Tse-tung of different years, previously not published in the press. Iss. 6. M., 1976. P. 182.
18. Moscow news. 1994. April 24 - May 1.
19. Kristof N. The Rise of China. Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 5. P. 64.
20. The trade surplus changed to a deficit at the turn of 1992-93. In the first five months of 1993, it was \$ 36.1 billion. See: Financial Times. June 25, 1993.

21. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Перспективы российской геополитики. Полис. 1993. № 5. С. 21, 22.

22. Подробнее о проблеме «тихой экспансии» Китая в Россию см.: Известия 1994. 16 и 27 апреля. 20 мая; Красная звезда. 1993. 28 ноября. Немецкая газета даже рассказала о китайском миллионере, который сделал своим хобби «приобретение наполовину обанкротившихся русских предприятий». Цит. по: Kompas. 1994. № 55. С. 53.

23. Концепция национальной безопасности РФ. М. : «МОНФ», 1998.

24. Распоряжение Президента Российской Федерации «Об обеспечении единой внешнеполитической линии Российской Федерации в международных отношениях» // Российские вести. 1992. 19 ноября.

25. Текущий архив Министерства иностранных дел.

21. *Tsybursky V.L.* Ostrov Russia. Prospects of Russian geopolitics. The policy. 1993. № 5. P. 21, 22.

22. For more information about the problem of China's «quiet expansion» into Russia, see: Izvestiya 1994. 16 and 27 April. May 20; Red Star. 1993. November 28. A German newspaper even told about a Chinese millionaire who made it a hobby to «acquire half-bankrupt Russian enterprises». по: Kompas. 1994. № 55. P. 53.

23. Kontseptsiya natsionalnoy bezopasnosti RF. M. : «MONF», 1998.

24. Decree of the President of the Russian Federation «On Ensuring a Unified Foreign Policy Line of the Russian Federation in International Relations» // Russian News. 1992. November 19th.

25. Current archive of the Ministry of Foreign Affairs.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Горбунова Инна Михайловна
кандидат философских наук,
доцент,
кафедра социологии, правоведения
и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

Петровская Оксана Андреевна
старший преподаватель,
кафедра социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
aksiniya-33@mail.ru

Скочилова Диана Алексеевна
студентка,
кафедра социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
Skochilova_Diana@mail.ru

ИГРА КАК ФОРМА КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

■ ■ ■

Аннотация. Каждый человек, так или иначе, окружен большим количеством динамичных информационных потоков, которые проносятся мимо с огромной скоростью и создают колоссальное количество коммуникативных узлов. Все в мире, начиная от родственников, заканчивая всплывающей рекламой в браузере, пытаются наладить с человеком коммуникативный контакт.

Оказавшись в условиях информационной перегрузки, человек испытывает стресс и вынужденно ищет пути выхода из него. В подобных условиях важным становится не столько вопрос о коммуникации как о передаче информации от акцептора к реципиенту, сколько качество и эффективность передаваемой информации. В связи с этим, все популярнее становится восприятие жизни как некоей игры, с заранее заданными вариантами реакций на внешние раздражители. Коммуникация начинает рассматриваться как некая игровая модель, в которой присутствует от одного до бесконечного количества игроков. Этому способствует не только глобальная информационная сеть современного мира, но и новые условия коммуникации, такие, как виртуальное общение посредством игр, социальных сетей, различных форумов. Именно поэтому тема игры как формы современной коммуникации является на сегодняшний день особенно актуальной.

Ключевые слова: теория игр, игра, применение, коммуникация, повседневная жизнь.

■ ■ ■

Inna M. Gorbunova
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Department of Sociology, Law
and Human Resources,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

Oksana A. Petrovskaya
Senior Lecturer,
Department of Sociology,
Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
aksiniya-33@mail.ru

Diana A. Skochilova
Student,
Department of Sociology, Law
and Human Resources,
Kuban State Technological University
Skochilova_Diana@mail.ru

PLAYING AS A FORM OF CULTURE AND SOCIAL COMMUNICATION

■ ■ ■

Annotation. Each person, one way or another, is surrounded by a large number of dynamic information flows that pass by at great speed and create a huge number of communication nodes. Everyone in the world, from relatives, to pop-up advertising in a browser, is trying to establish communication with a person. Once in conditions of information overload, a person is stressed and forced to look for ways out of it. In such conditions, it becomes important not only the issue of communication as a method of transmitting information from the acceptor to the recipient, but also the quality and efficiency of the transmitted information. In this regard, it is becoming more popular to perceive life as a kind of game, with predetermined options for reactions to external stimuli. Communication begins to be considered as a kind of game model, in which there is from one to an infinite number of players. This is facilitated not only by the global information network of the modern world, but also by new communication conditions, such as virtual communication through games, social networks, and various forums. That is why the theme of the game as a form of modern communication is today especially relevant.

Keywords: game theory, game, application, communication, everyday life.

■ ■ ■

Игра является одним из древнейших способов взаимодействия людей, целью которого является социализация индивидов, обмен смыслами. Многие научные деятели отмечают, что одной из древнейших разновидностей игр являются обряды. С их помощью люди организовывали особого вида коммуникацию, включающую в себя как межличностную коммуникацию, так и коммуникацию на «духовном» уровне – с потусторонними силами, которые являлись опорой для существования человека. С помощью игры люди производили ретрансляцию реальности в символической форме. В этой связи важно отметить идеи Джорджа Герберта Мида, основоположника символического интеракционизма. В его теории такие символы, как жесты, телодвижения, язык и прочие, являются основой взаимодействия людей, которое на них базируется. В модели социального опыта человека, индивид непрестанно ведет внутреннюю «беседу» Я-объекта, как бы находящегося в мире институциональных ограничений и общезначимых представлений, и Я-субъекта, которому, как и жизни, в целом, присуща творческая, спонтанная активность. Согласно Миду, за формирование этого диалога, рождающегося в нашем сознании, отвечает социализация, которую исследователь интерпретирует следующим образом: имитация – театрализованное представление, соревнование, или игра по определенным правилам [1].

Таким образом, мы видим, что игра оказывает значительное влияние на социализацию индивида, задавая некие правила коммуникации, взаимодействия как внутри личности, так и вовне на основе ее символизации.

В связи с этим, объектом настоящего исследования выступает игра как способ социальной коммуникации, а целью исследования нам представляется выявление применимости теории игр как формы современной коммуникации в повседневной жизни. В качестве гипотезы исследования были выдвинуты следующие предположения:

– теория игр может применяться в повседневной жизни в силу ее прикладного характера и широкой сферы применимости;

– основные трудности применения теории игр в повседневной жизни могут быть связаны со сложностью усвоения основ теории, неочевидности присутствия ее элементов в определенных ситуациях.

Однако дальнейшее изучение данной темы невозможно без рассмотрения теоретических основ вопроса. Термин «игра» рассматривается во многих науках: педагогике, психологии, этнологии, философии и ряда других, но для настоящего исследования целесообразнее рассматривать интегральное понимание игры, наиболее полно отражающего многоаспектность данного термина. Так или иначе, феномен игры, в большей или меньшей степени, оказывается связанным с общественным опытом индивида, социализацией, усвоением социальных ролей и культурных норм. Все это не может не говорить о важности

игры как социального феномена, способного оказывать влияние на коммуникацию индивидов в обществе.

Что касается теоретических представлений, следует сказать, что в 80-х, 90-х годах XX века, в социальных науках игра рассматривалась с позиции ролей и связывалась лишь с театром. Научная теория ролей, включающая в себя «ролевую игру», формирует представление об игре как о некоем социальном факте, связанном с понятием бытия как своего рода источника культуры. В этом и заключалось новаторство рассмотрения игры уже не сквозь призму проигрывания ролей, но как определенный культурообразующий фактор.

Данная теория связана с именем историка И. Хейзинги, который изложил свои идеи в труде «Человек-играющий» [2]. Он обратил внимание на то, что игра имеет глубоко социальный смысл и не должна быть сведена только к психологии. В настоящей теории игра выступает как часть серьезной деятельности членов общества, где особую роль Хейзинги отдает правилам, соблюдение которых он связывает с уважением этических норм в повседневной жизни. Таким образом, если говорить о важнейшей социальной роли игры по Хейзинги, то мы можем отметить, что она заключается в формировании социальных групп, привитии привычки соблюдения и уважения социальных норм.

Интересными с точки зрения социологической теории являются труды Дж. Морено [3]. Игра в его теории рассматривалась как способ реализации внутренней сущности человека. Морено определял общество – социальный мир – как игру бытия, где социальная жизнь представляет собой наборы драматических ситуаций и действий, в которых люди отыгрывают свои роли. Рассматривая игру в представлении Дж. Морено, важно отметить, что автор соединил понятие игры, как театрального действия, с символическим интеракционизмом, и, в итоге, даже предложил новый метод социализации, терапии, воспитания как психодрамы (социодрамы), в котором организовывалось бы проживание в групповом взаимодействии, переживание человеком реальных событий.

Если говорить об отечественных воззрениях, касающихся научного рассмотрения феномена игры, нельзя не отметить труды Л.С. Выготского, создателя культурно-исторической теории [4]. Автор в своих работах отмечает важнейшую роль игры в становлении личности ребенка, называя ее «ведущим фактором в развитии деятельности детей» и обращает наше внимание на то, что ребенок в процессе игры научается осознавать свои собственные действия, осознавать, что каждая вещь имеет значение.

К сожалению, в культурно-досуговой деятельности все чаще наблюдается тенденция сужения рамок игры, понимаемой некоторыми практиками только как исключительно детское занятие. Между тем, еще А.В. Луначарский подчеркивал, что слово «игра» знаменует собой понятие

необычайной широты. Игра в значительной степени является основой всей человеческой культуры. Исследователи справедливо рассматривают игровую деятельность как одни из уровней досуга [5].

В рамках настоящего исследования игра рассматривается в контексте математической схемы анализа стратегического взаимодействия сторон – теории игр. Появление теории игр принято связывать с публикацией в 1944 году монографии Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение» [6]. С момента создания, одной из ключевых областей применения теории игр являлись военно-стратегические и международные вопросы, но со временем, как это часто наблюдается, теория игр проникла и в другие научные дисциплины, такие как экономика, политология, психология социология и даже биология. Теоретический корпус теории игр включает в себя различные модели взаимодействий: игры с нулевой суммой и корпоративные игры. Первые, преимущественно, сосредоточены на поиске оптимального исхода, где одна из сторон, так или иначе, оказывается выигравшей, а вторая – проигравшей. Однако, когда число игроков превышает двух участников, возникает необходимость учитывать возможность образования коалиций между частью игроков. В этом случае речь идет о подсчете вероятности среднего выигрыша участника коалиции за счет остальных.

Размышляя о теории игр нельзя не сказать о трех типах равновесия, выступающих в качестве основополагающих компонентов формирования стратегий участников игрового процесса. Первый тип – равновесие Нэша – это такой набор стратегий в игре для двух и более игроков, в котором ни один участник не может увеличить выигрыш, изменив свою стратегию, если другие участники своих стратегий не меняют. Данный тип равновесия решает задачу оптимизации, добиваясь оптимальной стратегии. Следующий тип равновесия – аукцион Викри. Сущность ее заключается в том, что один из игроков имеет некую доминантную стратегию и ему все равно на то, какую информацию и основанную на ней стратегию имеют его оппоненты. Стратегию называют доминантной, если она слабо максимизирует ожидаемую прибыль агента для всех возможных стратегий других агентов. То есть, необходимо выбрать такую стратегию, при которой ваша «скрытая ценность» позволит вам получить товар по определенной сумме, превышающей ценность стоящего после вас оппонента ровно настолько, чтобы вы сохранили собственную выгоду. И, наконец, третий тип равновесия в теории игр – равновесие по Байесу-Нэшу. Чтобы понять суть данного равновесия, следует предположить, что агент не знает наверняка типы других агентов, то есть, их функции полезности, но знает выплаты для каждого возможного типа. Естественно, агент пытается максимизировать математическое ожидание своей прибыли в равновесии с такими же оптимизирующими стратегиями других агентов [7].

Однако объектом настоящего исследования представляется выявление возможности применения теории игр в повседневной жизни. Для достижения вышеуказанной цели было принято решение о проведении двухэтапного исследования. На первом этапе было проведено исследование методом анализа документов. Предметом изучения выступили 18 статей на базе интернет-ресурсов по запросу «применение теории игр в социальных науках». Единицами счета выступали источники, содержащие в массиве текста слова «применение теории игр», «социальные науки», а также упоминание в тексте социальных наук. К социальным наукам относились: юриспруденция, экономика, психология, филология, лингвистика, риторика, социология, история, политология, педагогика, культурология, социальная география, антропология. В процессе исследования также были выявлены дополнительные сферы применения теории игр, не относящиеся напрямую к социальным наукам, но необходимые для комплексного рассмотрения данного явления во взаимосвязи различных дисциплин.

В начале анализа производилось изучение текстового массива, производился подсчет необходимых упоминаний и их характера, на выходе мы имеем следующее распределение данных. Начальная сфера применения теории игр в политике и международных отношениях, планомерно процессам глобализации усилилась в экономической сфере, хотя, до сих пор, не утратила своей актуальности в политике. Сфера применения теории игр в экономике имеет самый широкий спектр: от анализа и прогнозирования общемировых экономических процессов, до применения в менеджменте, управлении организацией и в некоторых других локальных экономических сферах деятельности человека. Ключевой идеей применения теории игр в менеджменте является формирование определенных инструментов, с помощью которых менеджер получает возможность предусмотреть ходы своих партнеров и конкурентов.

В политологии теория игр часто применяется в целях прогнозирования характера и последствий стратегически важных отношений, как на мировой арене, так и внутри страны, а также, предотвращения возникновения конфликтных ситуаций или поиска способа оптимального разрешения конфликтной ситуации. Данные сферы тесно связаны с применением теории игр в международных отношениях и военном деле, где применение теории игр позволяет находить наиболее выгодные ролевые типы поведения сторон, а также предсказать возможные исходы их проявления.

В ряде таких дисциплин, как социология, психология – теория игр применяется с целью изучения поведения людей как во взаимосвязи с обществом, так и в индивидуальном порядке. Данные обычно используются как в целях описания и объяснения феноменов человеческого поведения, так и для его прогнозирования в различных целях. Отсюда вытекает закономерная связь данных социальных наук с биологией, а точнее, с тем ее разделом, что называется биологией

поведения и применяет теорию игр в целях эволюционного объяснения поведения человека.

Помимо прочего, из представленных данных мы можем видеть, что теория игр расширяет область своего применения и выходит за рамки привычных дисциплин. Ряд наук использует статистические модели теории игр для объяснения тех или иных феноменов, связанных с поведением человека, пытаются оптимизировать процесс обучения или коммуникации за счет внедрения в обиход ряда определенных стратегий.

Особенно интересно, в данном контексте, упоминание «неосознанного» применения теории игр в повседневной жизни. Сущность данного феномена заключается в такой категории сознания как «осознанность», то есть, целенаправленное определенное воздействие на окружающий мир. В таком ключе теория игр предоставляет широкий диапазон инструментов взаимодействия людей, основанный на сознательном анализе и решении возникающих перед человеком задач.

Подводя итог, следует сказать, что теория игр за последние несколько лет приобрела популярность и распространилась на различные сферы общественной жизни, став предметом научного интереса ряда нескольких неочевидных дисциплин.

В целях выявления возможности применения теории игр в повседневной жизни, было проведено комплексное исследование методом реального, лабораторного, параллельного эксперимента. Данный метод исследования был выбран с целью моделирования ситуации применения теории игр, формирования у респондентов понимания сущности теории. Результаты эксперимента были дополнены с помощью двухэтапного опроса, проводимого до и после эксперимента с целью выявления возможных различий или их отсутствия во мнении респондентов.

Выборочная совокупность была определена неслучайным целевым многоступенчатым методом, после поделена на две группы. На первом этапе производился сплошной опрос респондентов по опроснику. Далее, был произведен сплошной опрос экспериментальной группы.

На подготовительном этапе была подобрана группа респондентов – студенты Кубанского государственного технологического университета, четвертого курса направления «социология». Были подготовлены необходимые материалы, выбраны и подстроены под исследовательскую ситуацию дилеммы, построенные на основе теории игр: «дилемма заключенного», «дилемма добровольца», «дилемма 2/3 от среднего арифметического». Составлен опросник, отражающий основные задачи исследования.

На втором этапе проводился первый опрос, включающий контрольную и экспериментальную группы, три игры, после которых осуществлялся повторный опрос экспериментальной группы.

И, наконец, на заключительном этапе проводилась обработка материала и анализ полученных данных, имеющих следующее распределение.

В первую очередь, респондентам задавался вопрос: «Слышали ли Вы когда-нибудь о теории игр?» Согласно полученным данным, в исследовательской группе 70,8 % респондентов слышали о «теории игр», а оставшиеся 29,2 % – нет. Самыми частыми источниками знания о теории игр, названными респондентами, были: «узнал(а) в процессе обучения в ВУЗе» (64,7 %), узнал посредством самостоятельного серфинга(поиска) интернет-ресурсов (личный интерес, самостоятельное изучение учебных пособий; посредством постов в социальных сетях и т.п.) (52,9 %), узнали из рекомендаций преподавателей (29,4 %). Данное распределение, может свидетельствовать о наличии элементов теории игр в образовательном процессе, что, в свою очередь, могло повлечь за собой возникновение личного интереса; это сделало данный пункт вторым по популярности источником знания. Вышеуказанное распределение данных может демонстрировать нарастающую популярность теории игр, необходимость хотя бы косвенного упоминания ее в учебном процессе в силу применимости в социологии.

Далее, для получения общей картины понимания сущности теории игр, респондентам был задан вопрос: «Что Вы представляете, когда слышите словосочетание теория игр?» На первом этапе проведения опроса можно выделить распределение ответов по следующим категориям: феномен игры как самостоятельного явления; игра как взаимодействие людей; игра в организациях\компаниях; игра как часть образовательного процесса; игра как социальный феномен; отсутствие представления о сущности теории игр; другое («Как игры алиби на какую-то деятельность человека»).

Интересно, что все варианты сущности теории игр представляются респондентами, преимущественно, в научном контексте в различных сферах: образование, социальная сфера, сфера коммуникаций, собственно научная сторона теории.

Несмотря на явно прослеживающийся прикладной характер описания сущности теории игр, на первичном этапе не выявлено представлений респондентов о сущности теории, как о наборе инструментов для повседневного использования в целях решения бытовых задач. Однако интересно распределение данных в экспериментальной группе после проведения непосредственного эксперимента и приобретения респондентами базовых знаний о сущности теории игр. Из обобщенных представлений о сущности теории, данные приобрели более практически применимый характер:

– представления о теории как о наборе игр-дилемм как совокупности логических, интеллектуальных заданий, кейсов;

- представления о теории игр как о наборе игр-дилемм, применимых в реальных жизненных ситуациях;
- игра в организациях/компаниях;
- другое («упрощение решения, перенос в другой формат»).

Из полученных данных видно, что представления о теории игр у экспериментальной группы после ознакомления с основами теории игр посредством участия в экспериментальных играх, приобрели более узко-направленный, прикладной характер. Появилось представление о теории игр, как о моделях действия в реальных ситуациях; дилеммах для поиска наиболее благоприятного исхода. Однако стоит заметить, что представления респондентов приобрели односторонний характер и свелись к излишней конкретизации и стали затрагивать исключительно прикладной характер использования теории игр, что, в свою очередь, подтверждает возможность применения теории игр в повседневной жизни, но оставляет неполный, категориально сформированный образ теории игр в сознании респондентов.

Однако нельзя не заметить, что в вопросе о применимости теории игр в повседневной жизни, данные распределились следующим образом: 41,7 % опрошенных отметили, что теория игр может применяться в повседневной жизни; 37,5 % отметили, что теория игр, скорее всего, может применяться в повседневной жизни, а 20,8 % затруднились с ответом.

Тем не менее, следует обратить внимание на распределение данных в экспериментальной группе. Если на первом этапе опроса 42,8 % респондентов из экспериментальной группы затруднились с ответом на данный вопрос, еще 42,8 % отметили абсолютную возможность применения теории игр в повседневной жизни, а 14,4 % – что скорее возможно, чем нет, то при вторичном опросе в той же группе, данные распределились следующим образом: 77,8 % респондентов отметили, что теория игр может применяться в повседневной жизни, а 22,2 % отмечают, что скорее может, чем не может. Исходя из вышеуказанных данных, можно сделать вывод о том, что после ознакомления с основами теории игр, респонденты экспериментальной группы окончательно искоренили «неполноту знаний» о рассматриваемом феномене, что позволило им сформировать собственное мнение касательно поставленного вопроса. Однако также немаловажно, что на обоих этапах исследования, исследуемая группа подтверждает применимость теории игр в повседневной жизни.

Применимость теории игр в повседневной жизни респонденты объясняют следующим:

- возможно, при изучении и наличии интереса к применению теории;
- возможно, при подходящих условиях (возникновении определенных ситуаций);

- возможно, в целях решения определенных проблем и задач.

Стоит оговориться, что необходимость применение теории игр в повседневных коммуникациях отмечают 33,3 % опрошенных, в 45,8 % случаев считают, что применение теории игр скорее необходимо, чем нет и 4,2 % отмечают, что в применении теории игр нет необходимости. Еще 16,7 % затруднились с ответом. Однако по результатам вторичного опроса, вопрос о необходимости применения теории игр в повседневной жизни среди экспериментальной группы приобрел явно выраженную положительную динамику.

Приближаясь к подведению итогов исследования, следует отметить интересную закономерность: респондентам предлагалось оценить конкретные примеры на возможность применения теории игр в представленных ситуациях. Загвоздка заключалась в том, что все проблемы в представленных примерах могли решаться посредством теории игр. Распределение данных, по мнению респондентов, приобрело следующий вид: большинство считают, что теория игр однозначно может применяться в ситуациях: игры в мафию и необходимости выиграть, предсказания реакции потребителя на выпуск нового товара и выбора дороги домой с учетом пробок на коротком пути. Однако интересно, что применение теории игр в «подписании мирного договора на войне» посчитали невозможным почти 2/3 респондентов. Иными словами, изначальная задача создания теории игр на сегодняшний день оценивается респондентами как невозможная в применении в данной сфере. Подобное распределение данных может исходить из непопулярности применения теории игр в международных отношениях в политике России, как в начале ее появления, так и на сегодняшний день. Однако, если принимать во внимание непопулярность теории и следующую за этим неосведомленность респондентов, то более явной причиной становится особенность российской культуры, определяющей невозможность применения теории игр в сфере мировых отношений.

В заключение хотелось бы отметить, что цель исследования была достигнута: экспериментальным путем было доказано, что теория игр может применяться в реальной жизни. Гипотеза исследования полностью подтвердилась: было выявлено, что, по мнению респондентов, теория игр может применяться в повседневной жизни, однако, ее применение может столкнуться с определенными проблемами. Среди таких проблем респонденты называют:

- сложность освоения теории;
- трудность выявления проблемных ситуаций в повседневной жизни с целью ее анализа с точки зрения теории игр;
- неосознанности включения элементов теории игр в повседневные практики без ее целенаправленного изучения.

Данные проблемы не исключают возможности применения теории игр в повседневной жизни, но значительно усложняют данный процесс.

Литература:

1. *Николаева В.Г.* Разум, я и общество (главы из книги) В.Г. Николаева, Дж. Г. Мид. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 1997. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-041-dzh-g-mid-razum-ya-i-obschestvo-glavy-iz-knigi-g-h-mead-mind-self-and-society-chicago-1934-p-135-144-164-178-192-200> (дата обращения 18.10.2020).
2. *Хэйзинги И.* Homo ludens. Человек играющий. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
3. *Морено Я.* Психорама. Изд. : Психотерапия. 2008. 496 с.
4. *Глаголева К.С.* О роли игры в психическом развитии ребенка / К.С. Глаголева // Молодой ученый. 2017. № 4(138). С. 324-326.
5. Технология игрового общения // Поиск.ру. URL : <https://poisk-ru.ru/s39640t3.html> (дата обращения 14.10.2020).
6. *Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение / О. Моргенштерн, Дж. фон Нейман. М. : Книга по Требованию, 2015. 708 с.
7. *Кремлев А.Г.* Основные понятия теории игр : учебное пособие / А.Г. Кремлев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 144 с.

Literature:

1. *Nikolaev V.G.J.* Mead. Mind, me and society (chapters from the book) //Social and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 11, Sociology: Abstract Journal. 1997. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-041-dzh-g-mid-razum-ya-i-obschestvo-glavy-iz-knigi-g-h-mead-mind-self-and-society-chicago-1934-p-135-144-164-178-192-200> (date of application 18.10.2020).
2. *Hazings I.* Homo ludens. Man playing. SPb. : Publishing House of Ivan Limbach, 2011. 416 p.
3. *Moreno J.* Psychorama. Ed. : Psychotherapy. 2008. 496 p.
4. *Glagoleva K.S.* On the role of the game in the mental development of a child / K.S. Glagoleva // Young scientist. 2017. № 4(138). P. 324-326.
5. Game communication technology // Поиск.ру. URL : <https://poisk-ru.ru/s39640t3.html> (date of application 14.10.2020).
6. *Morgenstern O.* Game theory and economic behavior / O. Morgenstern, J. von Neumann. M. : Book on Demand, 2015. 708 p.
7. *Kremlev A.G.* Basic concepts of game theory : manual / A.G. Kremlion. Yekaterinburg : Publishing House of Ural University, 2016. 144 p.

Ковалева Светлана Викторовна
доктор философских наук,
доцент,
профессор кафедры
философии, культурологии
и социальных коммуникаций,
Костромской государственной
университет
sweta.lana1968@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ И ИСКУССТВО: ЕДИНСТВО СМЫСЛА И МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ

Аннотация. В истории литературы американский писатель Марк Твен известен, прежде всего, рассказом об увлекательных событиях из жизни Тома Сойера и Гекельберри Финна. Однако в творчестве писателя есть не менее увлекательное повествование, которое посвящено образному описанию смысла сложнейших философских систем, принадлежавших известным мыслителям прошлого. В статье рассматривается теория Я.Э. Голосовкера об онтологическом единстве философии и искусства, определенном созиданием и воплощением смысла в различных формах. На примере творчества М. Твена доказывается, что образность выражения, свойственная сфере искусства, столь же адекватно передает смысл повествования, как и любая философская система, оперирующая концептуальными понятиями.

Ключевые слова: смысл, образ, нравственность, разум, философия, искусство, страдание, счастье, иллюзия.

В истории литературы американский писатель Марк Твен известен, прежде всего, рассказом об увлекательных событиях из жизни Тома Сойера и Гекельберри Финна. Однако в творчестве писателя есть не менее увлекательное повествование, которое посвящено образному описанию смысла сложнейших философских систем, принадлежавших известным мыслителям прошлого. Можно сказать, что в романе «Таинственный незнакомец» М. Твену удалось практически реализовать теоретическую концепцию советского философа, филолога Я.Э. Голосовкера, утверждавшего, что философия и искусство непосредственно связаны между собой. Две сферы творческой мыследеятельности человека объединяет процесс создания концептуальной системы, основанной на постижении и воплощении смыслообразов.

Если в философии мыслители ориентированы на постижении смысла и воплощении его в понятийной структуре, которая, зачастую, бывает символической и требующей новых терминов, то в

Svetlana V. Kovaleva
Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Professor of the Department
Philosophy, Cultural Studies
and Social Communications,
Kostroma State University
sweta.lana1968@yandex.ru

PHILOSOPHY AND ART: UNITY OF MEANING AND THE VARIETY OF FORMS

Annotation. In the history of literature, the American writer Mark Twain is known, first of all, for the story of fascinating events in the life of Tom Sawyer and Heckelberry Finn. However, in the work of the writer there is no less fascinating narrative, which is devoted to a different description of the meaning of the most complex philosophical systems, belonging to famous thinkers of the past. The article deals with the theory of J.E. Golosovker about the ontological unity of philosophy and art, defined by the creation and embodiment of meaning in various forms. On the example of creativity of M. Twain it is proved that the figurativeness of expression, peculiar to the sphere of art, as adequately conveys the meaning of the narrative as any philosophical system operating with conceptual concepts.

Keywords: meaning, image, morality, mind, philosophy, art, suffering, happiness, illusion.

искусстве осуществляется создание образов как художественной формы текста, являющей смысл. «В то время как Имагинативный глаз (эстетический, художественный - С.К.) созерцает мир непосредственно, воплощая его суть в образы или идеи, – пишет Я.Э. Голосовкер, – и в них усматривает его смысл, рационалистический глаз (философский, научный – С.К.) созерцает мир через систему логических линз, которые переворачивают сначала созерцаемое ногами вверх и только после ставят это перевернутое изображение ногами вниз, т.е., снова его переворачивают, изъяв из него всю его реальность» [1, с. 153].

Другими словами, смыслообразы определяют содержание феномена понимания человека, который наряду с другими феноменами, такими как свобода, совесть, вера, судьба, характеризует его сущность. Согласно концепции Я.Э. Голосовкера, понимание не существует как некая субстанция, статичная и неизменная в своей истинности. Будучи потоком, понимание прони-

зывает всю ткань Вселенной, наполняя ее духовностью. Человек способен актуализировать понимание как феноменальную, уникальную способность только в творческом процессе имажинации (воображения), оперируя смыслообразами. Понимание не может существовать в форме статичного знания, которое всегда предметно и чувственно детерминировано. Только в процессе разумности мышления, характеризующегося имажинативной логикой, понимание высвечивает разные грани смыслообраза, согласовывая несочетаемое, противоречивое в своей сути.

Об этом, в частности, писал А.П. Каждан, исследователь творчества Я.Э. Голосовкера, утверждая, что «смыслообраз оказывается своего рода актом духовного упорядочения Вселенной... На этом в принципе строится все человеческое понимание и взаимопонимание в самых различных и нередко конфликтующих между собой формах – в мифологии, искусстве, религии, философии, науке. И сам мучительный дар понимания, – дар, строящийся на фиксировании и циркуляции смыслообразов, привносится человеком как некое особое, специфически человеческое качество в необъятную целостность Вселенной» [2, с. 11].

Вот такой смыслообразный характер носит роман Марка Твена «Таинственный незнакомец». Автор в образе Сатаны, через его диалог с главным героем передает смысл учений, раскрывая перед ним Вселенную, построенную на отвлеченных знаниях этих философских систем. На страницах романа встречается следующее размышление Сатаны о человеке и его судьбе:

«Люди не понимают, что любой их поступок, крупный или ничтожный, одинаково важен в их жизни... Конечно, практически человеку не дано уйти от поступка, который ему предназначен; этого никогда не бывает. Когда человеку кажется, будто он принимает решение, как ему поступить, так ли, иначе, то колебания эти входят звеном в ту же цепь, и решение его обусловлено. Человек не может порвать свою цепь» [3, VII]. Смысл цитаты отсылает нас к учению стоиков, которое возникает в III в. до н.э. Философы этого направления были убеждены в том, что в жизни человека всё predetermined, и если он совершает какое-то действие, поступок или же возникает только мысль об этом поступке, то так располагает его судьба, и каждый обязан подчиняться уготованной ему судьбе, ибо таков закон мироздания. Вспоминается известная фраза стоиков: «Кто согласен, того судьба ведёт, кто не согласен, того она тащит».

Как считают стоики, человек в своей сущности несвободен. Всё в мире подчинено Богу, пребывает в абсолютной гармонии и стройном порядке, и человеку, который является непосредственно частью этого мира, необходимо осознать, что свободой как таковой он не обладает. Это необходимо для того, чтобы быть беспристрастным, пребывать в состоянии апатии – а ведь именно человеческие страсти и сомнения при том или ином выборе, в чем, собственно, и проявляется свобода, являются главным источником несчастий. Конечно, удивительным может

считаться тот факт, что Бог у стоиков существует, – и они даже доказывают его существование, – Он премудр и есть Высший Разум, Который управляет миром. Философ-стоик Клеанф, по сути, впервые приводит «онтологическое доказательство» бытия Бога: «Если одна природа лучше другой, то существует и некая наилучшая... Следовательно, Бог существует» [4, IX, с. 88, 91]. Но человек, в отличие от других живых существ, наделен разумом, а свободой не обладает.

Отсутствие свободы, которая, согласно стоикам, не характеризует сущность человека, уравнивает его со всеми другими существами. Обладая разумом, человек может познавать мир, причем его познание, будучи рациональным, системным, существенно отличается от познания животных, которое является чувственным. Однако, познавая мир, в том числе, получая знание о добре и зле, субъект неизбежно будет пребывать в состоянии отчаяния, уныния. Не случайно, далее, на страницах романа Марк Твен пишет о пессимизме. Выражаясь словами Сатаны, который, собственно, и является неким таинственным незнакомцем, автор утверждает, что человек – это машина для страданий и радостей, как единая сложная система, которая включает в себя два механизма. Если один механизм зарегистрировал радость, то от второго обязательно следует ожидать боль и несчастье. «У большинства людей, – говорит Сатана, – жизнь строится так, что горя и радостей приходится поровну. Там, где такого равновесия нет, преобладает несчастье. Счастье – никогда» [3, VII].

Утверждения Сатаны, по сути, соответствуют философии пессимизма А. Шопенгауэра. По его словам из произведения «Мир как воля и представление», жизнь человека не обладает должной ценностью, и поэтому смысл жизни человека – это страдания, ведь совокупность страданий во много раз превышает совокупность получаемых от жизни наслаждений. Женщины приносят мужчинам радость и счастье, и именно потому они, в своей сущности, бесполезны, хотя А. Шопенгауэр относился к любви очень серьезно. Как утверждал философ, любовь господствует над жизнью, – это то, что движет человеком к продолжению рода и влияет на формирование следующего поколения. Из этого следует вывод о том, что полноценным счастьем человеку обладать не только невозможно, но и вовсе бессмысленно [5, § 39].

Единственный способ достичь счастья – это власть в безумие, потерять напрочь разум и утратить нравственное чувство, которое коренится в сердце каждого человека. Другими словами, человек может стать полностью счастливым только в том случае, если перестанет быть человеком, в сущности, и его жизнь в таком случае будет подобна жизни животных сообществ. Тогда, следовательно, человек будет в гармонии с природой, с животным миром, не причиняя ему вреда и не нарушая его целостность. Но эта точка зрения, очевидно, обманчива. Заметно, что Сатаной ложь возводится в систему. Ведь достигнуть полноценного счастья, тем самым, за-

ставить оба механизма сознания вырабатывать радость, игнорируя абсолютно при этом печаль, уныние и всякого рода страдание, вполне осуществимо для человека.

Одним из способов обретения такого счастья, как отмечает Шопенгауэр, – привносимым тем самым, как ни странно, в свой пессимизм определенную долю оптимизма и значительную долю истинности, – одним из способов является путь буддийских монахов, или путь мудрецов. Эти люди живут в одиночестве, дабы оградить себя от внешнего мира, они могли героическими усилиями преодолеть требования воли к жизни, обуздать свои желания и страсти (естественные внутренние стремления к корысти, сексу, славе) [5, § 63]. Разумеется, только небольшое количество представителей любого поколения, – признает Шопенгауэр, – станет жить так. Поэтому существует и второй способ – более доступный и реалистичный – это постижение искусства и философии. Хотелось бы отметить, что путь мудрецов или монахов, о котором говорит Шопенгауэр, по своей сути, очень схож с принципами стоицизма. Для стоиков возвышение над собственными страстями считается единственно верным путем избавления человека от всех несчастий и страданий. Но стоицизм предполагает отсутствие свободы человека, и именно на этом делается акцент, в то время как у Шопенгауэра совсем иные цели.

Удивительны размышления Сатаны о нравственности человека, именно этими размышлениями он делится с главным героем – молодым человеком, только вступающим в жизнь. Сатана говорит о том, что нравственное чувство не нужно человеку, более того, оно только его обличает, позорит, низводит до уровня самого низшего из одушевленных существ. Более того, это духовное чувство является источником всякого зла, совершения ужаснейших дел. А, вот, животные зла не знают, они никогда не будут жестокими: если они же и причиняют кому-то боль, то делают это неосознанно, потому что у них нет свободы, нет нравственного чувства. Но перед человеком стоит выбор поступить хорошо или плохо. И в девяти из десяти случаев, как говорит Сатана, человек обязательно поступит плохо. В этом есть проявление противоречивости и нелогичности человека.

Не трудно догадаться, что причина нелогичного решения человека заключается в том, что поступить плохо легче, чем сделать добро. Это обуславливается разными обстоятельствами: например, добрый поступок может не соответствовать моральным принципам, мнению общества, возникает страх перед выбором, страх последствий, которые могут нанести безусловный ущерб социальному статусу человека; или же, сделав добро, совсем не заработаешь денег, на то оно и добро – когда поступаешь не из корыстных целей, а из любви, – а люди, как известно, непрерывно стремятся к собственному обогащению, притом нередко предавая других ради подобных целей, предвзято относя друг к другу. Поступая нравственно, человек обрекает себя на мучения и страдания, в то время как душа чело-

века пребывает в состоянии так называемого возвышения.

Пессимизм А. Шопенгауэра имеет смысл, только, если считать, что именно по этой причине страдания являются смыслом человеческой жизни. Хотя, возможно, это лишь одно из объяснений его теории, помимо воли к жизни. Марк Твен, затрагивая вопрос о нравственном чувстве, тем самым, давая ясность, что свобода как такова человеку не нужна также, как и само нравственное чувство, полагает, что высшие животные гораздо лучше человека в нравственном отношении, и человек, который носит характер существа, наделенного разумом, попросту не достоин такого звания. «Когда зверь причиняет кому-либо боль, – пишет М. Твен, – он делает это без умысла, он не творит зла, зло для него попросту не существует. Он никогда не причинит никому боли, чтобы получить от того удовольствия; так поступает только один человек» [3, V].

Вспоминается известная фраза Ф. Ницше о критике материализма: «Человек – не ставшее животное [6]. И здесь М. Твен и Ф. Ницше приходят к единому умозаключению. Человек также может совершать абсолютно любые поступки, идущие во вред не только другим людям, но и самому себе. К примеру, животные никогда бы не стали убивать себя ради получения определенного рода удовольствия, как делаем это мы – люди, когда употребляем алкоголь, наркотики, энергетические напитки. Инстинкты, по которым живут существа, единые с природой, в данном случае играют роль более значимую, чем свобода человека, которая может быть направлена во зло.

И последнее философское учение, которое можно найти на страницах повести, отсылает нас к Д. Беркли, британскому философу и епископу. А точнее, к его солипсизму – отрицанию объективной реальности и признанию существования только своей души, собственного Я. Более того, Д. Беркли считал, что мы находимся внутри мышления огромного существа, который выражен в форме Вселенной, и живем только как его мысли [7, § 146-149]. М. Твен утверждает, что человек – это мысль, но только существует она посреди бесконечной пустоты. «Нет ничего, кроме пустоты и тебя. Но ты – это тоже не ты. Нет ни тела твоего, ни крови твоей, нет костей твоих – есть только мысль» [3, XI].

Говоря о солипсизме, хотелось бы отметить один интереснейший момент. М. Твен в своем произведении выразил очень глубокую, но, к сожалению, очень не прозрачную мысль. Сатана говорит главному герою, что человек является не просто мыслью, существующей в бескрайней пустоте, всё в этом мире – это не что иное, как сон: «Бог, человек, вселенная, солнце, россыпи звезд – все это сон, только сон» [3, XI]. И более того, и сам Сатана является сном, рожденным человеческой мыслью. Из этого можно сделать вывод о том, что человек сам выбирает, во что ему верить и чему следовать. Добру или злу. И для того, чтобы оградить человека от недобрых мыслей и плохих поступков, оградить себя от Сатаны, существует любовь. Любовь – это то,

что ограничивает человека от зла. К сожалению, произведение М. Твена заканчивается, прямо скажем, трагично. Об этом свидетельствуют последние слова Сатаны: «Сейчас ты останешься один навсегда в необъятном пространстве и будешь бродить по его бескрайним пустыням без товарища, без друга, потому что ты только мысль, единственная на свете; и никому не дано ни изгнать эту одинокую мысль, ни истребить ее. А я лишь покорный слуга твой, я дал тебе силу познать себя, дал обрести свободу. Пусть тебе снятся теперь иные, лучшие сны» [3, XI].

Главный герой по-настоящему не любил и не совершал добрых поступков, не ценил дружбу своих единомышленников, и именно поэтому к нему явился Сатана, проник в его сознание. И, все-таки, одна позитивная, действительно хорошая и верная мысль присутствует у М. Твена в

Литература:

1. *Голосовкер Я.Э.* Имагинативный Абсолют / Я.Э. Голосовкер *Логика мифа.* М., 1987. С. 114-165.
2. *Каждан А.П.* Памяти Якова Эммануиловича Голосовкера (1890-1967) / А.П. Каждан. *Логика мифа.* М., 1987. С. 186.
3. *Марк Твен.* Таинственный незнакомец / Марк Твен; Пер. с англ. Старцев Абель, издание 1898. URL : https://www.e-reading.club/bookreader.php/56048/Tven_-_Tainstvennyii_neznakomec.html
4. *Секст Эмпирик.* Книга против астрологов / Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах / Секст Эмпирик; Под. ред. А.Ф. Лосева; Пер. с древнегреч.; Комментарии Д. Куталёва. М. : Мысль, 1976. Т. 2.
5. *Артур Шопенгауэр.* Мир как воля и представление / Артур Шопенгауэр; Пер. с нем. Ю.И. Айхенвальд. Изд. 1817. 1903. URL : http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml
6. *Фридрих Ницше.* О критике материализма. 1882.
7. *Джордж Беркли.* Трактат о принципах человеческого знания / Джордж Беркли; Пер. с англ. Дебольской. СПб, 1905. URL : http://kharzarzar.skeptik.net/books/berkeley1.htm#_ftn5

«Таинственном незнакомце». Это фраза - «Пусть тебе снятся теперь иные, лучшие сны» [3, XI].

Таким образом, в произведении М. Твена образно зашифрованы различные философские учения, существовавшие в истории развития творческой мыслительности человечества. Безусловно, в рамках статьи невозможно передать смысл всех концепций, образно представленных М. Твеном. Но это и не входило в исследовательские задачи нашего обзора. Главное, о чем хотелось бы сказать, заключается в том, что любой человек, будучи творцом в своей сущности, способен уникально раскрыть, выразить и передать другим людям, последующим поколениям то, что лично для себя считает значимым и ценным.

Literature:

1. *Golosovker Ya.E.* Imaginative Absolute / Ya.E. Golosovker *Logika mifa.* M., 1987. P. 114-165.
2. *Kazhdan A.P.* In memory of Yakov Emmanuilovich Golosovker (1890-1967) / A.P. Kazhdan. *Logic of Myth.* M., 1987. P. 186.
3. *Mark Twain.* Mysterious Stranger/Mark Twain; Translation from English by Startsev Abel, 1898 edition. URL : https://www.e-reading.club/bookreader.php/56048/Tven_-_Tainstvennyii_neznakomec.html
4. *Sextus Empiricus.* Book against Astrologers / Sextus Empiricus. Works in two vol. / Sextus Empiricus; Ed. A.F. Losev; Translation from ancient Greek; Comments by D. Kutalev. M. : Mysl, 1976 Vol. 2.
5. *Arthur Schopenhauer.* Peace as Will and Representation/Arthur Schopenhauer; Translation from German by Yu.I. Eichenwald. Edition 1817. 1903. URL : http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml
6. *Friedrich Nietzsche.* On the critique of materialism. 1882.
7. *George Berkeley.* Treatise on the Principles of Human Knowledge/George Berkeley; Per. from English Deboldskaya. SPb., 1905. URL : http://kharzarzar.skeptik.net/books/berkeley1.htm#_ftn5

Кочубей Игорь Валерьевич
 профессор,
 HC SD American Concert Alliance
 i_valeryev@mail.ru

РАЗГРОМ КАРМАТОВ И СМЕРТЬ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАСРА ИБН АХМЕДА...

■ ■ ■

Аннотация. С позиций общенаучного метода «Rem parvulam cognoscere», разрабатываемого автором настоящей статьи, – описывается разгром заговорщиков, умышлявших на жизнь эмира Саманидского государства Насра II ибн Ахмеда (914–943) и на царствование Саманидской династии. Заговор был составлен представителями духовенства и гулямской гвардии. Основным историческим письменным источником автору статьи послужило сочинение «Сийасат-намэ йа сийар ал-мулук» везира Низама ал-Мулка (1018 или 1019/1020–1092). Говорится о разгроме карматского движения в Мавераннахре и Хорасане. В статье ставится вопрос об обстоятельствах, при которых наступила смерть бывшего эмира Насра ибн Ахмеда, а также смерть многих видных деятелей эпохи названного эмира.

Ключевые слова: Насра II ибн Ахмед, Нух I ибн Наср, Саманидская династия, транзит власти, духовенство исламское (суннитское), гулямская гвардия, заговор, карматское движение, разгром, гибель.

■ ■ ■

В Саманидском государстве были две силы, которые оказывали мощнейшее влияние на всё; такие, которые служили столпами для официальной религии Саманидов – суннитского ислама; такие, которые ориентировались всецело проаббасидски. Две эти силы были – исламское духовенство и тюркская гвардия. Пропаганда карматских идей не оказала на них влияния. Поэтому неудивительно, что тяготение правителя к союзу с Фатимидами на фоне крепнущего движения карматов имело своим следствием яростное противодействие со стороны духовенства и военных...

Ненависть по отношению к карматам находила себе пищу еще и в действиях их бахрейнских «соратников». В 930 году Абу Тахир-кармат (умер в 944 году) во главе 600 всадников и 900 пеших воинов ворвался в Мекку (в месяц паломничества), грабил и убивал мусульман (погибло свыше 30000 человек). В довершение всего, Абу Тахир похитил и вывез из Мекки Черный камень и другие священные предметы мусульманской религии. Расправы над паломниками этот военачальник устраивал ежегодно – вплоть до самой его смерти. Сообщения о действиях Абу Тахира, достигавшие Мавераннахра, вызывали самую страстную ненависть по отношению к карматам... И вот лидеры духовенства

Igor V. Kochubey
 Professor,
 HC SD American Concert Alliance
 i_valeryev@mail.ru

THE DEFEAT OF THE KARMATS AND THE DEATH OF HIS MAJESTY NASR IBN AHMED...

■ ■ ■

Annotation. From the point of view of the general scientific method «Rem parvulam cognoscere», developed by the author of this article, the defeat of the conspirators who conceived the life of the emir of the Samanid state Nasr II ibn Ahmed (914–943) and the tsar-reign of the Samanid dynasty is described. The conspiracy was drawn up by representatives of the clergy and the Gulyam-Ska Guard. The main historical source of the article was the composition «Siyasat-name ya siyar al-muluk» by Wesir Nizam al-Mulk (1018 or 1019/1020–1092). Go-talk about the defeat of the Karmatian movement in Mava Rannahra and Khorasan. The article raises the question of the circumstances under which the death of the former emir Nasr ibn Ahmed occurred, as well as the death of many prominent figures of the era of the named emir.

Keywords: Nasra II ibn Ahmed, Nuh I ibn Nasr, Samanid dynasty, transit of power, Islamic (Sunni) clergy, Gulam guard, conspiracy, Karmatian movement, defeat, death.

■ ■ ■

и тюркской гвардии решили воспользоваться настроениями в обществе в своих собственных целях.

Достаточно подробным повествованием о заговоре (и, важно, о его конце) против карматов, который был составлен представителями духовенства и гулямской гвардией и который был направлен также против саманидского эмира Насра II ибн Ахмеда (أبو الحسن نصر بن أحمد, годы правления в качестве эмира 914-943) и Саманидской династии – мы обязаны выдающемуся деятелю исламского средневекового Востока, знаменитому везиру Низаму ал-Мулку (نظام الملك, годы жизни 1018 или 1019/1020-1092). Целями заговорщиков были истребить всех карматов, свергнуть Насра ибн Ахмеда и прекратить правление Саманидов. Однако случилось так, что кто-то из заговорщиков сообщил о готовящемся перевороте Нуху I ибн Насру (نوح بن نصر, годы правления в качестве эмира 943-954), и тот совместно с его отцом разработал план сохранения власти Саманидов. Вначале отец и сын обманом завлекли к себе «главарей» заговора и казнили их, а затем сами явились в собрание заговорщиков (см., например,

книгу [3, с. 161-165]). О том, что произошло дальше, – слово везиру ал-Мулку: «Вельможи поглядели и увидели государя с сыном, которые проходили через ворота дворца. Все встали и приветствовали. Никто не понимал, что произошло. «Должно быть, – говорили, – государю припала охота посетить это угощение». Наср, сын Ахмеда, пошел и сел на свое место. Сзади него выстроились оруженосцы, а Нух встал по правую руку отца. Царь сказал:

– Присаживайтесь, ешьте свой хлеб.

Когда они покончили с этим, Наср сказал:

– Мне стало известно о том, что вы замыслили против меня, вы хотели убить меня. Ваши сердца прониклись недобрым чувством ко мне, мое сердце ожесточилось против вас. Ваши сердца ожесточились потому, что я сошел с пути сунны, что ступил на путь плохой веры? Есть ли изъян в Нухе, моем сыне?

– Нет, – ответили ему.

– Я назначаю его своим преемником, – сказал Наср, – теперь он ваш государь. Прав ли я был или согрешил, отныне я буду замаливать свои грехи и каяться. А тот, кто подговаривал вас к заговору, получил по заслугам.

По приказанию Насра голову сипехсалара вытащили из мешка и бросили перед ними. Потом он сошел с престола, сел на молитвенный коврик. Нух взошел на престол и сел на место отца. Вожди войска, слыша и видя все это, пребывали в изумлении и не смогли ни слова вымолвить в свое оправдание. Они все разом заявили:

– Это была вина сипехсалара, мы – рабы и исполнители воли твоей.

Нух на это сказал:

– Я во всех смыслах Нух, а не Наср. То, что случилось, случилось. Я исполнил ваши желания.

Потом он повелел принести оковы, заковать отца, отправить его в цитадель и заточить там. А потом он обратился к ним:

– А теперь вставайте, мы отправимся пиршествовать.

Когда они сели за пиршественный стол и каждый испил по три чаши вина, Нух сказал:

– Вы условились выпить по три чаши вина, а потом разобрать всю царскую пиршественную утварь и разделить между собой. Пусть каждый из вас заберет себе по три предмета утвари, так, чтобы всем хватило.

Все они взяли и положили в свои сумки, поставили печати и вручили доверенному человеку. Тогда Нух сказал:

– Сипехсалар задумал против нас зло и получил по заслугам. Отец мой сошел с пути сунны и

получил свое. Вы условливались после пиршества двинуться в поход против неверных в Баласагун на священную войну. Но вот перед нашими домами стоит священная война против неверных. Так займемся же священной войной. Всех, кто в Мавераннахре и Хорасане обратился в ересь и ступил на путь, на который ступил мой отец, убивайте и забирайте себе их имущество. Я отдаю вам все то золото и серебро, что было на пиршестве у отца, отдаю все то, что есть в казне. Имущество батинитов достойно только ограбления. Когда мы покончим с этим, то все двинемся против кафиров (здесь: тюрок. – И. В. К.). Немедленно приведите Мухаммеда Нахшаби, последователей его и последователей моего отца» [3, с. 165-166] (перевод всего цитированного отрывка с персидского языка выполнен, по-видимому, академиком А.М. Мирзоевым [4]).

Вот как заканчивается это место у цитируемого средневекового автора: «Потом отрубили головы Хасану, Микдаду, Мансуру Чагани и нескольким военачальникам, которые обратились в батинитство. Они стали рыскать по городам и убивать всех, кого находили из их числа. В тот же день послали военачальника с отрядом с приказом перейти Джейхун, войти в Мерверруд, схватить сына Саваде и убить его. Потом всем воинам приказали обнажить мечи и убивать каждого, кто последовал этой ереси из подданных и воинов. Они в течение семи дней и ночей кружили по Бухаре и ее окрестностям, убивали и грабили. Кончилось тем, что в Мавераннахре и Хорасане не осталось ни одного их сторонника» [3, с. 167].

Итак, из обильно цитированного нами сообщения Низама ал-Мулка видно, что ради сохранения власти за Саманидами Нух I ибн Наср выполнил все требования обеих «партий» (и духовенства, и гвардии). С их помощью он расправился с карматами и вообще со всеми сторонниками Фатимидов.

В одном сочинении (обнаруженном В. Жуковским) сообщается, что из-за распространения и усиления «ересей» в Мавераннахре – при саманидском дворе собрали факихов и других ученых из Самарканда, Бухары, Мавераннахра, а некоему Хадже Абулкасиму Самарканди поручили составить трактат об основах сунны и жизни мусульманской общины. Скорее всего, эти меры как-то коррелируют с гонениями на карматов. Покончив с карматами, «официальное» суннитское духовенство направило свою нетерпимость на другие течения в Исламе. Такое предположение позволительно сделать, если отталкиваться от того факта, что понадобилось срочно перевести упомянутый только что труд Хаджи Абулкасима Самарканди на парсии дари (кстати, за этим почти тут же последовал перевод «Тафсири Табари»).

И еще один факт обратил на себя внимание автора статьи: в 937-942 годах многие весьма заметные деятели... исчезают, и причины этого неизвестны.

Именно в указанный интервал времени умерли Абулфазл М. Бал'ами (ابو الفضل محمد بن عبيد الله بلعمي), Джейхани второй (ابو علي محمد جيهاني), Абу Абдаллах Рудаки (ابو عبد الله جعفر بن محمد رودكي). Абу Таййиб Мус'аби, – и обстоятельства их ухода из жизни темны. Так, Абу Мансур А. Са'алиби заканчивает сообщение сведений об Абу Таййибе Мус'аби туманно, но трудно отделаться от впечатления, что при этом как будто и прозвучно: «Он пострадал от сглаза, окропил землю своей кровью» (приводится в «Йатимат ад-дахр» Абу Мансура Са'алиби). Абулфазл М. Бал'ами был смещен со своего поста в 937-938 годах и умер, согласно сообщению Абу Саида А. Сам'ани Марвази, в 940 году; обстоятельства его смерти загадочны (по мнению академика А.М. Мирзоева, весьма вероятно, что смерть бывшего везира отнюдь не была естественной).

Видный иранский литературовед и историк, писатель и поэт, переводчик профессор Саид Нафиси, обдумав все эти сведения, пришел к следующему заключению: «Установлено, что несколько выдающихся мужей саманидского двора, которые занимали различные посты, исчезли между 326 и 331 г. Это может служить доказательством того, что избиение и преследование карматов происходили именно в эти годы, что разгар их приходился на 329 год [...]» (см. в издании [5, с. 584]).

Иранскому ученому вторит таджикский исследователь академик А.М. Мирзоев: «И действительно, смерть этих деятелей невозможно представить вне связи с описанными событиями. Если Наср ибн Ахмед принимал у себя карматов – сторонников Фатимидов, то, естественно, при этом присутствовали наиболее приближенные люди, которые, несомненно, не могли не пострадать при гонениях на карматов. Согласно сведениям некоторых источников, Наср ибн Ахмед еще до своей кончины расстался со многими своими приближенными. Ибн ал-Асир, повествуя о событиях 331 г., пишет, что смерть наступила Насра ибн Ахмеда внезапно, что при этом никого из его приближенных не было, так как одни из них покинули его, другие были убиты, а третьи уже скончались. Гардизи в своем сочинении, указав на это обстоятельство, пишет, что Абу Таййиб Мус'аби восстал и произошли беспорядки. Сведения обоих источников подтверждают высказанные нами соображения. Отсюда очевидно, что избиение и преследование карматов начались за несколько лет до смерти эмира Насра, и что одной из причин исчезновения влиятельных деятелей саманидского двора были именно эти события» [4].

Естественную же смерть самого Насра ибн Ахмеда профессор, академик Саид Нафиси полагает «маловероятною»: «Скорее всего, похоже на то, что он погиб в результате этих событий» [5, с. 584].

Наиболее известные фатимидские пропагандисты – Абу Йа'куб Исхак ибн Ахмед Сагзи и Абу Абдаллах Мухаммед ибн Ахмед Нахшаби – были убиты в Бухаре в 942 году; Наср ибн Ахмед скончался в следующем году. Смерти саманидского правителя – покровителя карматов – и двух самых выдающихся деятелей этого движения почти в одно и то же время представляются довольно подозрительными...

Подводя итог, можно прийти к заключению: вероятно, смерть самого Насра II ибн Ахмеда связана с описанными выше событиями (разгромом карматского движения).

* * *

Деление на культурное и природное – для понимающего человека есть явным образом деление условное... Если человек – в определенном смысле – принадлежит природе, можно ли сказать, что этика, сострадание и тому подобные «высшие материи», «умствования» так же относятся к «феноменам природы»?

Властвование одного человека над другим демонстрирует нам довольно широкий спектр образцов отправления этой власти; власть одного человека над многими, над массами – то есть, грубо говоря, власть политическая почти всегда (а может быть и всегда) столь же далека от этичного, как и низшая природа; и политика – все эти «надстроечные» феномены – «парадоксальные» смыкаются с низшей природой...

Целесообразность и скрытые страсти (быть может, последние даже *фундируют* политическую целесообразность?) – вот истинные божества политики; а пред ними – так умалена, так ничтожна ценность группы!.. не говоря уже о ценности жизни отдельного человечка – «единицы», «винтика», «щепки», которые «летят» при «рубке леса»...

Такое субъект-объектное отношение хорошо коррелирует с практиками (более или менее массовых) репрессий. Так, например, великий политический субъект, циньский император Цинь Ши Хуан-ди (годы жизни 258 до н.э. – 210 до н.э.), имея цель пресечь конфуцианскую традицию в культуре, – счел целесообразным погresti заживо 460 ученых-конфуцианцев (см. монографическое исследование руководителя Китайского отдела Британской библиотеки Фрэнсис Вуд [6, р. 2-33]).

Как представляется, это было обдуманное решение государя, далеко отстоящим от аффективного (см. также [7, с. 6]).

Кратчайшие биографические сведения о некоторых упомянутых лицах:

Низам ал-Мулк [Абу Али аль-Хасан ибн Али ибн Исхак ат-Туси, получивший известность под арабским титулом «Порядок Царства» (نظام الملک), годы жизни 1018 или 1019/1020-1092] – персидский государственный деятель на службе у сельджукских султанов.

Мирзоев Абдулгани Мухаммадович (годы жизни 1908-1976) – видный таджикский советский литературовед. Действительный член Академии наук Таджикской Советской Социалистической Республики (с 1957 года), Заслуженный деятель науки Таджикской ССР (с 1959 года). Преподавал таджикскую литературу в Таджикском государственном университете. Руководил каталогизацией фонда восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР. Автор нескольких монографий, более полтора сотен публикаций по истории таджикской литературы и работ по общим вопросам классического наследия, истории таджикских советских поэзии и фольклора.

Нафиси Саид (годы жизни 1895-1966). Профессор персидской литературы в Тегеранском уни-

верситете (с 1934 года); член Иранской Академии литературы и языка (с 1935 года). Стоял у истоков создания и был одним из руководителей Иранского общества культурных связей с СССР (1943 год). Написал около 2000 работ по вопросам литературы и истории народов Ирана, Центральной Азии, Индии, «Историю Бахрейна», «Социально-политическую историю современного Ирана», работы по лексикографии, по западноевропейским и русской литературам. Переводил с восточных и европейских языков научную и художественную литературу. С. Нафиси – один из любимых иранских авторов (впрочем, немалочисленных) автора статьи. Перу С. Нафиси принадлежат романы «Фарангис» и «На полпути в рай».

Литература:

1. *Кочубей И.В.* Cognoscere – rem parvulam : (на подступах к новому методу работы с историческими источниками) / И.В. Кочубей // Семиотика культуры & искусства : материалы Четвертой Международной научно-практической конференции «Семиотика культуры и искусства» (Краснодар, 26 ноября 2006 г.) = Semiotics of Culture & Art: Proceedings of the Fourth International Conference «Semiotics of Culture and Art» (Krasnodar, November 26, 2006) / Редакторы-сост. П.С. Волкова и И.В. Кочубей; Под общ. ред. И.И. Горловой. Краснодар : Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2007. С. 17-23.
2. *Кочубей И.В.* К обоснованию нового научного метода / И.В. Кочубей // Социально-гуманитарные знания. М., 2008. № 1. С. 313-318.
3. *Низам ал-Мулк.* Сийасат-намэ йа сийар ал-мулук. Тегеран, 1315 (год выпуска указан по Солнечной хиджре; = 1936). С. 161-167. Издание на персидском языке, вышедшее в правление Его величества Реза Пехлеви.
4. Библиотека // Архив И.В. Кочубея.
5. *Нафиси С.* (Комментарий) // Та'рих-и Бейхаки. Т. II. С. 584. Издание на персидском языке.
6. *Wood F.* China's First Emperor and His Terracotta Warriors. New-York (The State of New-York) : St. Martin's Press, 2008. P. 2-33.
7. *Кочубей И.В.* Homo ante Aulaeum: как умирали знаменитые; *Волкова П.С.* Смерть как социокультурный феномен : монография / П.С. Волкова; М-во культуры Рос. Фед., ФГБОУ ВО «Сарат. гос. консерватория им. Л.В. Собинова», Центр комплекс. художеств. исслед. Саратов : [СГК им. Л.В. Собинова], 2019. Приложение. С. 93-126, [1] цв. вклеек, [2] - [4] чер.-белых вклеек.

Literature:

1. *Kochubey I.V.* Cognoscere – rem parvulam : (on the approaches to a new method of working with historical sources) / I.V. Kochubey // Semiotics of culture and art : materials of the Fourth International Scientific and Practical Conference «Semiotics of Culture and Art» (Krasnodar, November 26, 2006) – Semiotics of Culture and Art: Proceedings of the Fourth International Conference «Semiotics of Culture and Art» (Krasnodar, November 26, 2006) / Editors-Sosta. P.S. Volkova and I.V. Kochubey; edited by I.I. Gorlov. Krasnodar : Krasnodar State University of Culture and Arts, 2007. P. 17-23.
2. *Kochubey I.V.* K the justification of the new scientific method / I.V. Kochubey // Социально-гуманитарные знания. М., 2008. № 1. P. 313-318.
3. *Nizam al-Mulk.* Siasat-name ia siyar al-muluk. – Tehran, 1315 (the year of release is listed on the Solar Hijri; P. 161-167. The Persian edition, which was published by His Majesty Reza Pahlavi.
4. Library // archive of I.V. Kochubey.
5. *Nafisi S.* (Comment) / Ta'rih-i Beihaki. Vol. II. P. 584. The publication is in Persian.
6. *Wood F.* China's First Emperor and His Terracotta Warriors. New-York (The State of New-York): St. Martin's Press, 2008. P. 2-33.
7. *Kochubey I.V.* Homo ante Aulaeum: how famous people died; *Volkova P.S.* Death as a sociocultural phenomenon : monograph / M-vo culture Ros. Fed., FSBOU V Sarat. L.V. Sobinova Conservatory, Center Complex. Arts. Research. Saratov : «SGK by L.V. Sobinova», 2019. The app. P. 93-126, stickers, and black-and-white stickers [1] colored glues, [2] - [4] black and white glues.

Круглик Наталья Владимировна
кандидат культурологии,
доцент кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
kalt666@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ВЛАСТИ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ

Аннотация. Правящая элита – это самостоятельная социальная группа, которая имеет собственный корпоративный интерес и корпоративное сознание. Ее политико-культурные свойства субъективны, они могут быть представлены широким набором ценностей, норм, стереотипов, предрассудков и традиций, связанных с реализацией власти. И главной среди них, определяющей систему мировоззренческих и ролевых представлений правящей элиты, является сама власть. Культура власти российской элиты исторически сориентирована на приоритетное использование именно политических регуляторов властных отношений, независимо от них легализованности и опосредованности законом.

Ключевые слова: правящая элита, культура власти, политическая культура, корпоративизм, система ценностей, манипуляция, прагматизм, социальное представительство.

Правящая элита – это самостоятельная социальная группа, которая имеет собственный корпоративный интерес и корпоративное сознание, а ее политико-культурные свойства субъективны, они могут быть представлены широким набором ценностей, норм, стереотипов, предрассудков и традиций, связанных с реализацией власти, и главной среди них, определяющей систему мировоззренческих и ролевых представлений правящей элиты, является сама власть.

Такая культурная ориентация на ценности власти совсем необязательно приводит к отклонениям в реализации элитой властных полномочий, но на практике, зачастую, стремление к власти значительно ограничивает их профессиональную и психологическую ориентацию на общесоциальные потребности и настроения. Так, в России элита, обладающая излишками ресурсов, по причине такой ориентации, расположена растрачивать их на потребление, а не на инвестирование, к тому же, в собственных интересах, а не в государственных. Правящая элита, переживающая кризис в духовной сфере, стремится любыми способами добиться материального благосостояния, что, в итоге, приводит к попу-

Natalia V. Kruglik
Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor of the Department
of Sociology, Jurisprudence
and Work With Personnel,
Kuban State Technological University
kalt666@rambler.ru

FEATURES OF THE FORMATION OF THE CULTURE OF POWER OF THE RULING ELITE

Annotation. The ruling elite is an independent social group that has its own corporate interest and corporate consciousness. Its political and cultural properties are subjective, they can be represented by a wide range of values, norms, stereotypes, prejudices and traditions associated with the implementation of power, and the main one among them, which determines the system of worldview and role representations of the ruling elite, is the power itself. The culture of power of the Russian elite has historically focused on the priority use of political regulators of power relations, regardless of their legalization and mediation by law.

Keywords: ruling elite, power culture, political culture, corporatism, value system, manipulation, pragmatism, social representation.

листской политике и манипулированию общественным мнением, провоцируя дезинтеграционные социальные процессы и снижая возможности согласованного с обществом применения механизмов власти. Более значительными последствиями такой культурной ориентации является сложившееся отношение элитарных слоев к политике, праву, морали как к частным и самодостаточным средствам завоевания, удержания и использования лидирующих позиций. Культура власти российской элиты исторически сориентирована на приоритетное использование именно политических регуляторов властных отношений, независимо от их легализованности и опосредованности законом.

Система права в отечественной политике воспринимается элитой скорее как формальный и незначительный фактор ограничения и регулирования. Политика опирается на превышение законодательных полномочий ее авторами или институтами, и это обуславливается и подкрепляется морально-этической ответственностью элит перед обществом, в целом, и его отдельными группами. Однако политическими методами элита должна пользоваться только при контроле наиболее значимых общественных процессов, то

есть, не все социальное пространство, а лишь самые проблемные его зоны и конфликты, которые влияют на изменение соотношения сил, участвующих в отправлении власти.

Система правового регулирования должна быть направлена на регулирование всего социального поля без выделения приоритетов, здесь ничего не значит групповая солидарность, корпоративные связи, статусные интересы, авторитеты, локальные ценности, реальное влияние того или иного субъекта на власти. Она редко действует в режиме предупреждения субъектов, опираясь на систему санкций.

Таким образом, политика устанавливает приоритеты общественного развития, а право формирует и легализует их. Подобное в действие позволяет предотвратить в обществе установление очень жестких правил политической игры, и спонтанный пересмотр основ режима правления. Постоянное пренебрежение этим принципом приводит к структурному упрощению культурных установок правящей элиты.

Принятие в России механизмов законодательного регулирования, из-за их практической неэффективности, не смогло обеспечить межэлитного согласия и вытеснить радикальных противников демократии; при этом в стране сохранялась каста неприкасаемых для закона людей. Многие аспекты ответственности правящей верхушки перед гражданами не получили правового оформления.

Таким образом, в России властные отношения, большей частью, остались областью формального права, утратив правовые представления и ценности, а, следовательно, и должную нравственную опору, отечественная властная элита приобрела оправдание своей культурной самодостаточности вместе с полной автономией элитарной этики от преобладающих в обществе норм морали. Все это обусловило возвышение корпоративных норм и ценностей элиты над общесоциальными установками.

Российские правящие круги так и не преодолели принципов корпоративного сознания, ориентирующихся на частные интересы и, следовательно, преимущественно, на политические методы их реализации. Среди отечественной элиты установился приоритет корпоративных интересов и предпочтение интуитивных и прецедентных мотивов принятия решений. Таким образом, взамен ответственности, компетенции и самоограничение элита демонстрирует совершенно иные установки: безответственность, уклонения от исполнения законов, силовые приемы управления. Однако отсутствие ценностно-правовых ориентаций обусловлено не только профессиональной деятельностью элиты, но и ментальной традицией.

Особенность массового политического сознания в России характеризуется, прежде всего, тем, что оно носит патриархальный характер. В политической жизни нашей страны, как в официальной среде, так и теневой, власть личности фак-

тически подменяет безличные институты властвования, а межличностные связи – элементарные управленческие отношения. В современных реалиях, когда далеко не все политики имеют прочную социальную базу в народе, политическое влияние определяется его способностью к аппаратной интриге и места в окружении властного лица. Все это осуществляется характерным для России расколом нации, несущим в себе взаимное непонимание и боязнь, поскольку элита и народ остаются непредсказуемыми друг для друга. Следствием этого являлся жестокий характер бунтов против власти и, зачастую, «судорожный» характер российских реформ.

Преобладающим чувством в отношении народа к власти всегда было недоверие. Этот эффект увеличивается за счет практики закрепления в структуре власти двойных стандартов ответственности, на это же направлен и традиционно характерный для нашей элиты византийский стиль управления (направленный на полутеневые и теневые способы принятия решений и закулисный подбор кадров). Все это институализирует попечительскую власть в системе управления, которая «оказывала покровительство подданным в обмен на их преданность и покорность, соединяя людей личными узами верности. Эта власть представляет собой разновидности патерналистского господства и подчинения, т.к. формально была неограниченна правовыми обязанностями перед ними» [1]. Это, одновременно, приводит к тому, что граждане, с одной стороны, опасаются государства, а с другой – обворовывают его.

Сейчас в политическом поле власти существуют модели «непрозрачного управления», «государственного предпринимательства», «национал-унитаризма» и другие способы формирования политических практик. Ценностные приоритеты и сложившиеся стандарты профессионального проведения управляющих изменили уже изнутри всю систему государственного управления на цели, несовместимые ни с нормами рационализации властных и управленческих отношений, ни с подлинными интересами гражданского общества.

Смысл существования любой правящей элиты заключается в сохранении себя как таковой и укреплении своих властных позиций. В соответствии с принципами демократии и гласности, управляющая верхушка должна работать открыто. Но, как оказалось, принцип гласности применим далеко не ко всем вопросам и подчинен интересам правящего класса. Политические лозунги используются, зачастую, как инструмент сокрытия принимаемых решений. Конечно, политика часто требует хитрых ходов, которые, до определенного времени, нельзя обнародовать, но в такой ситуации возникает главный вопрос: В чьих интересах реализуется то или иное политическое решение: в интересах общества или элиты?

В современной России преобладает тип политического поведения элиты. Одним из его характерных черт является особый интерес управля-

ющих к своему экономическому положению, тому, что дает ощущение власти над людьми, влияния. Привилегии, конечно, процветали всегда, но в отдельные периоды они, все же, были строго регламентированы. Сейчас ситуация иная: с одной стороны, расходы на содержание нового аппарата выросли и продолжают расти, а, с другой стороны, рынок оказался механизмом, который открыл неиссякаемые возможности для личного обогащения государственных чиновников, для использования своего служебного положения в личных целях. Правящая элита «разрешила себе» совмещать несовместимые в цивилизованном мире роли – профессиональных политиков и бизнесменов. Ею используются три способа такого совмещения:

1. Присвоение материально-технической базы государственных предприятий за счет создания под собственным руководством коммерческих структур на тех же мощностях с последующим присвоением создаваемого здесь капитала.
2. Реализация политики поддержания тех отраслей экономики, которые имеют сильные группы давления и, тем самым, способные ухудшить положение определенных политиков, угрожают прочности их положения.
3. Снятие с себя обязательств перед народом.

Символами сочетания политической и предпринимательской деятельности стали Константин Боровой, Павел Бунич, Егор Гайдар, Ирина Хакамада, Юрий Лужков, Николай Рыжков, Владимир Потанин, Борис Березовский и многие другие. Сейчас на этом фоне все более проявляется коррумпированность российских чиновников, которая имеет многовековые традиции, берущие начало в институтах наместничества и кормления, в рамках которых многие представители российской бюрократии и политической элиты обогащались не столько на дележе и распределении собственности, сколько на протектировании экономических и иных интересов, а также, должностных поборах, носящих характер нормативной подати.

Международный опыт показывает, что укрепление демократических принципов в политической системе реально только при глубокой трансформации самой системы политической культуры, при разработке, формировании и закреплении новых фундаментальных ценностей и установок, то есть, если достигнуто согласие между главными общественно-политическими силами в отношении фундаментальных принципов государственного устройства.

Конкретная политическая культура является результатом исторического опыта как данного общества, в целом, а также – личного опыта отдельного индивида, полученного в ходе социализации. Присущие российской истории слабость гражданского общества и отсутствие контроля над властью, актуальны и на сегодняшний день, что приводит не только к зависимости власти от личных качеств правителей, но и к тому, что особенности самой элиты и ее роль опреде-

лены статусным положением, то есть, структурированием в органах власти. В политической культуре населения до сих пор преобладает стремление к исполнительской функции, устоявшееся в процессе исторически ограниченного опыта самостоятельного общения с властью в годы тоталитаризма и авторитаризма.

Участие населения в политической жизни страны, зачастую, сводится к голосованию на выборах. Властные элиты, в свою очередь, понимают власть в виде установления личного контроля над процессами, открыто демонстрируют отношения к рядовым гражданам, как к своим подчиненным.

Таким образом, рыночные принципы переносятся на отношения с властью, порождая коррупцию, лоббизм, подкуп и так далее. В результате, в российском обществе распространены негативные стереотипы восприятия правящих элит: их связь с криминалом, коррупция, номенклатурные корни, корпоративизм и клиентелизм. Практика прошедшего столетия обнаружила подобные недостатки парламентаризма, конституционализма, референдума, всеобщего избирательного права и других демократических институтов. Многие российские политики опираются исключительно на прагматизм повседневности. Об опасности такого подхода для российской политической культуры предупреждали еще в позапрошлом столетии и русская классическая литература, и русская философия. Современный прагматизм, упрощая нигилистические принципы мировоззрения, транслирует откровенный цинизм и ценности социал-дарвинизма.

В современном мире деньги превратились из необходимой составляющей культуры в ее доминанту, изменив всю иерархию духовных ценностей. Более того, деньги претендуют на ведущую роль в развитии нашей цивилизации и культуре. В политике последовательный прагматизм и «мораль успеха» привели к появлению нового эталона политической элиты, которая готова поступиться любыми принципами: менять свою идентичность, манипулировать любыми политическими сценариями. Принцип социальной идентичности в политике – это необходимое средство самосохранения и саморазвития; утрачивая его, политическая культура превращается в нестабильное аморфное образование. С помощью социокультурных ценностей в политике также решается вопрос мотивации, а, следовательно, и проблема эффективности.

В странах с прочными демократическими традициями от политика ждут постоянного общения с народом, завоевания симпатий избирателей, где одним из основных инструментов всегда являлось слово. Достижение высокого поста, успех в политической деятельности и отношение избирателей зависят не только от реальных поступков, но и от того, как они будут преподнесены, то есть, от умелого использования механизмов политической коммуникации. «Представители правящей элиты, журналисты, «лидеры мнений» с помощью средств массовой информации формируют определенную картину политической

жизни, которая часто воспринимается рядовыми гражданами не как чья-то точка зрения, а как набор фактов, как истина, подлинная и единственная» [2].

Таким образом, речь политика – это одна из составляющих его имиджа, из которого избиратели черпают информацию. Специально организованная речь является эффективным средством воздействия, следовательно, любой политик должен владеть риторическим искусством. Политический язык обычно передает информацию на двух уровнях: значениями слов и речи, в целом, её предметом и комплексами устойчивых политических верований, которые вызываются при использовании языка.

Речь политика должна быть лаконичной, конкретной, аргументированной, вызывающей определенные реакции публики. Слушатель должен как можно меньше задумываться над тем, что означает услышанная речь, но воспринимать её как знакомый стимул, вызывающий необходимую заученную реакцию. Кроме того, в речи необходимо наличие единства профессионального языка политика и языкового запаса электората. Оправдано создание «нового национального политического языка», который будет понятен избирателям, и переводим вовне.

Кризис российского общества, культуры и государства негативно отразился на современном русском языке. Необходимо время и целенаправленная работа в этом направлении, прежде чем язык «очистится», и можно будет отождествлять культуру политической речи с культурой политической мысли. Это означает, что необходимо учитывать психологическую силу языка и быть готовыми к тому, что различные социальные группы, имеющие доступ к власти, будут использовать язык для контроля и манипуляции.

Представление о культуре власти правящей элиты дополняет характеристика ее социальной природы. Долгое время эта тема была одной из наиболее закрытых. Элита, как правило, неоднородна по составу и имеет сложный характер стратификации. Наиболее активными являются представители четырех базовых классов: люмпены и люмпеноиды; бюрократия (чиновники); буржуазия (предприниматели); интеллигенция. Каждый класс характеризуется определенным типом мировоззрения, который они способны навязывать остальному обществу. В итоге, тип культуры определяется типом мировоззрения осуществления элитой властных полномочий [3].

Если выстроить описанные типы мировоззрений по степени социальности в своеобразную иерархию, то нижнюю ступень займут, в силу своей асоциальности – люмпены и люмпеноиды, преобладание которых говорит о высокой раздробленности общества, напряженных или откровенно враждебных отношениях внутри элиты, а также, как следствие глубочайшего кризиса, разрушившего систему социальных связей.

Следующие ступени занимают бюрократия и буржуазия, соответственно, их доминирование говорит о формировании элиты с помощью механизмов саморегуляции: выборности власти, партийной системы. Это позволяет держать баланс интересов различных групп политической элиты, а также, расширяет социальную базу самой элиты.

Высшая ступень в иерархии принадлежит интеллигенции, значительный удельный вес которой свидетельствует либо о том, что она выполняет политические функции других (прежде всего, буржуазии), либо значительная часть элиты непосредственно ориентируется на общественные интересы, что обусловлено высокой степенью общности социума, решением значительной части проблем общества. В данном случае, социальная база элиты наиболее широка, а ее структура в наибольшей степени соответствует структуре общества, в целом. Роль интеллигенции трудно переоценить, так как она стала катализатором процессов, начавшихся стране. Именно ее представители инициировали экономические реформы, но у них недостаточно сил на самостоятельную роль в политическом процессе. Это вынудило интеллигенцию на союз с бюрократией. Сама необходимость поддерживать ту или иную фракцию бюрократии разделило интеллигенцию на части.

Таким образом, подобная иерархия позволяет судить о степени зрелости любой политической элиты. Все перечисленные классы являются «идеальными типами», а существование этих групп в определенном обществе, в купе с соответствующими тенденциями в развитии общественных отношений, приводит к разделению каждой группы на несколько подгрупп. Например, буржуазная политическая элита включают в себя предпринимателей-люмпенов, предпринимателей-чиновников, предпринимателей-интеллигентов. Такое деление отражает стратификацию политической элиты, в целом.

В постсоветской России большинство составляли выходцы из слоев чиновничества. Это обусловлено развитостью этого класса и наличием у него «стартового капитала», а также, незрелостью гражданского общества. Значительная часть этой страты оказалась достаточно гибкой и адаптивной, она смогла приспособить демократические институты свободных выборов и политических партий к своим нуждам. Благодаря появлению массового слоя бюрократии, стало возможно изменить политическую ситуацию. Когда партийная номенклатура была устранена, политическая борьба переместилась в среду самой российской бюрократии [3].

Таким образом, преобладание в элите представителей того или иного класса зависит от типа отношений, господствующего в обществе, в целом. А культура власти будет определяться социальным представительством правящей элиты; каждая из элитных групп транслирует во власти свои нормы, ценностные ориентации, свое видение и понимание сложившейся ситуации и способов решения проблем, стиль властвования и язык власти.

Литература:

1. *Зудин А.Ю.* Государство и бизнес в посткоммунистической России: цикличность и перспектива институционализации. Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. Материалы 5-го международного симпозиума. М., 1998. С. 118.
2. *Разворотнева С.В.* Язык власти, власть языка. Психология и психоанализ власти: Хрестоматия. Самара, 1999. Т. 1. С. 221.
3. *Круглик Н.В.* Культура власти российской правящей элиты : автореф. дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2007.
4. *Гаман-Голутвина О.В.* Российские партии на выборах: картель «хватай-всех». URL : <https://refdb.ru/look/2109535-pall.html> (дата обращения 04.04.2021).
5. *Тужба Э.Н.* Особенности социального самочувствия этнических групп и их отношений в Абхазии / Э.Н. Тужба // Социологические исследования. 2012. № 2.
6. Социальный контекст формирования управленческой культуры региональной бизнес-элиты России в переходной период в российском обществе // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 33-37.

Literature:

1. *Zudin A.Yu.* State and business in post-communist Russia: cyclicity and the prospect of institutionalization. Where is Russia going? Transformation of the social sphere and social policy. Proceedings of the 5 th International Symposium. M., 1998. P. 118.
2. *Razvorotneva S.V.* The language of power, the power of language. Psychology and psychoanalysis of Power : textbook. Samara, 1999. Vol. 1. P. 221.
3. *Kruglik N.V.* Culture of power of the Russian ruling elite : autoref. dis. ... cand. cultural studies. Krasnodar, 2007.
4. *Gaman-Golutvina O.V.* Russian parties in the elections: the Grab-all cartel. URL : <https://refdb.ru/look/2109535-pall.html> (date of application 04.04.2021).
5. *Tuzhba E.N.* Features of social well-being of ethnic groups and their relations in Abkhazia / E.N. Tuzhba // Sociological studies. 2012. № 2.
6. The social context of the formation of the management culture of the regional business elite of Russia during the transition period in Russian society/Society: politics, economy, law. 2010. № 1. P. 33-37.

Савеленко Вячеслав Михайлович
доктор социологических наук,
доцент,
Краснодарское высшее
военное авиационное училище летчиков
имени Героя Советского
Союза А.К. Серова МО РФ
vladimirgrishai1969@gmail.com

Абрамов Максим Алексеевич
доктор философских наук,
доцент,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@gmail.com

Булкин Андрей Николаевич
доктор философских наук,
профессор,
Белгородский университет
кооперации, экономики и права,
Ставропольский институт кооперации
(филиал),
заведующий кафедры трудового
и предпринимательского права
BulkinDoc@mail.ru,

Тищенко Виктор Александрович
соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@gmail.com

ЭТНИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РЕЛИГИИ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

■ ■ ■

Аннотация. Во все времена религия считалась основным компонентом духовной жизни общества. Она структурировала как духовную, так и всю социальную жизнь общества. Структурирующая функция религии реализовалась в конфессиональном дифференцированном обществе. При этом религиозные верования, хотя их принято считать равноценными, образовали своеобразную систему, центром которой принято считать мировые религии. Их исповедуют представители наиболее крупных этносов. Во многих странах они признаны официальными религиями данного государства, то есть, этноконфессиональная структура общества закреплена юридически. В статье проводится анализ этнического содержания религий, выявляется символический характер аксиологической интеграции на этноконфессиональном уровне, определяются параметры этноконфессиональной целостности.

Ключевые слова: религия, социокультурная реальность, коммуникация.

■ ■ ■

Vyacheslav M. Savelenko
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Krasnodar Higher Military Aviation
School of Pilots named after the Hero
of the Soviet Union A.K. Serova Ministry
of Defense of the Russian Federation
vladimirgrishai1969@gmail.com

Maxim A. Abramov
Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Essentuki Institute of Management,
Business and Law
vladimirgrishai1969@gmail.com

Andrey N. Bulkin
Doctor of Philosophy,
Professor,
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law,
Stavropol Institute of Cooperation (branch),
Head of the Department
of Labor and Business Law
BulkinDoc@mail.ru,

Viktor A. Tishchenko
Applicant,
Essentuki Institute
Of Management, Business and Law
vladimirgrishai1969@gmail.com

ETHNIC CONTENT OF RELIGIONS: SOCIALS AND CULTURAL ASPECT

■ ■ ■

Annotation. At all times, religion was considered the main component of the spiritual life of society. Religion structured both the spiritual and the entire social life of society. The structuring function of religion was realized in a confessional differentiated society. At the same time, religious beliefs, although they are considered equivalent, formed a kind of system, the center of which is considered to be world religions. They are professed by representatives of the largest ethnic groups. In many countries, they are recognized as the official religions of this state, that is, the ethnoconfessional structure of society is legally enshrined. The article analyses the ethnic content of religions, identifies the symbolic nature of axiological integration at the ethnoconfessional level, and defines the parameters of ethnoconfessional integrity.

Keywords: religion, sociocultural reality, communication.

■ ■ ■

Во все времена религия считалась основным компонентом духовной жизни общества. Религия структурировала как духовную, так и всю социальную жизнь общества. Структурирующая функция религии реализовалась в конфессиональном дифференцированном обществе. При этом религиозные верования, хотя их принято считать равноценными, образовали своеобразную систему, центром которой принято считать мировые религии. Их исповедуют представители наиболее крупных этносов. Во многих странах они признаны официальными религиями данного государства, то есть, этноконфессиональная структура общества закреплена юридически. Своеобразную «периферию» указанной системы составляют хронологически ранние или современные, но малочисленные конфессии. На границе системы, так называемые, нетрадиционные религии, которые можно назвать таковыми только по способу рефлексии. По сути отражаемого – это, скорее, мистические сюжеты, имеющие своих поклонников.

Интересно, что, структурируя общество конфессионально, религия структурирует и собственные верования. Но здесь системообразующим фактором выступают уже не институциональные характеристики, а рефлексивный статус религиозных верований. Поэтому критерием выделения структурных уровней собственно религии мы считаем объект рефлексии. Именно он, на наш взгляд, выражает связь между функционированием той или иной религиозной модели и ее этническим обеспечением (тем, насколько полно она отражает потребности данного народа и, соответственно, насколько полно сам народ адаптирован к ней).

С этих позиций нам представляется целесообразным выделить три блока в религиозно-рефлексивной модели, которые в зависимости от «этнического запроса» образуют иерархические системы (в различных сочетаниях), которые мы будем условно называть структурой религии.

Первый блок - проблемы физического бытия.

Второй блок - проблемы социального бытия.

Третий блок - проблемы духовного бытия.

Наиболее четко прослеживается и фиксируется структура религии на примере первобытных верований. Первыми религиозными верованиями являются анимизм, тотемизм и культ предков. Из первозданного мира природы формируется биологическое начало человека. Считается, что первоначально существовала гармония во взаимоотношениях между природой и человеком.

Первобытный человек персонифицировал силы природы и все сущее наделял душой. Это был период анимистической мифологии, характерной чертой которой принято считать формирование учения о душе. Анимизм – это вера у примитивных народов в существование душ или духов как причин явлений природы. Далеко уже в пределах цивилизации человек все еще действует, как будто, наполовину веруя в души, или в дух

предметов, а, между тем, его знания в области физических наук стоят уже несравненно выше этой грубой философии».

Согласно анимистической концепции, природа, окружающая человека, жива и одушевлена. Анимизм – религия, объединяющая все живое на основании принципа существования души. Гармоническое единство человека с окружающим миром было обосновано анимистической концепцией. Благоговение перед жизнью, перед любыми формами ее проявления, по мнению А. Швейцера, есть высший принцип, на котором строятся взаимоотношения между человеком и природой. Благоговение человека перед природой, олицетворение и персонификация природных явлений были отражены в первобытных верованиях. Первыми религиозными культурами принято считать культ воды и культ огня [1].

Если анимизм объединяет человека и все существующее в мире с понятием «душа», то роль тотемизма заключается в религиозном структурировании социально-жизненного мира субъекта. Основа формирования тотемизма была заложена в самой природе, но именно тотем представляет собой первую религиозную модель, которая зафиксировала расхождение человека с природой. Процесс идентификации человека с определенным типом растения или животного указывает на то, что процесс рефлексии начался. Осознание субъектом своей инородности по отношению к природе и стремление к ликвидации данной инородности есть одна из главных черт тотема. Процесс идентификации двух субъектов, человека и его тотема, имеющих общее биологическое основание, можно считать желанием восстановить уже нарушенную гармонию между человеком и природой. Можно сказать, что эти заповеди тотемизма представляют собой первый религиозный кодекс. З. Фрейд называет его катехизисом тотемистической религии [8].

Таким образом, в тотеме уже существует своеобразная ценностная система, «привязанная» к племенной организации. Тотем представляет собой большую систему кровных родственников, которых объединяет вера в свой тотем, который регламентирует брачные отношения.

Первыми социальными институтами человечества были семья и религия. В первобытном обществе тотем выступал в роли единого социального института религии и семьи. Как видно, именно в анализе тотема находится лучшее доказательство сказанному. Тотем представлял собой большую семью, жизнь которой регламентирована религиозными ценностями. Потребовался довольно длительный период времени для того, чтобы начался процесс дифференциации и последующего оформления двух социальных институтов, какими в дальнейший период времени будут выступать семья и религия.

Нужно обратить внимание на следующий факт: несмотря на то, что произошла дифференциация, приведшая к созданию двух социальных институтов, каждый из вновь созданных институтов несет в себе отпечаток своей прежней еди-

ной сущности. Это хорошо прослеживается на примере некоторых обычаев и церемоний, характерных для социальных институтов семьи и религии. Если мы обратимся к социальному институту семьи, то можем выделить следующий факт: именно семья выступает в качестве хранителя и трансформатора религиозной системы ценностей в мировых религиях. Как правило, первое обращение ребенка к вере происходит именно в семье. Что же касается традиционной христианской общины, то она может считаться своеобразным отражением большой семьи. Обращение священника к верующим как к братьям и сестрам говорит о том, что церковь представляет из себя общий дом для всех верующих. Что же касается роли священника в этом доме, то он является символическим отцом и наставником своего большого семейства. Чем меньше и сплоченней религиозная община, тем ярче проявляется роль символического отца, поэтому можно сделать вывод о том, что тотем представляет собой прообраз социальных институтов религии и семьи.

С появлением тотема мы связываем первую структуризацию социально-жизненного мира. Структура социума будет оформлена в период дифференциации социальных институтов. Таким образом, можно сказать, что структура социума изначально фиксировалась древними религиозными верованиями, одним из которых принято считать тотем.

В качестве третьего структурного элемента религии мы выделяем систему духовных ценностей, к которым относятся религиозные законы. Необходимо отметить, что этот структурный элемент в первобытных религиях выражен менее всего.

Рассмотрим данный элемент структуры религии на примере культа предков, первобытной религии, которая возникла немного позднее тотемизма, но существовала одновременно с ним. Обратим внимание на характер взаимоотношений между живыми и мертвыми в религии культа предков. Эти взаимоотношения демонстрируют амбивалентный характер религиозных ценностей и морали. Мораль определяет для личности картину мира, и она представляет собой составную часть индивидуального микрокосмоса. Взаимоотношения в культе предков между живыми и мертвыми строятся таким образом, что мертвый воспринимается в качестве живого. Исходя из этого, можно сказать, что взаимоотношения «живой-мертвый» отражают взаимоотношения «живой-живой». Подобные взаимоотношения имеют место в культе предков на протяжении всей жизни индивидуума [8]. Обращает на себя внимание следующий факт: если эти взаимоотношения со стороны живых по каким-либо причинам прерываются на длительное время, то для их возобновления требуется уже более весомые жертвоприношения и в течение более длительного времени, чем они совершались ранее. Таким образом закладывались основы этнической «Я» – идентификации. Такой вид взаимоотношений положил начало формированию религиозной морали, которая исходила в своих

проявлениях из эгоистической стороны человеческой психики. Можно сказать, что эгоизм и альтруизм в равной мере присущи человеку, они есть следствие проявления инстинктов выживания и сохранения человеческого рода. Заложенные в сфере бессознательного, эти инстинкты имеют различную форму и величину выражения в сфере сознания в различных типах личности. Что же касается эгоистических отношений, то они являются более прагматическими и, следовательно, более устойчивыми.

Церемонии жертвоприношения, которые совершаются в честь умерших предков, обязательно требуют обратной положительной реакции со стороны мертвых. Вот как звучит современная молитва Ньенде – этнической группы в Бенине: «Сделай так, чтобы дом мой процветал, дай мне долгих лет жизни и много детей! Будь со мной, когда я иду на заработки», и далее следует характерная фраза: «Позор упадет на твою голову, если ты меня не убережешь!» (Сепир Э) [6]. В данной молитве отражены основные требования, которые живой выдвигает к мертвому в обмен на оказанное уважение. Из приведенной молитвы следует, что взаимоотношения между живыми и мертвыми строятся на взаимовыгодной основе. Культ предков выполняет функцию защиты живых от различного вида негативных тенденций, существующих в социальном мире живых. Степень уважения предков прямо пропорциональна частоте актов жертвоприношения. Чем больше совершается актов жертвоприношения, тем больше гарантия получения желаемого результата. Смелзер обращает внимание на то, что подобные взаимоотношения постоянно имеют место во взаимоотношениях между людьми. Теория обмена Хоуменса основана именно на таком принципе – поведение человека в настоящий момент обусловлено тем, вознаграждались ли и как его поступки в прошлом [5].

Согласно теории обмена, человек всегда стремится воссоздать условия, если они фиксируют определенные типы поведения, за которые человек получает вознаграждение.

Дж. Хоуменс считает, что такой вид социального взаимодействия, основанный на системе обмена, обусловлен «способами уравнивания вознаграждения и затрат» [6]. Теория обмена, описанная Дж. Хоуменс, применима не только к первобытным религиям, но и к поли- и монотеистическим религиям. В священных книгах, Библии и Коране, имеют место истории, утверждающие, что отношения между человеком и Богом были построены по аналогичной схеме. В качестве примера обратимся к историям Ветхого Завета, которые сообщают, что первый патриарх евреев Авраам за свое ревностное почитание Яхве был награжден тем, что его жена Сара смогла родить своего первого ребенка. Исаак родился от девяностолетних родителей. Условием его рождения было выполнение договора, заключенного между Яхве и Авраамом. Отношения между Яхве и Авраамом строятся согласно теории обмена: Яхве обещает помощь еврейскому народу взамен на почитание. Из сказанного следует, что схема, по которой строятся взаи-

моотношения между человеком и Богом, остается прежней. Человек всегда будет стремиться к созданию требуемого условий взамен на вознаграждение, которое ему будет обещано в случае выполнения договора.

Отсюда следует вывод: если система религиозных ценностей не обусловлена догматикой, как это было в первобытных религиях, то данная система всегда является относительной. Закрепление религиозной системы ценностей в поли- и монотеистических религиях на этническом уровне придавало данной системе абсолютный характер для народа, исповедующего данную религиозную систему. Таким образом, третий структурный уровень религии постоянно находился в состоянии движения и видоизменения. Этот процесс нельзя считать завершенным, так как всегда появляются новые религиозные модели, соответствующие новым потребностям этносов.

Говоря о структуре религии, мы обращаем внимание на гибкость и подвижность всех ее уровней. В определенные периоды исторического времени существует возможность уменьшения или увеличения их объема. Появление данной тенденции мы связываем с различными формами этнических культур. Если этнос сам создает определенную религиозную модель, то в рамках данной культуры формируется структура этой модели, которая включает, соответственно, три уровня [2]. Этнические особенности религии, таким образом, находят отражение в структуре последними. Длительный процесс формирования различных символических моделей религии – от примитивных первобытных, до универсальных монотеистических, также сказался на характере структурирования религии. Структура религии остается постоянной, но изменяется объем и содержание ее уровней.

Первый структурный уровень, как уже говорилось, – это физическое бытие. Религия непосредственно связана с потребностью самосохранения общества. Она выступает и как психологическая защита от биологического разрушения, хотя этот тезис подтвердить труднее.

Литература:

1. *Алексеев П.В.* Философия : учебник / П.В. Алексеев, А.В. Панин. М. : Проспект, 2008. 390 с.
2. *Белла Р.* Религия как символическая модель, формирующая человеческий опыт / Р. Белла // Хрестоматия по социологии религии. М. : 1994. Т. 1.
3. *Губогло М.Н.* Язык и этническая мобилизация / М.Н. Губогло // Семинар «Этнический фактор в федерализации России». М., 2000.
4. *Доблаев Л.П.* К постановке проблемы оценивания в психологии / Л.П. Доблаев // Проблема оценивания в психологии. Саратов : СГУ, 2004.

Второй структурный уровень – это социальное бытие. Без рефлексии общественных отношений религия не могла бы функционировать как социальный институт.

Третий структурный уровень – это духовное бытие. Претензии религии на монополизм в духовной области во многом оправданы тем, что это единственный институт в обществе, который целью своего существования ставит спасение души [2].

Таким образом, этническая обусловленность неодинаково выражена в религиозных формах. Она по-разному представлена на разных структурных уровнях. Если проблемы физического бытия носят выраженную этническую окраску (нормативность еды, одежды, ритма жизни и т.п.), то проблемы души носят, как правило, общечеловеческий характер и представляют, скорее, инвариант этничности, нежели ее специфику. Можно предположить, что первобытные религии в этнически недифференцированном обществе выполняли функции, которые впоследствии пришли к этническому сознанию. На первом структурном уровне функция самосохранения человека как биологического вида совпадает в религиозном и этническом сознании.

В завершение публикации мы приходим к выводу о том, что в интегрированных обществах идет взаимообусловленный процесс универсализации национальной жизни и абсолютизации третьего структурного уровня религии – проблем духовного бытия, которые, как мы сказали уже, несут общечеловеческое (надэтническое) содержание. Наиболее острым является вопрос о взаимодействии религиозного и этнического в рамках второго структурного уровня – в плане социального бытия. Именно здесь – источники этнокофессиональных конфликтов. Но для того, чтобы рассмотреть проблему соотношения религиозного и этнического на уровне социального бытия, необходимо, прежде всего, выяснить механизм этого соотношения. Ключом к его пониманию является интерпретация символических моделей религии.

Literature:

1. *Alekseev P.V.* Philosophy : textbook / P.V. Alekseev, A.V. Panin. M. : Prospect, 2008. 390 p.
2. *Bella R.* Religion as a symbolic model that forms human experience / R. Bella // Textbook on the sociology of religion. Vol. 1 M. : 1994.
3. *Guboglo M.N.* Language and ethnic mobilization / M.N. Guboglo // Seminar «Ethnic factor in the federalization of Russia». M., 2000.
4. *Doblaev L.P.* To the setting of the problem of evaluation in psychology / L.P. Doblaev // The problem of evaluation in psychology. Saratov : SGU, 2004.

5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1999.
6. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
7. *Смелзер Н.* Социология. М. : 1994.
8. *Фрейд З.* Тотем и табу / З. Фрейд // «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. 1991.
9. *Шибутани Т.* Социальная психология. М. : 1969.

5. *Leontiev A.N.* Activity. Consciousness. Personality. M. : Politizdat, 1999.
6. *Sepir E.* Selected works on linguistics and cultural studies. M., 1993.
7. *Smelzer N.* Sociology. M., 1994.
8. *Freud Z.* Totem and taboo / Z. Freud // «I» and «It». Works of different years. Book 1. 1991.
9. *Shibutani T.* Social psychology M. : 1969.

Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры
управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
79289013427@yandex.ru

Аганов Андрей Анатольевич
магистр по специальности
«История России
и стран ближнего зарубежья»,
экскурсовод,
Ростовский исторический парк
«Россия - моя история»
79289013427@yandex.ru

РАСТЕНИЯ В МИФОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ МИРА

■ ■ ■

Аннотация. Заметное место в мифологии и фольклоре народов мира занимают образы растений. Роль растений – диких и особенно культурных в жизни человека была высока, и это делало их героями различных мифов. В космогонических мифах растения выступают как первый объект из всего, что появилось или было создано богами. Как объект мифологических и ритуальных систем растения появились позже, чем животные. В данной статье рассматривается роль растений в мифологии и фольклоре народов мира. Роль растений в древности была высока, что делало их героями различных мифов. В народном сознании они обладали магической силой, а также растения связывались с идеей плодородия и жизни.

Ключевые слова: культура, мифы, растения, фольклор.

■ ■ ■

Заметное место в мифологии и фольклоре народов мира занимают образы растений. Единый растительный образ, воплощающий в себе универсальную концепцию мира в мифологии – мировое дерево, он встречается практически повсеместно во всех мифологиях в различных вариантах как «дерево жизни», «дерево плодородия», «дерево центра», «мистическое дерево», «дерево познания». Образ древа мира был главным по отношению к конкретным мифологическим системам, определяя их внутреннюю структуру и все их основные параметры.

Роль растений – диких и особенно культурных в жизни человека была высока, и это делало их героями различных мифов. В разных традициях с растениями и, порождающей их землей, связа-

Sergei I. Samygin
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department
Personnel Management and Sociology,
Rostov State University of Economics
79289013427@yandex.ru

Andrey A. Aganov
Master in specialty
«History of Russia
and Neighboring Countries»,
Guide,
Rostov Historical Park «Russia is my story»
79289013427@yandex.ru

PLANTS IN THE MYTHOLOGY AND FOLKLORE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

■ ■ ■

Annotation. The images of plants occupy a prominent place in the mythology and folklore of the peoples of the world. The role of plants - wild and especially cultural in human life was high, and this made them heroes of various myths. In cosmogonical myths plants act as the first object of everything that appeared or was created by the gods. As the object of mythological and ritual systems plants appeared later than animals. This article examines the role of plants in mythology and folklore of the peoples of the world. The role of plants in antiquity was high, which made them heroes of various myths. In the popular mind, they possessed magical powers, and plants were also associated with the idea of fertility and life.

Keywords: culture, myths, plants, folklore.

■ ■ ■

но огромное число божеств (Гея, Диметра, Персифона (и Кора), Дионис, Нарцисс, Гиацинт, Флора, Цецера, Вирбий). Во многих мифологических традициях выделяется также изоморфизм растений человеку. Существуют мифологемы о боге или человеке, висящем на дереве (Один на дереве Иггдрасиль), о человеке, вырастающем из растения или прорастающем в виде растения (рождение Адониса, «прорастание» Осириса), о превращении мифологических персонажей в растения (Дафна, Нарцисс, Гиацинт).

В космогонических мифах растения выступают как первый объект из всего, что появилось или было создано богами. Как объект мифологических и ритуальных систем растения появились позже, чем животные. Мифы о растениях харак-

терны для более или менее развитых земледельческих культов. Объектами мифов становятся не только сами растения, но и их корни, листья, ветви, плоды и семена. Плод растения во многих мифологических традициях символизирует идею изобилия, плодородия, успеха, жатвы, в духовном плане мудрость (в геральдике счастья, удачу, мир). В христианстве плод – символ небесного блаженства, добродетели. Запретный плод с древа познания добра и зла ассоциируется с яблоком, фигой, лимоном, апельсином, гранатом, грушей, айвой. Духовный плод в христианской традиции представлен деревом фиго с плодами и цветами на нем, сливой, виноградной лозой. Зерно и семя – общий символ, подчеркивающий идею непрерывности жизни и плодородия.

Цель данного исследования – проанализировать образы представителей растительного мира, встречающихся в мифах и фольклоре того или иного народа для выявления наиболее общих характерных черт и отличий, а также выявить причины появления мифов о них. Задачи исследования:

- 1) изучить мифы и народный фольклор, в которых упоминаются растения;
- 2) выделить наиболее значимые культы растений в различных народных культурах, а также их характерные черты и отличия;
- 3) проанализировать причины появления мифов о растениях в фольклоре народов мира.

Поднятую нами проблему этнографы и культурологи раньше не рассматривали. При написании исследования были привлечены следующие исторические источники: мифы Древней Греции, скандинавский эпос, восточнославянская мифология, записки античных авторов. В первую очередь, хочется рассказать о роли деревьев в мифологии и фольклоре народов мира. Практически у каждого народа есть свои сказания и легенды о деревьях. Одним из них приписываются волшебные свойства, другим связь с магическими существами, а третьи названы в честь героев мифов и легенд. Даже окраске соцветий растений мифы придают особый сакральный смысл.

Деревья, по преданиям древних, обладают сверхъестественной силой – как целительной, так и разрушительной. В основе этих представлений – архетип дерева – тотема. В мифах и фольклоре разных народов рассказывается о деревьях – тотемах. У якутов особо почиталась отдельно стоящая береза, у тувинцев лиственница, у народов малайско – индонезийского региона рис. Дерево у славян – мотив приобщения к миру предков, это обусловлено природными факторами, фольклорно – обрядовыми традициями, многовековым земледельческим укладом жизни и мифологическими представлениями о мировом дереве. В славянской мифологии дерево рождено от союза земли и неба, его питает не только земля и вода, но и солнечный свет, оно принадлежит к двум мирам и именно поэтому

занимает важное место в мифопоэтических представлениях славян.

Береза – символ ритуальной чистоты в германском, балтийском, восточнославянском фольклоре. В восточнославянских обрядах береза является одним из самых почитаемых деревьев. Функции березы в обрядах, роль ее образа соотносится с особенностями мирового дерева, как центра вселенной и пространственного объекта, соединяющего различные миры. Народные поверья восточных славян наделяют березу и ее ветви особой растительной силой, характерной для всех деревьев – способностью к плодоношению, так индивидуальными природными свойствами (листья на ней появляются раньше, чем на других деревьях, ее ветви быстро и заметно растут). Поэтому в мифологическом сознании это дерево воспринимается двойственно: с одной стороны, как дерево дающее здоровье и силу, с другой стороны, связанное с душами усопших и нечистой силой.

Как один из вариантов мирового дерева, представляющего собой пространственную модель мира, береза соотносится с душами усопших и потусторонними мифологическими существами. В период празднования Троицы и Семика, когда предки временно покидали «тот свет» и появлялись в мире живых, в селения приносили из леса березы и устанавливали их около домов [3, с. 58]. Троицкая неделя называлась также «Русальной», а береза считалась любимым местом русалок. В русских поверьях считалось, что русалки во время нахождения на земле живут на плакучих березах, качаются на их ветвях или сидят под ними. На Троицкой неделе существовал обычай «заламывания» березы.

По окончании Троицких празднований, совершался обряд «проводов» березки. Таким образом, использование березы в троичских обрядах было связано с представлениями об этом дереве как символе плодородия, объекте, соединяющем мир живых и мертвых, который в древности соотносился с божеством – прародительницей, покровительствующей женщинам. Как след культа березы можно рассматривать и славянское имя Береза.

Береза использовалась в обрядовой символике и у других народов мира. В друидической традиции береза – древо начала, символ первого месяца года (24 декабря – 21 января). Атрибуты из березы использовались в Риме при вступлении консула в правление. Руна «береза» известна у древних германцев, главный бог которых пригвоздил себя к мировому дереву (березе), с целью обретения знания рун [3, с. 57]. В Шотландии береза связывалась с представлениями о покойниках.

Верба в восточнославянской народной культуре была символом быстрого роста, здоровья, жизненной силы, плодородия. Эти представления связаны с тем, что верба раньше других растений распускает свои почки. Оно символизирует весну и согласно мифологическому сознанию, может передать здоровье, силу и красоту чело-

веку и домашним животным. Вербу использовали во многих обрядах восточных славян. В народном сознании ей приписывались защитные качества. У восточных славян бытовало представление о том, что освященная ветка вербы способна защитить от бури, стихийных бедствий, нечистой силы, болезней. Вербка широко используется в обрядовой сфере и является главным атрибутом одного из христианских праздников.

Гранат в ряде традиций выступает в функции райского (золотого яблока) плода от дерева познания. В Древней Греции гранат считался образом смерти, забвения, но также – и божественной пищи, надежды на бессмертие, что находит свое подтверждение в мифе о Персефоне (Коре), проглотившей гранатовые зернышки. Древние греки считали, что гранат возник из крови Диониса. Р. Грейвс пишет об этом следующее: «Гранатовое дерево, выросшее из крови Диониса, было также древом Таммуза – Адониса – Риммона; спелые плоды этого дерева лопаются, напоминая открытую рану и обнажая спрятанные внутри семена. Оно символизировало смерть и обещало новую жизнь, когда оказывалось в руках Геры или Персефоны» [2, с. 63].

В христианской символике гранат соотносится с символом воскресения, который принесен Иисусом Христом с небес, гранат – одна из эмблем девы Марии. В Корее плод гранат трактовался как пища богов и посвящался умершим предкам, в индуистской традиции гранат считался знаком божьего благословения.

Дуб в древности был известен во многих индоевропейских мифах. Это дерево называли священным, связывали его с небесными вратами, через которое божество может явиться перед людьми, жилищем бога или богов. Дуб обычно посвящали верховным богам – громовержцам: Перуну, Зевсу, Тору. Разбитый молнией дуб у одних народов мира считался добрым или недобрым знаком. Особую роль в мифологии играет образ дуба, увитого «золотой ветвью» омелы [6, с. 199]. Священным считалось дубовое поле, поддерживающее вечный огонь в храме Весты, его ритуально сжигали в храме Весты в середине лета, сопоставляя это с лишением божества плодородия мужской силы, а также как акт, ведущий к воскресению духа плодородия. Палица из дуба в руках бога громовержца рассматривалась как символ твердости власти, суровости. Венок из листьев дуба, считался символом мощи и достоинства. Под дубовым деревом совершались важные ритуалы (жертвоприношения, клятвы, суд), устраивались праздники. В библейской традиции дуб был символом гордости и высокомерия, под ним венчаются на царство, или он является местом погребения. В Древней Греции центром святилища Зевса в Додоне был старый дуб, под которым находился источник. Зевсу был посвящен и особый крылатый дуб, на который было выброшено покрывало с изображением земли, океана и звезд. В Афинах и Риме дубовые ветви использовали в брачных процессиях как символ плодородия. В дуб и липу посмертно были превращены богами Филлимон и Бавкида. Дубовыми нимфами являлись

греческие дриады и гамадриады. В кельтских мифах дубу отводилась значительная роль (под дубом творит свои чары Мерлин). В ряде традиций с дубом связывали происхождение человеческого рода.

В мифологических представлениях восточных славян, дуб также занимает важное место. Ранние свидетельства почитания дуба у славян относятся к X-XII векам. Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» [4, с. 7] описывает жертвоприношения россов около священного дуба на острове Хортица. Дуб как место решения важных внутрисполитических вопросов упоминается в «Повести временных лет» [5, с. 384] при описании восстания смердов в 1071 г. в Суздальской земле. Культ почитания дуба сохранился у восточных славян вплоть до начала XX века. В мифологической системе восточных славян дуб связывался с культом бога грома и молнии Перуна. Соответствие именно этого дерева богу – громовержцу, по мнению многих исследователей, имеет индоевропейский характер. События мифа поединка Перуна, с противником, который прячется под дубом, отразились в существующих до настоящего времени запретах, находится под дубом во время грозы и выращивать дуб около дома.

В мифологических представлениях, нашедших отражение в фольклорных текстах, дуб воплощает образ мирового дерева, которое является моделью мирового пространства. Ветви, ствол, корни мирового дерева соединяют верхний, средний и нижние миры, а ветви стороны света. В мифопоэтических текстах образ дуба – это «дорога», по которой путешествуют персонажи в небесный или подземный мир. В заговорах дуб выступает как центр мира. Совершающий заговор проходит сложное путешествие «из ворот в ворота», а дуб оказывается границей между мирами, около которой находятся мифологические персонажи.

Природные качества дуба определили значение его образа как символа мужского начала, главенства, силы, мощи, твердости. Дубу обычно приписывают положительные значения. В обрядовых действиях дуб соотносится с хозяином дома, главой семьи. Свойства дуба учитывались и в лечебной практике народной медицины, используя его листья в лечении. Крепость дуба использовали в погребальных обрядах, изготавливая из него гробы. Пограничная роль образа дуба в мифологической картине мира обусловила его в народных представлениях с идеей смерти.

Огромную роль в мифологии и фольклоре народов мира играли цветы. Согласно мифологии, у цветов, как и у всего живого на земле, были свои боги, которые наделяли их определенными свойствами, давали имена и защищали. В Древней Греции это были Хлорис и Персефона, в Древнем Риме – Флора и Прозерпина, у славян – Жива. К появлению мифов и легенд о цветах в фольклоре народов мира упоминаются множество божеств и легендарных героев.

Анемон в переводе с греческого обозначает «дочь ветров», так как у растения начинают трепетать лепестки от любого дуновения ветра. О том, как появился красный анемон, рассказывается в древнегреческой легенде об Адонисе. Адонис – прекрасный юноша, возлюбленный богини любви Афродиты (в финикийском варианте Астарты), был смертельно ранен диким кабаном на охоте. По одной версии мифа, на земле, куда упала его кровь, выросли красные анемоны, по другой – ими стали слезы Афродиты, а по третьей – Богиня любви вернула его из царства мертвых, превратив в цветок.

Культ Адониса существовал в Финикии, Сирии, Египте на островах Крит и Лесбос. В V в. до н.э. культ Адониса распространился в материковой Греции. В Аргосе женщины оплакивали Адониса в особом здании. В Афинах во время праздника в честь Адониса под плач и погребальные песни повсюду выставляли изображения умерших. Адонии – праздник в честь Адониса – стали особенно популярны в эпоху эллинизма, когда распространились греко – восточные культы Осириса, Таммуза. Поздней весной и ранней осенью женщины выставляли небольшие горшочки с зеленью, которая быстро распускалась и также быстро увядала; «садики Адониса» – символ мимолетности жизни. В Александрии пышно праздновали священный брак Адониса и Афродиты, а на другой день с причитаниями и плачем статуя Адониса несли к морю и погружали в воду, символизируя его уход в царство мертвых. В мифе и культе Адониса нашли отражения древние матриархальные и хтонические черты поклонения женскому божеству плодородия и зависимому от нее более слабому и смертному, возрождающемуся лишь на время мужскому началу. В мифе и культе Адониса прослеживается развернутая символика вечного круговорота и гармоничного единения жизни и смерти в природе.

В христианской традиции красные анемоны часто изображают рядом с распятием, как символ крови Иисуса Христа.

Астра. Родиной астры является Китай, где она является символом элегантности, скромности и красоты. В переводе с греческого название цветка означает «звезда». О происхождении цветка в греческой мифологии имеется две версии.

По одной из них, это слезы богини справедливости Астреи, которая из-за испорченности людских нравов была вынуждена покинуть землю и вознестись на небо. Глядя с небес вниз, она начинала плакать, а упавшие на землю слезы богини превращались в маленькие звездочки – цветы. Данная легенда, считает, что этот цветок является напоминанием людям о потерянном рае.

Согласно другой легенде, поле расцвело астрами, когда Афродита разбросала по земле звездную пыль. По поверьям древних греков, ночью, если прислушаться, можно услышать, как астры переговариваются со своими сестрами с небес. Считалось, что запах горящих листьев астры отпугивает змей.

Вербена была особо почитаема древними греками и римлянами. Они называли ее «слезой Изиды», «жилкой Венеры» и «кровью Меркурия». В Древней Греции венки из вербены были символом счастливого брака, также она являлась символом доброты, удачливости и процветания. Согласно христианской легенде, ее впервые нашли на горе Голгофе у подножия креста, на котором распяли Христа. Ее использовали в медицине, обкладывая раны, чтобы остановить кровь. Она была мощным оберегом способным отвести любое зло. Для личной защиты носили ладанки с корнями и листьями вербены, она прогоняла прочь приведения и нечистую силу, сохраняла молодость.

Гвоздику в Древней Греции называли цветком Зевса или божественным цветком. Но, согласно мифам, своему происхождению она обязана не ему, а богине охоты Артемиде. Когда она возвращалась после неудачной охоты и услышала веселую музыку, которую на свирели играл пастушок, разгневанная богиня набросилась на него, обвинив, что его музыка разогнала всю дичь в лесу. Его оправдания и просьбы о пощаде разозлили Артемиду, и в ярости она вырвала у пастушка глаза и бросила их между камнями. Когда богиня пришла в себя, то стала сожалеть об этом, и тогда глаза превратились в гвоздики, своим цветом, напоминающие пролитую кровь.

Гиацинт в переводе означает «цветок дождей». Дело в том, что цветет он весной, когда на его родине в Малой Азии начинается сезон дождей.

Согласно греческому мифу, Гиацинтом звали юного сына царя Спарты. С ним дружили боги Олимпа Аполлон и Зефир, которые часто посещали своего друга в Спарте, где вместе охотились и состязались друг с другом. Однажды, они устроили состязание друг с другом в метании диска. Силы были равны, но Зефир решил помочь Аполлону победить в соревновании и сильно подул. Диск ударил в голову Гиацинта и смертельно его ранил.

Аполлон не позволил Аиду забрать в подземное царство своего юного друга, а из пролитой его крови создал цветок и назвал его гиацинтом. В память о своем друге Аполлон повелел проводить в Спарте трехдневный фестиваль Гиацинфии.

Ирис. Цветок ириса получил свое название в честь древнегреческой богини Ириды. Его лепестки, своим многоцветием напоминают крылышки этой богини – вестницы богов и посредницы между ними и людьми.

Как радуга соединяет небо и землю, так и Ирида связывала два мира, донося до людей волю Олимпийских богов. Ее крылышки переливаются всеми цветами радуги. Вторая версия связывает свое существование с мифом о Прометее, давшем людям огонь.

Вся природа возрадовалась этому дару, и на небесах вспыхнула радуга. Она сияла всю ночь, а на утро рассыпалась. Из ее осколков выросли ирисы, как символ спокойствия и надежды.

У других народов ирис также почитаем. У египтян он считался символом красноречия, у арабов – молчания и печали. У древних японцев один и тот же иероглиф обозначал название цветка и воинского духа. На Руси ирисы называли касатиками (милыми, желанными). В геральдике цветок ириса помещен на гербе Флоренции.

Роза. Образ розы один из самых распространенных мифопоэтических образов. В древности с образом розы связывали радость, тайну, тишину (латинское выражение «под розой» обозначало тайну), любовь, красоту, совершенство, изящество, радость, удовольствие, хвалу, блаженство, пышность, аромат, пламенность, гордость, мудрость, молитву славу. Вместе с тем символ розы в Греции, Риме, Китае и ряде германоязычных стран стал цветком, связанным со смертью, похоронами, захоронением царством. Древнеримские поэты Пиндар, Пропорций и Тибулл воспевают «Розу Елисейских полей». Роза может выступать как символ солнца, звезды. Образ розы есть во многих культурах мира. В древнем Риме, роза, прежде всего, связана с Венерой (по ряду версий она произошла из слез Венеры). У арабов роза является мужским символом, в еврейской каббале роза стала символом единства. В индийской мифологии роза упоминается в споре Брахмы с Вишну о цветах. В христианской культуре роза является атрибутом Иисуса Христа и многих святых, часто символизирует церковь. Как символ чувствительности роза очень популярна в средневековой любовной литературе и произведениях поэтов – символистов XIX – XX веков. В иранской литературе и искусстве традиционен мотив любви соловья и розы. Когда срывают розу, соловей вскрикивает, и она краснеет от крови влюбленного в нее соловья.

В мифологии существуют различные объяснения цвета розы и происхождения шипов. По одной версии, роза стала красной, когда на ее лепестки упала кровь с ноги Афродиты, уколоченной шипом розы во время поисков ею убитого Адониса. Другая версия говорит о том, что роза стала красной после поцелуя Евы, гуляющей по Эдему. С Купидоном связывают и еще одну версию – роза покраснела от капли вина, пролитого на нее Купидоном. С Купидоном связывают и происхождение шипов у розы. Вдыхая аромат розы, он был ужален пчелой, разгневавшись, он выстрелил стрелой, в розовый куст, где она превратилась в шип. По другой версии, происхождение шипов связано с Вакхом, который гнал за нимфой и оказался перед непреодолимой оградой из терний и приказал ей стать оградой из роз. Подобное предание имеется и у алгонских индейцев.

Литература:

1. *Веселовский А.Н.* Из поэтики розы. Избранные труды. М. : Гослитиздат, 1965. Т. 3. 572 с.
2. *Грейвс Р.* Мифы древней Греции. / Р. Грейвс; Пер. с англ. К.П. Лукьяненко; Под ред. и с послесловием А.А. Тахо-Годи. М. : Изд-во «Прогресс», 1992. 620 с.

Согласно раннехристианской традиции, до грехопадения роза не имела шипов, красный цвет объясняется кровью Христа, пролитой на кресте. Красные розы нередко связывают с огнем, известен мотив превращения пепла сожженных христианских мучеников в красные розы. Об этом повествует и иранская легенда о Заратуштре, которого уложили с целью умерщвления на горящее ложе, превратившееся в ложе из роз. Шипы розы в христианской традиции соотносили с терновым венцом. В мусульманской традиции образ белой розы – пот Мухаммеда, выступивший на его пути к небу и упавший на землю. В германской традиции роза принадлежит карликам, гномам, феям и находится под их защитой.

Символика различных видов розы и ее элементов многообразна. Красная роза – христианский символ земного мира, эмблема Афродиты, Венеры, восторг, стыдливость, желание, страсть, материнство, смерть, мученичество. Белая роза – чистота, девственность, духовность, тишина. Красная и белая роза – союз, единство. Гирлянда из роз – атрибут Эроса, Купидона, святой Цецилии, блаженная душа, небесная радость. Роза на кресте – смерть Христа. Шип – страдание, смерть, христианский символ греха. Роза без шипов – неблагодарность, венок из роз – награда за добродетель, золотая роза – символ небесного благословения и радости. Серебряная роза – жилище Брахмы, розетка розы – знак семи имен Аллаха в мусульманстве, в буддизме – знание, закон. Розовое дерево – убежище, приют [1, с. 132-139].

Таким образом, рассмотрев наиболее значимые культы растений в фольклоре и мифологии народов мира, можно сказать, что в них, при всем их многообразии, повторяется целый ряд тем и мотивов. Значительная роль диких и культурных растений в жизни человека делало их героями мифов и легенд. В народных представлениях растения, связывались, с идеей плодородия и жизни. Особенно ярко это проявилось у народов с развитыми земледельческими культурами. В народных представлениях растения зачастую одушевляются, воспринимаются как живые существа, со многими из них связаны разнообразные запреты, поверья и приметы. Некоторые растения в традиционном сознании связаны с разными духами, нечистой силой. Мифы и легенды отражают архаические представления человека о связи растений и человека: происхождении человека от растений и наоборот. Объектами мифов становятся не только сами растения, но и их части: листья, корни, плоды, цветы, ветки. Все они наделяются в народном сознании магической силой. Поэтому характерно частое использование растений в народных обрядах.

Literature:

1. *Veselovsky A.N.* From the poetics of the rose. Selected works. M. : Goslitizdat, 1965. Vol. 572 p.
2. *Graves R.* Myths of ancient Greece. / R. Graves; lane. K.P. Lukyanenko; Under Ed. and with the afterword of A.A. Tahoe-Godi. M. : Progress, 1992. 620 p.

3. *Зеленин Д.К.* Тотемы - деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М. – Л. : Академия наук СССР, труды института антропологии, археологии и этнографии Т. XV. В. 2 этнографическая серия 5 издательство Академии наук СССР, 1937. 78 с.

4. *Багрянородный К.* Об управлении империей (Древнейшие источники по истории народов СССР). М. : Наука, 1991. 496 с.

5. Повесть временных лет. Подгот. текста Д.С. Лихачева... М.Д. История русского летописания XI-XV вв., Л. : Азбука, 1940. 384 с.

6. *Фрейзер Дж.* Золотая ветвь / Дж. Фрейзер; Пер. с англ., М. : «Терра», 2001. Т. 1. 528 с.

3. *Selenin D.K.* Totems – trees in the legends and rites of European nations. M. – L: Academy of Sciences of the USSR, works of the Institute of Anthropology, Archaeology and Ethnography Vol. XV. 2 ethnographic series 5 publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1937. 78 p.

4. *Bagryanodny K.* On the management of the empire (Ancient sources on the history of the peoples of the USSR). M. : Science, 1991. 496 p.

5. A tale of time years. It's going to work. text by D.S. Likhachev... M.D. History of Russian Writings of the 11th and 15th centuries, L. : ABC, 1940. 384 p.

6. *Fraser J.* Golden Branch. M. : Terra, 2001. Vol. 1. 528 p.

Харсеева Наталья Вячеславовна
доктор философских наук,
профессор,
заведующая 6 кафедрой русского языка,
Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко
polina7-7@yandex.ru

Щербакова Елена Николаевна
преподаватель
6 кафедры русского языка,
Краснодарское
высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко
polina7-7@yandex.ru

Дубовцева Нина Валентиновна
библиотекарь,
библиотека им. Кедр Митрея,
пос. Игра
polina7-7@yandex.ru

Байстрюченко Дмитрий Андреевич
курсант,
Краснодарское высшее
Военное училище имени
генерала армии С.М. Штеменко
polina7-7@yandex.ru

Род Васнецовых: СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ (НА ПРИМЕРЕ СВЯЩЕНСТВА И ВОИНСТВА). ЧАСТЬ 1

■ ■ ■

Аннотация. Данная достаточно объемная публикация, представленная в двух частях, посвящена исследованию истории рода Васнецовых, представленных известными отечественными художниками, священнослужителями, военными, учеными, работниками здравоохранения, педагогами. Все они, в силу своих возможностей, внесли посильный вклад в дело, которому они посвятили свою жизнь. Как отмечают авторы публикации, они уделили внимание не только деятельности представителей этого рода в мирное время, но и в годы Первой мировой и Великой отечественной войн. Особого внимания, в контексте рубрики журнала, заслуживает вклад представителей этого рода в развитие отечественной культуры и патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: род Васнецовых, художественная интеллигенция, священнослужители, военные, культурный след, духовно-культурное и военно-патриотическое воспитание молодежи.

■ ■ ■

Natalia V. Harseeva
Doctor of Philosophy,
Professor,
Head of the 6th Department
of the Russian Language,
Krasnodar Higher Military School
named after Army General S.M. Shtemenko
polina7-7@yandex.ru

Elena N. Shcherbakova
Teacher 6 departments
of the Russian Language,
Krasnodar Higher Military School
named after Army General S.M. Shtemenko
polina7-7@yandex.ru

Nina V. Dubovtseva
Librarian,
Cedar Mitrey Library,
village Igra,
polina7-7@yandex.ru

Dmitry A. Baystrichenko
Cadet,
Krasnodar Higher Military School
named after Army General S.M. Shtemenko
polina7-7@yandex.ru

THE VASNETSOV FAMILY: SERVICE TO THE FATHERLAND (IN THE EXAMPLE OF THE PRIESTHOOD AND MILITARY). PART 1

■ ■ ■

Annotation. This rather large publication, presented in two parts, is devoted to the study of the history of the Vasnetsov family, presented by well-known domestic artists, clergy, military, scientists, health workers, teachers. All of them, by their means, have contributed to the cause to which they have devoted their lives. As the authors of the publication note, they paid attention not only to the activities of this kind in peacetime, but also during the First World War and the Great Patriotic War. Special attention, in the context of the magazine's column, deserves the contribution of representatives of this kind in the development of the national culture and patriotic education of young people.

Keywords: Vasnetsov's family, artistic intelligentsia, clergy, military, cultural trace, spiritual-cultural and military-patriotic education of young people.

■ ■ ■

В феврале 2020 года, в день празднования очередной годовщины Дня защитника Отечества, в стенах Высшего орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменного военного училища им. генерала армии С.М. Штеменко прошла публичная лекция, посвященная роду Васнецовых. Адресованная курсантам история известной на весь мир фамилии оказалась интересной по ряду причин:

- во-первых, в числе профессорско-преподавательского состава 6 кафедры русского языка (заведующий кафедрой доктор философских наук, профессор Н.В. Харсеева), которая выступила в качестве инициатора обозначенного мероприятия, находится потомок семьи Васнецовых – Елена Николаевна Кузнецова (в замужестве Щербаква);

- во-вторых, на протяжении четырех столетий помимо художников род Васнецовых знаменит воинами и священниками, которые каждый на своем поприще служили и продолжают служить во славу Отечеству. Помимо упомянутых Виктора и Аполлинария Васнецовых, в этом ряду назовем иллюстратора детских сказок Юрия Васнецова, а также его дочь Елизавету Васнецову;

- наконец, в-третьих, на кубанской земле род Васнецовых оставил свой культурный след, который опознается как прямо, так и косвенно на примере следующих фактов:

1) в Краснодаре есть улица им. В.М. Васнецова;

2) согласно источникам, В.М. Васнецов неоднократно бывал в нашем крае, а весной 1900 года – вместе с А.П. Чеховым и А.М. Горьким [1, с. 53];

3) как свидетельствует краевед А.В. Селиверстов, один из самых древних храмов на Кубани, расположенный недалеко от набережной реки Кубань, – Троицкий – по инициативе казачества был расписан в стиле В.М. Васнецова. Для этого в Краснодар был приглашен некто Н.М. Сафонов, который представлял собой школу Васнецова. «В декабре 1907 года для написания икон иконостаса и внутренней росписи храма (первого в Кубанской области с расписанными стенами вместо икон) был приглашен мастер из Московской мастерской иконописи и живописи Н.М. Сафонов, представлявший школу выдающегося русского живописца В.М. Васнецова и в 1888–1895 годах принимавшего участие в росписи московского Благовещенского собора, а для постройки иконостаса – также московский мастер Стрелков. Общая цена работы ...оценивалась в 27 тысяч рублей» [2, с. 116];

4) в Городском парке, в, так называемом, старом центре Краснодара, установлен памятник революционной молодежи, отстаивающей свои идеалы. Центральной деталью памятника стала буденовка – головной убор революционера, в разработке которого принимал участие и В.М. Васнецов (нетрудно заметить, что форма буденовки повторяет форму богатырского шлема);

5) первым иллюстратором пьесы «Кошкин дом», которая была написана С.Я. Маршаком для екатеринодарских (Екатеринодар – прежнее название города Краснодара) беспризорников, чьим воспитанием Самуил Яковлевич занимался в начале XX века, выступил Юрий Алексеевич Васнецов;

6) дочь Юрия Алексеевича Васнецова – Елизавета Юрьевна – была замужем за Виктором Федоровичем Стеблянским, прадед которого имел свои мануфактуры на Кубани. Сам Виктор Федорович был выпускником Краснодарского художественного училища, некоторое время в нем работавшим;

7) Краснодарский художественный краевой музей им. Ф.А. Коваленко музей располагает подлинниками карандашных набросков и картин художников Васнецовых – Виктора Михайловича, Аполлинария Михайловича, Юрия Алексеевича и Елизаветы Юрьевны в количестве 9 единиц хранения. Речь идет о следующих работах:

- карандашный набросок «Голова старика»;

- карандашный набросок «Сошествие в ад», который был использован при росписи одного из храмов города Гусь-Хрустальный;

- пять иллюстраций к сказкам «Три медведя» и «Кошкин дом» Юрия Кузнецова;

- две картины Елизаветы Васнецовой.

8) в черноморском поселке Кабардинка (Краснодарский край) силами архитектора и скульптора Алексея Ивановича Алексеева создан Старый парк, на территории которого расположен Дом искусств (Русский дом). Как свидетельствует искусствовед С.Л. Дмитриева, национальная тематика внешнего облика Дома опознается в декоративных фронтонах и козырьках, относящихся к неорусскому стилю времени модерна, отсылающих нашу память к Третьяковской галерее (1904), которая была возведена по проекту В.М. Васнецова, потому вполне закономерным видится тот факт, что пространство вокруг здания Русского дома занимают три конные статуи богатырей¹ – героев древнерусских былин, эталонное изображение которых было представлено на картине В.М. Васнецова «Богатыри». Справа от парадного входа в Русский дом расположен Илья Муромец, а задний торцовый фасад охраняют Добрыня Никитич и Алёша Попович. Как и на картине Виктора Михайловича, кони под стать своими всадниками: крепкие и кряжистые. Помимо этого, согласно замыслу Алексея Ивановича, неподалеку от богатырей будет обустроен водоем, на его берегу посетители парка смогут увидеть Аленушку, прообразом которой стала одноименная картина В.М. Васнецова. Данная информация была представлена С.Л. Дмитриевой в рамках всероссийской конференции с Международным участием «Современные аспекты диалога литературы, музыки и

¹ В качестве материала А.И. Алексеев использует искусственный известняк.

изобразительного искусства в пространстве западноевропейской и отечественной музыкальной культуры», которая проходила на базе Краснодарского государственного института культуры 30 ноября 2020 года.

Безусловно, все это не могло не вызвать интерес со стороны курсантов, тем более, каждый из нас надеется на то, что его собственная жизнь, навсегда связанная с военной службой, когда-то станет предметом гордости наших детей, внуков и правнуков. Именно поэтому на очередном заседании ВНОКа (Военного Научного Общества Курсантов) мы решили заняться изучением истории рода Васнецовых, чье служение связано с городом Краснодаром. Разработав план работы, мы определили ряд задач, решение которых потребует не только сил, но и времени. Так, помимо научных статей, освещающих результаты наших поисков, мы сочли необходимым сосредоточиться на следующих моментах:

– написать сценарий и создать на его основе учебный видеоролик «Васнецовский след на Кубанской земле»;

– оформить запрос в Центральный государственный архив города Краснодара и архив Краснодарского художественного училища по вопросу истории фамилии Стеблянских;

– осуществить переписку с членами фамилии Васнецовых, подлинники чьих работ хранятся в Краснодарском краевом художественном музее им. Ф.А. Коваленко. На сегодняшний день у нас на руках имеется адрес и телефон дочери Юрия Алексеевича Васнецова, Елизаветы Юрьевны Васнецовой (1937 г.р.), проживающей в городе Санкт-Петербурге;

– выступить перед командованием училища с инициативой:

– открыть в музее Краснодарского высшего краснознаменного орденов Жукова и Октябрьской Революции военного училища им. генерала армии С.М. Штеменко экспозиции «Васнецовы: священство и воинство»;

– осуществить роспись часовни, фундамент которой заложен на территории Краснодарского высшего краснознаменного орденов Жукова и Октябрьской Революции военного училища им. генерала армии С.М. Штеменко, в стиле художника В.М. Васнецова с обязательным использованием двух карандашных набросков художника, хранящихся в Краснодарском краевом художественном музее им. Ф.А. Коваленко. Речь идет о работах «Голова старика» и «Сошествие в ад»;

– взять шефство над улицей В.М. Васнецова, облагородив ее за счет высадки липовой аллеи – семейного дерева рода Васнецовых¹;

¹ Специально заметим, что в последние дни 2020 года обозначенные инициативы были поддержаны начальником училища генерал-майором Игорем Валентиновичем Шпырней.

– провести среди курсантов училища конкурс письменных работ на тему «История моей фамилии в контексте истории России»;

– установить памятную табличку на доме, где жил подполковник Н.А. Кузнецов, по адресу ул. Мира, д. 35;

– провести среди курсантов училища конкурс на лучший эскиз памятной таблички, которую мы планируем установить на доме, где жил подполковник Н.А. Кузнецов.

Объект исследования - род Васнецовых, представленный священниками и воинами. Предмет исследования - потомки рода Васнецовых, проживающие на кубанской земле.

Цель исследования - заполнить лакуны, связанные с историей рода Васнецовых, оставивших свой культурный след в истории России. Для достижения обозначенной цели потребовалось решение следующих задач:

1) выявить точки соприкосновения между священством и воинством;

2) реконструировать жизнь и судьбу кадрового военного подполковника Кузнецова Николая Алексеевича – потомка рода Васнецовых, проживавшего с семьей в г. Краснодаре;

3) собрать сведения, касающиеся близких родственников Николая Алексеевича Кузнецова, проживающих на территории России и за ее пределами.

Методология исследования.

В качестве методов исследования были использованы:

– метод лингвистической реконструкции культуры;

– метод анализа словарных дефиниций, а также культурологический подход, раскрывающий специфику культурных традиций, отвечающих менталитету российского народа.

Основная часть.

Взаимодействие воинства и священства как опыта служения Отечеству имеет глубокие исторические корни. С древних времен Русская Православная Церковь заботилась о духовно-нравственном воспитании воинов, а в самые решительные моменты совершала свой духовный и ратный подвиг. Не случайно поэтому, в церковном языке слово «воин» имеет особое значение. Речь идет о том, что при богослужении в момент поминания живых и усопших, только к именам военнослужащих прилагается их статус: воин. Все остальные миряне называются исключительно по имени. Знаменательно, что на портале Славянской Академии духовного развития смысл слова воин раскрывается следующим образом: «Воин – ... человек, посвятивший свою жизнь защите своей чести и достоинства, благополучия своей семьи, народа и рода» [3]. При

этом собственно честь предстает синонимичной таким понятиям, как благородство, достоинство, честность, порядочность, уважение, слава, любовь [4; 5].

Еще более интересным оказывается рассмотрение слова воин в аспекте древнеславянского языка:

- В - ведать;
- О - Он (Бог, Всевышний Род);
- И - соединение;
- Н - наше, т.е. то, что было известно предкам.

В итоге получается, что воин – это человек, ведающий бога и владеющий знанием предков. Косвенным свидетельством допустимости подобной трактовки интересующего нас понятия может служить то обстоятельство, что среди почитаемых русской православной церковью святых – много воинов. В их числе:

- Феодор Стратилат;
- Димитрий Солунский;
- Георгий Победоносец;
- святые благоверные князя Александр Невский и Димитрий Донской;
- святые князя страстотерпцы Борис и Глеб;
- князя Михаил и Глеб Черниговские и многие другие.

Традиция освящения русского воинства связана с именем Владимира Мономаха. Именно он ввел необходимость исповедоваться и причащаться воинам, выступающим в поход, что способствовало их мужеству и готовности жертвенного служения Отечеству. Однозначно выраженная позиция Церкви, была поддержкой в сражении Александра Невского против рыцарей Ливонского ордена, а также Куликовской битвы, перед которой князь Московский Дмитрий получил благословение от Сергия Радонежского, игумена земли Русской. В свою очередь, следуя совету Сергия Радонежского, Дмитрий Донской постановил совершение ежегодного поминовения воинов, время которого связывалось с первой субботой, наступающей после 26 октября, вследствие чего, такую субботу стали называть Дмитриевой. Такова история возникновения обычая совершать в Дмитриевскую субботу чин поминовения «о православных воинах и обо всех, за веру и Отечество на поле брани убиенных» [6]. Знаменательно, что в числе святоотеческой литературы есть образцы пастырских посланий к полководцам. Одно из них, обращенное к царю Иоанну Грозному, было написано в 1552 году святителем Макарием Московским. В своем слове Макарий Московский увещевает царя: «Со всем своим христоролюбивым воинством хорошо, храбро и мужественно подвизаться с Божией помощью за святые Божии церкви и за всех православных христиан – против супостат твоих...

изменников и отступников, всегда проливающих кровь христианскую и оскверняющих, и разоряющих святые церкви» [7].

Проявляя заботу о своей пастве, святитель просит Иоанна Грозного пребывать с «христоролюбивым воинством в чистоте и покаянии и в прочих добродетелях». Помимо этого, Макарий Московский пишет, что «если случится кому из православных христиан на той брани до крови пострадать за святые церкви и за святую веру христианскую и за множество людей православных и потом живым быть, и те поистине пролитием своей крови очистят прежние свои грехи» [8]. В свою очередь, в лютые для России годы предшественники верховной светской власти также обращались к русской православной церкви с просьбой о защите. В частности, когда в 1812 году на территорию России вторглась армия Наполеона численностью более 600 тысяч воинов, был подписан манифест, с которым император Александр I обратился к народу: «... Святейший Синод и Духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ русский! Соединитесь все со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют!» [9].

Большой отклик получил тогда призыв императора в сердцах духовенства. В книге «Вятский род Васнецовых» о Козьме Ивановиче Васнецове, благочинном Богородицкого благочиния, говорится, что, благодаря личному энтузиазму Козьмы Ивановича, на нужды войны 1812 года и на обеспечение вятского ополчения Богородским благочинием сделаны самые большие 11 денежные и натуральные вклады, за что он был удостоен именной медали. Увлеченные же патриотизмом Козьмы Ивановича ушли добровольцами в Вятское ополчение его двоюродные родственники – кстининские причетники, Алексей Васнецов и Аким Васнецов [10]. «За Веру, Царя и Отечество» – известный лозунг, который в начале Первой мировой войны имел огромное значение для каждого русского солдата, отражая высокую воинскую дисциплину и то, что русский воин не предполагает своего существования без веры [11]. Глубокая вера в Бога жителей России того времени, военнотружущих, в том числе, давала возможность воспитывать у них любовь к Отечеству. Наиболее сильно чувство веры проявлялось в человеке в момент, когда он находился на грани жизни и смерти. Из этого следует, что военное духовенство оказывало большое влияние на русскую армию.

Говоря о взаимодействии русской православной церкви и православного воинства, нельзя не затронуть вопрос о веротерпимости, не утрачивающий своей актуальности и по сей день. Так, например, в начале XVII века – времени создания в России воинских частей по образцу западной Европы, в армии оказалось значительное количество католиков и протестантов. При этом инославные и иноверные воины не только доблестно сражались в многочисленных войнах, которые приходилось вести России, но и достигали высших командных постов. В целях предотвращения оскорбления их религиозных чувств,

для неправославных воинов изготавливались специальные награды. На орденах, георгиевских крестах и медалях вместо изображения или вензеля святого изображали российский герб – двуглавого орла. Интересно, что перед Первой мировой войной в каждом военном округе наблюдалось присутствие следующих представителей духовенства:

- священника;
- муллы;
- ксендза;
- раввина.

Неукоснительное соблюдение веротерпимости и уважения ко всем религиям было закреплено и на уровне воинских уставов. Например, Устав внутренней службы 1910 года требовал от командира полка:

- 1) устанавливать порядок «отправления в церкви своих исповеданий неправославных нижних чинов»;
- 2) «в дни совершаемого по их вере и обрядам особого богослужения» освобождать их от занятий и, по возможности, от нарядов [6].

В данном контексте весьма примечательна роль православного духовенства по предотвращению конфликтов и распрей, связанных с религиозными чувствами иноверцев. «Усердно прошу духовенство действующей армии избегать по возможности всяких религиозных споров и обличений иных вероисповеданий, – указывал военным пастырям протопресвитер, – подвизающееся на бранном поле духовенство имеет возможность подтверждать величие и правоту православной Церкви не словом обличения инаковерующих, а делом христианского самоотверженного служения, как православным, так и инославным, памятуя, что и последние проливают кровь за Веру, Царя и Отечество» (циркуляр № 737 от 03 ноября 1914 года, с. 35)¹ [12, с. 47].

Известно немало фактов, когда священники добровольно с оружием в руках шли защищать свое Отечество. Однако в 1915 году Святейшим Синодом подобные действия оказались под запретом. Согласно «... 83-му апостольскому правилу и 7-му определению IV Вселенского собора священнослужителям и монахам запрещено участвовать в военных действиях с оружием в руках. Согласно правилам, священник, убитый на войне, не мог продолжать священническую службу» [13]. В обязанности каждого военного священника входило «ограждать воинских чинов от вредных учений, искоренять в них суеверия, исправлять нравственные их недостатки, увещевать, по поручению Полкового Командира, по-

рочных нижних чинов, а также предотвращать отступления от Церкви и заботиться об утверждении воинских чинов в вере и благочестии» [14]. Кроме того, военный священник должен был внушить воинам верность, преданность и возможность пожертвовать собой за государя императора, воспитать их «в духе непоколебимой преданности вере, беспрекословного повиновения начальству» [15]. Священники участвовали в поддержании высокой воинской дисциплины в войсках.

Как писал священник о. Георгий Шавельский – последний Главный армейский священник: «Священник обязан поддерживать и воспитывать в воинах веру, правду и праведность, долг и честь. Его средства: богослужение, книга и проповедь, беседа и личный пример» [16].

Таким образом, военный священник должен был внушить воинам верность, преданность и возможность пожертвовать собой за государя императора, воспитать их «в духе непоколебимой преданности вере, беспрекословного повиновения начальству» [17]. Священники участвовали в поддержании высокой воинской дисциплины в войсках, отвечая также за погребение павших воинов и передачу информации об их гибели родным и близким.

Участие представителей священнического рода Васнецовых в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) также выразилось не только в поддержке словом и сборе средств и вещей для фронта, молитвенном предстоянии, но и непосредственно на полях сражений. Так, в материалах Государственного архива Кировской области сохранилось прошение воспитанника 5-го класса Вятской духовной семинарии, Ивана Васильевича Васнецова, в правление семинарии от 02 ноября 1914 года с просьбой уволить его из числа воспитанников семинарии для поступления в военное училище, и согласно доношению ректора о помощи воспитанников семинарии действующей армии в Первой мировой войне, он был отчислен из семинарии для поступления в военное училище [18; 19].

Сын известного на Игринской земле (бывшая Вятская губерния) священнослужителя-просветителя Николая Федоровича Васнецова, Василий Николаевич Васнецов (1895–1915), церковник при церкви Трудолюбия в г. Вятке, также ушел добровольцем на фронт, а в 1915 году погиб [20]. Сын знаменитого художника Виктора Михайловича Васнецова, Михаил Викторович Васнецов (1884–1972), стал на фронте командиром роты для подготовки бойцов, а после войны выбрал иной путь служения, оказавшись, таким образом, последним священнослужителем рода [21]. В 1917 году, после начала революции, в истории Русской Православной Церкви наступили тяжелейшие времена. Еще во время гражданской войны было расстреляно множество священнослужителей, церкви разграблены и разрушены.

В начале Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 года, Церковь обозначила свою

¹ Накануне Первой мировой войны из числа генералов и полковников 85 % составляли православные, 15 % – мусульмане, лютеране, армяно-грегорианцы. Среди нижних чинов 75 % были православными, 2 % – мусульманами, 9 % – католиками, 1,5 % – лютеранами [6].

позицию в том, что она не останется в стороне от народа. За все время войны глава Русской Православной Церкви митрополит Московский и Коломенский, Сергей (Страгородский), 24 раза обращался к народу с патриотическими посланиями, что не оставило равнодушными и других деятелей Церкви, таких как святитель Лука и епископ Пимен. Но и теперь Церковь не оставила своей паствы, разделив с ним все тяготы войны. Священники, миряне, епископы и другие представители Церкви оказывали поддержку, совершая свой подвиг на оккупированных территориях, глубоко в тылу и на линии фронта. Как известно, в начале войны многие священнослужители находились в лагерях, тюрьмах и ссылках; те же, кому удалось оттуда вернуться, были призваны на фронт.

К середине войны государством были восстановлены отношения с Русской Православной Церковью. 04 сентября 1943 года Сталин встретился с ее руководством, в результате было принято решение об освобождении священников и архиереев из ссылок, лагерей и тюрем, а также, об открытии церквей и совершении свободного богослужения. К тому же, Патриархом Русской Православной Церкви был избран митрополит Сергей (Страгородский), после смерти которого, новым главой Церкви стал митрополит Алексей (Симанский); при нем верующие встретили Победу в войне. Важно отметить, что в период Великой отечественной войны потомки доблестного рода Васнецовых воевали вместе со всем советским народом на фронтах Великой отечественной войны (1941-1945), участвовали в народном ополчении, трудились на заводах, как, например, внуки священнослужителя-просветителя Николая Федоровича Васнецова (1867-1940): Николай, Виктор, Василий.

Николай Алексеевич Кузнецов (1922-2008), старший внук Николая Федоровича Васнецова (1867-1940). Его отец – Кузнецов Алексей Васильевич (1898-1949), начальник почты; мать – Васнецова (в замужестве Кузнецова) Мария Николаевна (1899-1983), учительница [22]. После окончания кезской средней школы в 1939 году поступил на исторический факультет Кировского государственного педагогического 14 института им. В.И. Ленина. По окончании первого курса был призван в Красную армию. Окончив читинскую школу младших авиаспециалистов (06.1940-05.1941), сначала был направлен на Юго-Западный фронт, образованный на юго-западном направлении на основании приказа НКО СССР от 22 июня 1941 года на базе Киевского Особого военного округа в составе 5, 6, 12 и 26-ой армий. В дальнейшем в него входили 3, 9, 13, 21, 28, 37, 38, 40, 57, 61, 8-ая воздушные армии. 12 июля 1942 года Юго-Западный фронт был расформирован. Действовавшие в его составе 9, 28, 29, 57 армии были переданы Южному фронту, а 21 армия и 8 воздушная армия – Сталинградскому фронту. Юго-Западный фронт второго формирования создан 25 октября 1942 года в составе 21-й, 63 (1-й гвардейской, затем – 3-й гвардейской), 5-й танковой и 17-й воздушной армий. В последующем в его состав входили 5-я ударная, 6, 12, 46, 57, 62 (8-я гвардейская),

3-я танковая и 2-я воздушная армии. 20 октября 1943 года фронт переименован в 3-й Украинский фронт [23]. Н.А. Кузнецов участвовал в обороне Киева в качестве авиамеханика 150-го ближнебомбардировочного авиационного полка, сформированного в 1938 году [24].

В составе 451-го штурмового авиационного «Каменец-Подольского» ордена Богдана Хмельницкого 2 степени полка принимал участие в боях в районе городов:

- Осташково,
- Селижарово Калининской области (05.1941-07.1942).

В марте 1942 года 150-ый ближнебомбардировочный авиационный полк был преобразован в 451-й штурмовой авиационный полк и находился в строю с марта 1942 года по 1946 год [24]. После обучения в воздушно-десантном училище им. Красной Армии в г. Москве (07.1942-05.1943) Николай Алексеевич воевал на Северо-Западном, 3-ем Украинском фронтах. Северо-Западный фронт был создан 22 июня 1941 года на базе Прибалтийского военного округа и действовал в 1941-1943 годах. Первоначально в состав Северо-Западного фронта вошли 8, 11, 27-ая армии, позднее также 1, 3, 4-я ударные армии, 22, 34, 48, 53, 68-я армии, 1-я танковая армия, 6-я воздушная армия. 20 ноября Северо-Западный фронт был расформирован, и на его основе создан Первый Прибалтийский фронт [25]. 3-ий Украинский фронт был сформирован на юго-западном направлении 20 октября 1943 года на основании приказа Ставки ВГК от 16 октября 1943 года путем переименования Юго-Западного фронта. Включал в свой состав управление (штаб), 1, 8-ю гвардейские армии, 6, 12, 46-ю армии и 17-ю воздушную армию. В последующем в него входили 5-я ударная, 4 и 9-я гвардейские армии, 26, 27, 28, 37, 57-я армии, 6-я гвардейская танковая армия, 1, 2, 4-я болгарские армии. В оперативном подчинении 3-го Украинского фронта находилась Дунайская военная флотилия ВМФ ВС СССР. 15 июня 1945 года, по демобилизации СССР, на основании директивы Ставки ВГК от 29 мая 1945 года 3-ий Украинский фронт был расформирован, 15 полевое управление фронта реорганизовано в управление Южной группы войск [26].

В 1943 году 6-я воздушно-десантная бригада, сформированная из личного состава 234-й стрелковой дивизии в г. Первомайске УССР [27], принимала участие на Карело-Финском направлении, освобождая г. Лодейное поле, форсируя реку Свирь, и далее вела бои по направлению г. Петрозаводска (Николай Алексеевич участвовал в качестве инструктора по укладке парашютов), но была отозвана на переформирование в г. Ногинск Московской области. 23 декабря 1943 года на базе 6 гвардейской (1-го формирования), 13, 16-й гвардейских воздушно-десантных бригад была сформирована 14-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. Гвардейское звание дивизии дано сразу при формировании в Московской области. 19 января 1944 года Приказом

НКО № 003 от 19.01.1944 14-я гвардейская воздушно-десантная дивизия (1-го формирования) переформированная в 99 гвардейскую стрелковую дивизию (1-го формирования), принимала участие в Свирско-Петрозаводской операции как обычная стрелковая дивизия.

За боевые заслуги дивизия удостоена почетного наименования «Свирская». Затем, 99 гвардейская стрелковая дивизия (1-го формирования) переформировывается в 99 гвардейскую воздушно-десантную дивизию по штату гвардейской воздушно-десантной дивизии к 19.08.1944 года в районе города Орша (по Постановлению ГКО № 6351 от 09.08.1944) в составе 37-го корпуса вместе с 98 и 100 гвардейской воздушно-десантной дивизией. А 29.12.1944 – 05.01.1945 гг. 99 гвардейская вновь переформирована в 99 гвардейскую стрелковую дивизию (2-го формирования) в Белорусском военном округе (по Приказу Ставки ВГК № 0047 от 18.12.1944). В августе 1945 года 99 гвардейская стрелковая дивизия (2-го формирования) переброшена в Забай-

калье. Награждена орденом Кутузова 2 степени [28].

С 1944 по 1945 годы дивизия в составе 9 воздушно-десантной армии освобождала Венгрию и Австрию. Николай Алексеевич участвовал в качестве начальника склада горюче-смазочных материалов дивизии в разгроме 11 танковой немецкой дивизии (11.Panzer-Division), сформированной 01 августа 1940 года на базе 15-го танкового полка, переданного из 5-й танковой дивизии, и была включена в XV моторизованный корпус 12-й армии в Польше; в начале 1941 года вместе с армией направлена в Румынию и Болгарию для подготовки вторжения в Югославию [28] под Балатоном, во взятии городов:

- Кесег,
- Вена,
- Берендорф и ряда других городов Венгрии и Австрии (05.1943-08.1946).

Литература:

1. *Мирный И.А.* Имя в истории, история в имени. Пятигорск : Изд-во Картиаформ, 2004. 160 с.

2. *Селиверстов А.В.* Все храмы города. Краснодар : Традиция, 2014. 336 с.

3. URL : <http://www.yahealthy.info/e/slavyanskijblog/drevne-slavyanskaya-bukvica/perevod-slavyanskikh-slov/vojn-pojasnenie-iraskrytie-obraza-na-osnove-drevne-slavyanskoy-bukvicy> (дата обращения 08.13.2020). Текст электронный.

4. *Орехова Е.С.* Воинская честь (опыт этимологического анализа) / Е.С. Орехова // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп : АГУ, 2020. С. 69-74. (Филология и искусствоведение; Вып. 3).

5. *Орехова Е.С.* Понятие воинской чести в российской армии / Е.С. Орехова; Под общ. ред. проф. И.В. Кочубея; Проф. Н.В. Харсеевой // Ad rupturam. У разрыва: сб. материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социогуманитарного знания: вчера, сегодня, завтра» (г. Краснодар, 4-6 марта 2020 г.). Краснодар : ИП Магарин О.Г., 2020. С. 62-65.

6. *Язынина Т.Ю.* Православные традиции офицерского состава Российской Армии: культурологический анализ: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры / Т.Ю. Язынина. Краснодар, 2010. 194 с. URL : <https://www.dissercat.com/content/pravoslavnyetraditsii-ofiterskogo-sostava-rossiiskoi-armii-kulturologicheskii-analiz> (дата обращения 27.09.2020).

7. *Пушкарев С.Г.* Роль Православной Церкви в истории русской культуры и государственности / С.Г. Пушкарев. New-York : Possev-USA, 1985. 123 с.

Literature:

1. *Mirny I.A.* Name in history, history in the estate. Pyatigorsk : Publishing House of Karthaform, 2004. 160 p.

2. *Seliverstov A.V.* All temples of the city. Krasnodar : Tradition, 2014. 336 p.

3. URL : <http://www.yahealthy.info/e/slavyanskijblog/drevne-slavyanskaya-bukvica/perevod-slavyanskikh-slov/vojn-pojasnenie-iraskrytie-obraza-na-osnove-drevne-slavyanskoy-bukvicy> (дата обращения 08.13.2020).

4. *Orekhova E.S.* Military Honor (experience of etymological analysis) / E.S. Orekhova // Bulletin of Adygea State University. Maykop : AGU, 2020. P. 69-74. (Philology and art history; Iss. 3).

5. *Orekhova E.S.* The concept of military honor in the Russian army / E.S. Orekhova // Ad rupturam. At the break: sb. materials of the International Scientific and Practical Conference «Current Problems of Sociohumanitary Knowledge: Yesterday, Today, Tomorrow» (Krasnodar, March 4-6, 2020) / under the General Editor. prof. I.V. Kochubey, prof. N.V. Kharseeva. Krasnodar : IP Magarin O.G., 2020. P. 62-65.

6. *Yazynina T.Yu.* Orthodox traditions of officers of the Russian Army: cultural analysis : dis.....cand. of cultural studies: 24.00.01 – Theory and History of Culture / T.Yu. Pagan. Krasnodar, 2010. 194 p. URL : <https://www.dissercat.com/content/pravoslavnyetraditsii-ofiterskogo-sostava-rossiiskoi-armii-kulturologicheskii-analiz> (дата обращения 27.09.2020).

7. *Pushkarev S.G.* The Role of the Orthodox Church in the History of Russian Culture and Statehood. New-York : Possev-USA, 1985. 123 p.

8. *Полохов Д.* Нравственно-патриотическое воспитание в вооруженных силах на основах православной христианской веры : дис. ... канд. богословия. М. : МДА, 2000. 181 с.
9. Высочайший манифест Александра I о вторжении Наполеона 06 июля 1812 г. ГАПО Ф 328 оп. 1. № 80.
10. *Виноградов О.Н.* Вятский род Васнецовых: исследование. Киров : Частный издатель А.А. Михеев, 1998. 120 с.
11. *Утигенова А.Р.* Военное духовенство на фронтах Первой Мировой Войны / А.Р. Утигенова // Наследие предков – молодым. 2014. URL : <https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1531-voennoe-dukhovenstvo-na-frontakh-pervojmirovoj-voynu> (дата обращения 01.11.20).
12. *Рыжов Л.Г.* Институт военных священников: Опыт отечественной истории и современная практика / Л.Г. Рыжов // Религиозно-этические аспекты воспитания военнослужащих: Материалы международного семинара, состоявшегося в Международном независимом Эколого-политологическом университете 27 (МНЭПУ) в июне 1997 года. М. : Изд-во МНЭПУ, 1998. С. 37-45.
13. *Карпов К.Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX века. Справочные материалы. М. : «Летопись», 2008. 752 с.
14. Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : (с 01 марта 1881 года по 1913 год) : в 33-х т. – Санкт-Петербург; Пг. : Гос. тип., 1885-1916. – Т. 10 (1890 г.). Ч. 1: Законы (6505-7339).
15. *Поляков Г.* Военное духовенство России М. : ТИИЦ, 2002. 536 с.
16. *Шавельский Г.* Служение священника на войне. / Г. Шавельский, С. Коломнин // Orientir. № 5. Май, 2010. С. 71-75.
17. *Щербакова Е.Н.* Культурологический анализ жизни и деятельности Николая Васнецова – представителя древневятского рода Васнецовых, священников, учителей, художников / Е.Н. Щербакова // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 4(45). С. 451-453.
18. ГАКО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 2072. Л. 18.
19. ГАКО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 2072. Л. 34, 34 об.
20. *Щербакова Е.Н.* Культурологический анализ жизни и деятельности Николая Васнецова – представителя древневятского рода Васнецовых, священников, учителей, художников / Е.Н. Щербакова // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 4(45). С. 451-453.
21. *Щербакова Е.Н.* Род Васнецовых, священников и воинов, сквозь призму проекта «Васнецовские символы вечности» / Е.Н. Щербакова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 05. С. 30-33.
8. *Polokhov D.* Moral and patriotic education in the armed forces on the basis of the Orthodox Christian faith : dis cand. of theology. M. : MDA, 2000. 181 p.
9. The highest manifesto of Alexander I on the invasion of Napoleon on July 6, 1812. GAPO F 328 op. 1 № 80.
10. *Vinogradov O.N.* Vyatsky family Vasnetsov: research. Kirov : Private publisher A.A. Mikheev, 1998. 120 p.
11. *Utigenova, A.R.* Military clergy on the fronts of the First World War / A.R. Utigenova // Legacy of ancestors – young. 2014. URL : <https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1531-voennoe-dukhovenstvo-na-frontakh-pervojmirovoj-voynu> (date of application 01.11.20).
12. *Ryzhov L.G.* Institute of Military Priests: Experience of Russian History and Modern Practice / L.G. Ryzhov // Religious and Ethical Aspects of Military Education: Materials of an International Seminar Held at the International Independent Ecological and Political University 27 (MNEPU) in June 1997. M. : Publishing House of M, 1998. P. 37-45.
13. *Karpov K.G.* A memorial book of the Russian military and naval clergy of the XIX – early XX centuries. The text is direct.
14. The complete Collection of Laws of the Russian Empire: The third Collection : (From March 1, 1881 to 1913) : In 33 vol. St. Petersburg; Pg. : State type., 1885-1916. Vol. 10 (1890). Part 1: Laws (6505-7339).
15. *Polyakov G.* Military clergy of Russia. M. : TIITS, 2002. 536 p.
16. *Shavel'sky G.* The ministry of the priest in the war / G. Shavel'sky, S. Kolomnin // Orientir. № 5. May, 2010. C. 71-75.
17. *Shcherbakova E.N.* Cultural analysis of the life and work of Nikolai Vasnetsov-a representative of the ancient Vyatka family of the Vasnetsovs, priests, teachers, artists / E.N. Shcherbakova // Mission of confessions. Vol. 9. № 4(45). – 2020. P. 451-453.
18. GAKO. F. 215. Op. 1. D. 2072. L. 18.
19. GAKO. F. 215. Op. 1. D. 2072. L. 34, 34 vol.
20. *Shcherbakova E.N.* Cultural analysis of the life and activities of Nikolai Vasnetsov - a representative of the ancient Vastnetsov clan, priests, teachers, artists / E.N. Shcherbakov // Mission of faiths. 2020. Art. 9. № 4(45). P. 451-453.
21. *Shcherbakova E.N.* Rod Vasnetsov, priests and warriors, through the prism of the project «Vasnetsovsky symbols of eternity» / E.N. Shcherbakova // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition. 2020. № 05. P. 30-33.

22. *Щербакова Е.Н.* Культурологический анализ жизни и деятельности Марии Васнецовой, представителя древневятского рода Васнецовых, священников, учителей, художников / Е.Н. Щербакова // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3. С. 295-298.

23. URL : ru.m.wikipedia.org (дата обращения 18.10.2020).

24. URL : proza.ru (дата обращения 22.12.2020).

25. URL : megabook.ru>article/Северо-Западный фронт (дата обращения 23.12.2020).

26. URL : divizia-rkka.ru/3-й Украинский фронт (дата обращения 18.10.2020).

27. URL : rkkawwii.ru > division/6vdbrf1 (дата обращения 11.05.2020).

28. URL : wiki2.org>ru/99-я гвардейская стрелковая дивизия (дата обращения 13.02.2020).

22. *Shcherbakova E.N.* Cultorological analysis of the life and activities of Maria Vasnetsova, a representative of the ancient Vyatka family Vasnetsov, priests, teachers, artists / E.N. Shcherbakov // Mission of denominations. 2020. Т. 9. № 3. P. 295-298.

23. URL : ru.m.wikipedia.org (date of application 18.10.2020).

24. URL : proza.ru (date of application 22.12.2020).

25. URL : megabook.ru>article/North-Western Front (date of application 23.12.2020).

26. URL : divizia-rkka.ru/3-й Ukrainian Front (date of application 18.10.2020).

27. URL : rkkawwii.ru>division/6vdbrf1 (date of application 11.05.2020).

28. URL : wiki2.org>ru/99th Guards Rifle division (date of application 13.02.2020).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Аверин Александр Николаевич
доктор философских наук,
профессор,
Институт права
и национальной безопасности,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Максимов Максим Вячеславович
магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления,
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
maximovmax94@mail.ru

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Непосредственная демократия определяется как форма прямого волеизъявления членов местного сообщества. В контексте рассмотрения демократии как политической ценности авторы выделяют такие ее составляющие, как свобода и политические права граждан, равенство всех граждан, приоритет интересов личности над интересами государства и другие, имеющие европейский генезис и отражающие современный нравственный нарратив общественных отношений в демократическом государстве. В статье систематизируются представления, сложившиеся в современной политологии о демократии как о системе ценностей и механизме реализации самоуправления в обществе. Авторы делают вывод о том, непосредственная демократия, базирующаяся на такой системе ценностей, как власть большинства при соблюдении интересов меньшинства, свобода выбора личности является механизмом самоуправления, нацеленным на обеспечение равенства и свободы граждан, на принятие решений большинством и обеспечивающим реализацию демократических принципов плюрализма, выборности и верховенства закона.

Ключевые слова: демократия, непосредственная демократия, современные общества, процедуры голосования, разноликое общество, ценности демократии.

Непосредственная демократия как термин входит частью в общее понятие «демократия» и определяется как форма прямого волеизъявления членов местного сообщества. «Де-

Alexander N. Averin
Doctor of Philosophy,
Professor,
Institute of Law and National Security,
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Maksim V. Maximov
Master of Political Science,
South Russian Institute of Management,
branch of the Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
maximovmax94@mail.ru

DIRECT DEMOCRACY AS A SYSTEM OF VALUES AND A MECHANISM FOR THE REALIZATION OF SELF-GOVERNMENT IN SOCIETY

Annotation. Direct democracy is defined as a form of direct expression of the will of members of the local community. In the context of considering democracy as a political value, the authors highlight such components as freedom and political rights of citizens, equality of all citizens, priority of the interests of the individual over the interests of the state, and others that have a European origin and reflect the modern moral narrative of public relations in a democratic state. The article systematizes the ideas that have developed in modern political science about democracy as a system of values and a mechanism for implementing self-government in society. The authors conclude that direct democracy, based on such a system of values as the power of the majority while respecting the interests of the minority, the freedom of choice of the individual, is a mechanism of self-government aimed at ensuring equality and freedom of citizens, decision-making by the majority and ensuring the implementation of the democratic principles of pluralism, electability and the rule of law.

Keywords: democracy, direct democracy, modern societies, voting procedures, diverse society, values of democracy.

мократия» дословно переводится как «власть народа» (от греч. *демос* – область, земля, народ и *кратос* – сила, власть, могущество) или народовластие. Существуют и другие определения

демократии – как формы политического режима, устройства государства, политического мировоззрения, а также как политической ценности [1, с. 18]. В контексте рассмотрения демократии как политической ценности можно выделить такие ее составляющие, как свобода и политические права граждан, равенство всех граждан, приоритет интересов личности над интересами государства и другие, имеющие европейский генезис и отражающие современный нравственный нарратив общественных отношений в демократическом государстве.

Как считал Т. Парсонс, ценности демократии пронизывают всю систему современных обществ [2, с. 161]. В связи с наличием в обществе различных социальных групп с отличающимися, порой, противоречивыми интересами, большое значение приобрели такие ценности демократии, как плюрализм мнений и консенсус. Безусловно, единого мнения людей о демократическом устройстве общества не существует, но необходимость поддерживать стабильность и развитие общества, подсказывает людям консенсусные, цивилизованные решения по спорным общезначимым вопросам, поддержанные большинством населения, что и означает демократию как народовластие. Данный тезис приобрел особую актуальность с наступлением информационной эры с ее открытым доступом практически к любому виду и объему информации, и появившимся широким возможностям для граждан выражать свое мнение в сети интернет, что отражает и подтверждает основные принципы непосредственной демократии.

На местном уровне непосредственная демократия означает принятие общезначимых решений большинством членов сообщества при уважении к правам меньшинства. Ценность принципа принятия решений большинством голосов признана с того времени, как появилась непосредственная демократия как форма самоуправления. Однако эта форма имеет свои особенности, о которых писал еще французский исследователь А. Эсмен. Ученый указывал на то, что при решении спорной ситуации могут быть два способа выхода из нее: или всеобщее согласие (единогласие) или обращение к суду самых мудрых. Первый способ является химерой в разноликом обществе, если только толпа не поднимает ни одного голоса против решения, предлагаемого наиболее влиятельным лицом. Такой способ характерен для примитивных немногочисленных сообществ. В развитом обществе насаждение тоталитарного способа принятия решений погружает общество в состояние стагнации. Второй способ – обращение к мудрым имеет место быть в первобытных обществах, где старость ассоциируется с мудростью, но по мере развития обществ, признаки мудрости становятся неоднозначными, поэтому «закон большинства есть одна из простых идей, которые заставляют себя принять сразу» [3].

Очевидно, что общество еще не придумало такой способ организации и управления, который бы нравился абсолютно всем, поэтому непосредственная демократия как способ принятия

решений большинством голосов является в настоящее время наиболее оптимальным, хотя и не безупречным, способом регуляции общественных отношений.

По поводу судьбы демократии высказывался русский философ И.А. Ильин, который связывал народовластие (в терминах его времени «народоправство») с уровнем государственной ответственности народа, его правовой культурой, политическим кругозором и чувством достоинства. «Что сделает со своим «голосом» человек, лишенный чувства собственного достоинства? Он продаст его повыгоднее первому же покупателю голосов... Народ без характера разложит «народоправство» в анархию, в войну всех против всех» [4].

А. Шлезингер в своей работе «Демократия и лидерство» утверждал, что решение, принятое большинством голосов, предпочтительнее, так как при принятии единоличного решения человеку легче ошибиться, чем коллективу, с учетом всех высказанных мнений [5].

Вопросу соотношения демократичности процедуры голосования и соблюдения прав меньшинства уделял внимание Р. Даль, который считал, что, принимая решения большинством голосов, сообщество лишает политических прав меньшинство [6, с. 29]. Меньшинство должно участвовать в процессах принятия решений во избежание конфликтов.

Российское законодательство признает принцип большинства ценностью непосредственной демократии в системе местного самоуправления как выражение прямого волеизъявления граждан. Большинство разделяется на относительное, абсолютное и квалифицированное. Ранее, до 2006 г. в избирательном праве России существовало понятие «порог явки избирателей», который в настоящее время отменен [7]. Порог явки означал, что при явке избирателей на выборы менее установленного процента (последняя норма составляла 20 % явившихся на выборы от общего числа избирателей), выборы признаются несостоявшимися.

Решения схода, собрания граждан, представляющих местное сообщество, принятые 2/3 голосов присутствующих, считаются принятыми квалифицированным большинством. Если по вопросу, вынесенному на референдум, проголосовало «за» не менее 50 % проголосовавших избирателей, решение считается принятым абсолютным большинством.

О политических правах граждан как ценности демократии писал Р. Даль, считая их необходимым условием сохранения демократических механизмов общественных процессов. Непосредственная демократия нуждается в защите основных политических прав граждан, являющихся частью, и существенной, политической культуры общества [6].

Одной из ценностей демократии является понятие политической свободы личности. Но, стре-

мьясь к свободе, человек обнаруживает, что она ограничена и интересами, возможностями самого человека, и границами интересов других людей. В Европе политическая свобода связывается с ограничением поля государственного управления, но необходимо отметить, что такое ограничение не должно ассоциироваться с разрушением системы власти. Необходимо распределить власть по разным уровням, что снизит риски сосредоточения ее в одних руках и расширит политические свободы граждан. Так, к примеру, местное самоуправление обладает компетенцией для решения интересов отдельного общества гораздо в большей степени, чем вышестоящая власть. При установлении надежных каналов коммуникации между местным населением, обществом и государством органы самоуправления становятся гарантами осуществления свобод человека на местном уровне.

Безусловно, политическая свобода человека имеет свои границы, определяемые общими целями и интересами, консолидирующими граждан в единый целостный социальный организм. Права человека неотделимы от его обязанностей. Русский ученый и правовед конца XIX – начала XX веков Б. Чичерин отмечал, что если у человека есть права, то есть и обязанности. Если бы не признавались права человека, то с него нельзя было бы требовать выполнения его обязанностей [8].

Тема соотношения свободы как ценности и соблюдения законных интересов сообщества получила свое закрепление в Конституции РФ (ч. 3 ст. 17) в формулировке «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [9].

В России свобода традиционно понимается людьми как полная независимость – воля, воляница [10, с. 277] без обязательств перед кем бы ни было, что и определило негативные последствия демократизации России в 1990-е годы XX века. Реформы обернулись освобождением от правового, морального, социального порядка вообще. А отмена форм «социалистического», «народного» контроля воспринялось многими как освобождение от ответственности и обязательств, что привело к правовому нигилизму, росту преступности.

Растущему валу анархии и аномии во всех сферах реформирующегося государства общественное сознание противопоставило требование порядка, ностальгию по «сильной руке», постепенное разочарование в демократии, как следствие, ее отрицание. Полученная в 1990-е годы свобода расценивалась как свобода от коммунистической идеологии, от тотального контроля политической полиции, от цензуры, от государства как практически единственного работодателя и пр. Однако в обществе до сих пор не созрело понимание свободы от сфабрикованного уголовного преследования, права на экологическую безопасность, качественную медицинскую помощь, достойное пенсионное обеспечение и т.д. Как показала практика, коррумпированная государственная власть и слабое местное самоуправле-

ние не смогли обеспечить в полной мере гарантии прав и свобод человека.

Строительство новой российской государственности в XXI веке начиналось в условиях, когда региональные элиты, ставшие достаточно независимыми от центральной власти, выстроили авторитарное управление в пределах вверенных им территорий, что не могло не сказаться на возможностях реальной непосредственной демократии на местном уровне. Поэтому необходимо отдать должное той пользе, которую принесла политика встраивания вертикали власти, которую провел федеральный центр, – она позволила привести все уровни власти и управления в единое правовое поле.

На реализацию ценностей непосредственной демократии большое влияние оказывает нормотворчество субъектов федерации, а также – нормотворчество органов местного самоуправления. Именно на местном уровне устанавливаются правила поведения членов сообщества (поселка, города и т.д.), и их принятие и выполнение становится обозримым для населения. Местные правила организации жизни сообщества занимают нишу оперативной деятельности, оставляя решение стратегических задач центральным органам власти [11]. Недостатком самостоятельного правового регулирования на местах можно считать бесконтрольное размножение местных нормативных актов, что, безусловно, усложняет регулирование жизни сообщества и снижает эффективность самоуправления.

Свобода индивида как ценность демократии находится в прямой зависимости от экономической системы государства. Там, где есть разнообразие форм собственности, рынок и справедливая конкуренция, там появляется класс собственников, заинтересованных в политической стабильности и экономическом процветании нации. Как писал И. Ильин: «...Участник народоправства должен иметь волевую независимость и гражданское мужество. Это дается нелегко. Легче всего это дается человеку, имущественно стоящему на своих ногах: крестьянину-собственнику, людям «среднего класса», квалифицированному кадру пролетариата, богатым гражданам. Именно в них демократия имеет свою главную опору. Обнищавший народ, опустившийся до состояния черни, быстро вырождается и погубит всякое народоправство» [4, с. 139].

Экономическая независимость человека создает возможности для его независимых суждений, свободного волеизъявления, что и является основой реализации принципов непосредственной демократии.

Непосредственная демократия как совокупность институтов и организационных процедур представляет собой механизм самоуправления на местном уровне по аккумуляции индивидуальных интересов в общий интерес. Непосредственная демократия как механизм обеспечивает реализацию ценностных основ конституционного строя России, таких, как выборность, верховенство закона, плюрализм мнений и идеологий.

Плюрализм в форме местного самоуправления означает свободу выражения разных политических взглядов, создания гражданами ассоциаций согласно их интересам и целям (ст. 13 Конституции РФ). Непосредственная демократия отражает постоянное изменение общества, состоящее в непрекращающемся столкновении интересов партий, групп, разных социальных слоев. Граждане, создавая различные союзы для выражения и защиты своих интересов (союзы обманутых дольщиков, союзы потребителей и др.), добиваются возможности влияния на решения местных властей. Создание таких объединений граждан является одним, но не единственным выражением и механизмом непосредственной демократии как формы самоуправления.

Плюрализм как демократический принцип реализуется на местном уровне и в том, что граждане в равной мере имеют доступ к избранию органов местного самоуправления, что отражает механизм формирования воли местного сообщества. Обмен мнениями при соблюдении принципа плюрализма позволяет группам граждан примерять свои противоречия и находить компромиссные решения.

Непосредственной демократии имманентно присущ механизм выработки компромиссных решений, так как именно в ее поле формируются институты, в рамках которых возможно публичное обсуждение и согласование разных, порой противоречивых интересов. К примеру, сходы граждан способствуют мобилизации общественного мнения, выполняют функцию посредничества между разными социальными группами, помогают прийти к компромиссу. Политический компромисс является инструментом достижения соглашения между субъектами непосредственной демократии на местном уровне. Преимущество механизмов непосредственной демократии на местном уровне состоит в скорости и гибкости реагирования органов местного самоуправления на запросы граждан, что легитимизирует политическую власть на местах. Открытый характер работы органов местного самоуправления делает их доступными в диалоге «власть-общество», особенно, если их деятельность не удовлетворяет нужды местного сообщества (в отличие от возможности влияния общества на решения региональных и федеральных властей).

Следующим механизмом осуществления непосредственной демократии является условие выборности органов представительной власти и должностных лиц местного самоуправления.

Литература:

1. *Ковлер А.И.* Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. М. : ИГПАН, 1997.
2. *Парсонс Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс; Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; Под ред. М.С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998.
3. *Эсмен А.* Общие основания конституционного права. Перевод с 4-го французского издания /

Именно выборы позволяют выявить накопившиеся противоречия в обществе, выявить электоральные предпочтения, определить степень доверия избирателя к политическим акторам – партиям, общественным движениям, оппозиции.

Институт выборов является по своей сути институтом прямой, непосредственной демократии при соблюдении условий, которые выделил еще Р. Даль [6, с. 49]:

- выборы проводятся по схеме «один человек – один голос»;
- право участвовать в выборах имеет все взрослое население, за исключением некоторых категорий граждан (недееспособных, ограниченных в правах по решению суда и др.);
- право граждан выражать свои пожелания в ходе реализации итогов выборного процесса;
- контроль со стороны граждан, который позволит оценивать полноту исполнения предвыборных обещаний кандидатов, сделанных на прошлых выборах;
- принятие решений по результатам выборов по принципу большинства отданных избирателями голосов.

Одним из важных критериев непосредственной демократии как механизма реализации формы самоуправления является принцип верховенства закона. Свобода выбора граждан не означает свободу от исполнения закона. Культ власти при авторитаризме и тоталитаризме заменен в непосредственной демократии на культ закона, его верховенство, что закреплено в ст. 18 Конституции РФ.

Конституция РФ, законодательство являются гарантами непосредственной демократии на местном уровне, обеспечивают необходимый баланс в социально-политических отношениях, удерживают граждан от агрессивного противостояния в отстаивании своих интересов.

Таким образом, непосредственная демократия, базирующаяся на системе ценностей, таких, как власть большинства при соблюдении интересов меньшинства, свобода выбора личности, является механизмом самоуправления, нацеленным на обеспечение равенства и свободы граждан, принятие решений большинством и обеспечивающим реализацию демократических принципов плюрализма, выборности и верховенства закона.

Literature:

1. *Kovler A.I.* The crisis of democracy? Democracy at the turn of the XXI century. M. : IGPAN, 1997.
2. *Parsons T.* System of modern societies / T. Parsons; Ed. by M.S. Kovaleva. M. : Aspect Press, 1998.
3. *Esmen A.* General foundations of constitutional law. Translated from the 4th French edition / A. Es-

- А. Эсмен; Под ред. Н.О. Бер. 2-е изд. СПб. : О.Н. Попова, 1909. С. 18. URL : <http://lawlibrary.ru/izdanie11372.html> (дата обращения 09.08.2019).
4. *Ильин И.А.* Статьи из сборника «Наши задачи» / И.А. Ильин // Советское государство и право. 1991. № 11. С. 138-139. URL : http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_1/ (дата обращения 09.08.2019).
5. *Шлезингер А.М.* Демократия и лидерство / А.М. Шлезингер // Циклы американской истории: Пер. с англ. Закл. ст. Терехова В.И. М. : Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. С. 606-633. URL : https://textfighter.org/raznoe/History/shlez/predstavlyayut_soboi_vajnyuyu_vehu_v_istorii_tsivilizovannogo_mira_amerika_obrazom.php (дата обращения 09.08.2019)
6. *Даль Р.* Введение в экономическую демократию. М. : Наука, 1991. С. 29.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 05.12.2006 № 225-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=176328&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6843828978345379#0670096901416722>(дата обращения 09.08.2019).
8. *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М. : Типография Грачева и Кони, 1866. URL : <https://ia800907.us.archive.org/16/items/onarodnompredst02chicgoog/onarodnompredst02chicgoog.pdf> (дата обращения 13.08.2019).
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/d94e831070f1b26a082b3517d51e9e4c348fc419/ (дата обращения 13.08.2019)
10. *Федотов Г.П.* Россия и свобода / Г.П. Федотов // Судьба и грехи России. СПб. : Издательство «София», 1992.
11. *Алексеев И.А.* Муниципальное управление и местное самоуправление : учебник / И.А. Алексеев, Д.С. Белявский, Б.Б. Адамоков. М. : ИНФРА-М, 2019; *Королев В.С.* Теория муниципального управления. М. : ВИНТИ 1999.
11. *Алексеев И.А.* Муниципальное управление и местное самоуправление : учебник / И.А. Алексеев, Д.С. Белявский, Б.Б. Адамоков. М. : ИНФРА-М, 2019; *Королев В.С.* Теория муниципального управления. М. : ВИНТИ 1999.
12. *Ильин И.А.* Статьи из сборника «Наши задачи» / И.А. Ильин // Советское государство и право. 1991. № 11.
- men; Ed.: N.O. Ber. 2nd ed. SPb. : ON. Popova, 1909. P. 18. URL : <http://lawlibrary.ru/izdanie11372.html> (date of application 09.08 2019).
4. *Ilyin I.A.* Articles from the collection «Our tasks» / I.A. Ilyin // Soviet State and Law. 1991. № 11. P. 138-139. URL : http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_1/ (date of application 09.08 2019).
5. *Schlesinger A.M.* Democracy and leadership / A.M. Schlesinger // Cycles of American History: Trans. from English. Terekhova V. I. M: Publishing Group «Progress», «Progress-Academy», 1992. P. 606-633. URL : https://textfighter.org/raznoe/History/shlez/predstavlyayut_soboi_vajnyuyu_vehu_v_istorii_tsivilizovannogo_mira_amerika_obrazom.php (date of application 09.08 2019).
6. *Dal R.* Introduction to economic democracy. M. : Nauka, 1991. P. 29.
7. Federal Law of the Russian Federation № 225-FZ of 05.12.2006 (as amended on 08.03.2015) «On Amendments to the Federal Law» On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation «and the Civil Procedure Code of the Russian Federation». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=176328&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6843828978345379#0670096901416722> (date of application 09.08 2019).
8. *Chicherin B.N.* O narodnom predstavlenie. M. : Printing house Grachev and Koni, 1866. URL : <https://ia800907.us.archive.org/16/items/onarodnompredst02chicgoog/onarodnompredst02chicgoog.pdf> (date of application 13.08.2019).
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 21.07.2014 № 11. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/d94e831070f1b26a082b3517d51e9e4c348fc419/ (date of application 13.08.2019)
10. *Fedotov G.P.* Russia and freedom / G. Fedotov // Fate and sins of Russia. SPb. : Publishing House «Sofia», 1992.
11. *Alekseev I.A.* Municipal management and local self-government. : textbook / I.A. Alekseev, D.S. Belyavsky, B.B. Adamokov. M. : INFRA-M, 2019; *Korolev B.C.* Theory of municipal management. M. : VINITI 1999.
11. *Alekseev I.A.* Municipal management and local self-government : textbook / I.A. Alekseev, D.S. Belyavsky, B.B. Adamokov. M. : INFRA-M, 2019.; *Korolev B.C.* Theory of municipal management. M. : VINITI 1999.
12. *Ilyin I.A.* Articles from the collection «Our tasks» / I.A. Ilyin // Soviet State and Law. 1991. № 11.

Васьков Максим Александрович
доктор социологических наук,
профессор кафедры
образования и педагогических наук,
Южный федеральный университет
vaskovmaxim@mail.ru

Ямалов Алис Валерьевич
магистр
по направлению «Конфликтология»
vaskovmaxim@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ

Аннотация. Статья посвящена постсоветскому периоду в истории абхазского общества, который связан с героическими политическими событиями, формирующими современное мировоззрение абхазского народа и, одновременно, с трагическими событиями, характер которых был определён войной за независимость, сопровождавшейся большими человеческими жертвами, материальными потерями и разрушениями. Автор в своем исследовании акцентирует внимание на политических аспектах источников и рисков влияния ислама на современное абхазское общество, делая акцент не только на современных процессах исламизации Абхазии, но и влияния на них исторических событий XIX–XX веков, а также, современности.

Ключевые слова: Абхазия, христианство, ислам, абхазско-грузинская война, тюркизм, радикальный ислам, политические процессы в абхазском обществе, клановые отношения.

В результате распада Советского Союза и его общественно-политической системы к власти в Грузии пришли деятели Народного фронта З.К. Гамсахурдия и М.И. Костава. Их репутация была сформирована ещё в советский период, поскольку они были одними из ключевых политических фигур для грузинского сегмента в диссидентском антисоветском движении. Они изначально выступали, используя конструкт из квазидемократической и одновременно крайне националистической риторики, которая внутри самой Грузии не только мобилизовала их сторонников и была эффективной альтернативой изживавшейся идеологии советского интернационализма, но и привела к резкому обострению межнациональных отношений и создала условия для противостояния автономий и центральной власти. Против нацистской идеологии новых властей Грузии выступили Абхазия и Южная Осетия, которые вынуждены были защищать право своих народов на выживание [1].

Maxim A. Vaskov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department
Education and Pedagogical Sciences,
Southern Federal University
vaskovmaxim@mail.ru

Alis V. Yamalov
Master
in the area «Conflictology»
vaskovmaxim@mail.ru

THE INFLUENCE OF THE ISLAMIC FACTOR ON POLITICAL PROCESSES IN MODERN ABKHAZIA

Annotation. The article is devoted to the post-Soviet period in the history of Abkhaz society, which is associated with heroic political events that form the modern worldview of the Abkhaz people and, at the same time, with tragic events, the nature of which was determined by the war for independence, accompanied by great loss of life, material losses and destruction. The author in his study focuses on the political aspects of the sources and risks of Islam's influence on modern Abkhaz society, emphasizing not only the modern processes of Islamization of Abkhazia, but also the influence on them of historical events of the XIX–XX centuries, as well as modernity.

Keywords: Abkhazia, Christianity, Islam, Abkhazian-Georgian war, Turkicizm, radical Islam, political processes in Abkhazian society, clan relations.

Требования и предпринимаемые конкретные действия, связанные с попытками геноцида и насилия в отношении представителей национальных автономий, направленные на создание в Грузии моноэтнической республики, привели к открытой агрессии со стороны Грузии и вооружённому конфликту.

К сожалению, устранение от власти людей, спровоцировавших войну Грузии с Абхазией и Южной Осетией, и приход к власти Э.А. Шеварднадзе и его сторонников привело к обострению военного конфликта, когда он санкционировал эскалацию вооруженного конфликта уже непосредственно в Абхазии, начиная с августа 1992 года.

Новое правительство Э.А. Шеварнадзе начало прямое вооружённое вторжение в Абхазию и сопутствующую военным действиям политику геноцида. Активная фаза боевых действий продолжалась вплоть до конца сентября 1993 года

[2, с. 79]. Военные действия закончились полной победой армии Республики Абхазия и утверждением её государственности.

Выше описанные события оказали немалое влияние на возрождение ислама в Абхазии в связи с участием мусульман из регионов Северного Кавказа, а также, представителей абхазской диаспоры из Турции в войне с Грузией. Если чётко осознанное религиозное сознание и готовность следовать всем основным нормам ислама было у абхазов, проживавших в Турции, то у добровольцев, представлявших регионы Кавказа, религиозное чувство было вторичным по отношению к начинавшей возрождаться общекавказской идентичности. Но с течением времени, исламский фактор во взаимоотношениях абхазов и представителей народов российского Северного Кавказа возрастал.

Структурированное влияние ислама осуществлялось во время войны Абхазии за независимость со стороны такой мощной на тот исторический период организации, как Конфедерация горских народов Кавказа (далее, КГНК).

Героический период в становлении современного абхазского общества совпал с общей тенденцией на Кавказе к возрождению традиций как национальных, так и религиозных. Это время было впоследствии названо всплеском этничности [3].

С распадом Советского Союза и исчезновением ранее господствовавшей коммунистической идеологии, народы начали искать новую идентичность и мировоззренческие ориентиры и, как правило, находили их в национально-этническом пространстве и религии. К тому же, начали возрождаться, казалось бы, давно утраченные политико-идеологические конструкты и представления. В этих условиях абхазское общество, которое, к тому же, находилось в состоянии системного кризиса и экзистенциальной военной угрозы начало искать ориентиры в среде близких абхамам по языку и крови народов Кавказа. В частности, речь идёт обо всём обширном адыгочеркесском ареале, включая и его диаспору в Турции, Сирии и в других арабских странах. Данное положение дел не могло не привести к усилению исламского фактора. В это же время, российские регионы Кавказа переживали этап бурного возрождения ислама как мировоззренческого и религиозного принципа, и получили возможность выйти за те рамки, которые очерчивал ранее железный занавес, и стать частью глобального исламского мира [4]. Ислам был фактором в многочисленных конфликтах на Кавказе, особенно если они разворачивались между не просто народами, а именно теми, которые принадлежали к различным религиозным конфессиям. Здесь наиболее ярким может считаться осетино-ингушский конфликт, но, к сожалению, были и другие очаги противостояния с национально-религиозным фактором.

В условиях серьёзного внутривнутриполитического конфликта Духовное управление мусульман Республики Абхазия не стало поддерживать

противостоящие стороны, причём, ни в разразившемся открытом конфликте, ни даже в условиях предвыборной компании [5, с. 23].

Духовное управление мусульман попыталось дистанцироваться от возникшей ситуации в целом и сыграть достаточно выгодную роль посредника и миротворца. Позиция лидеров Духовного управления мусульман была выжидательной и чрезвычайно осторожной, и это в принципе было неизбежно. В Абхазии построено светское, но достаточно традиционное и закрытое по отношению к системе политики общество, с сугубо клановой системой политических отношений. Оно строится на балансе сил различных политических групп влияния, а вовсе не на авторитете, какой либо внешней по отношению к этим кланам политической или религиозной силы. Такую выжидательную позицию определяло ещё и то, что ислам чётко ассоциировался как у политической элиты Абхазии, так и у обычных людей с влиянием Турции.

Достаточно показательным является то, что интерес у Турции к ситуации в Абхазии начал активно проявляться незадолго до начала событий, связанных с государственным переворотом [6, с. 311]. Так, например, Республику Абхазия посетили турецкие журналисты, причём, достаточно большой группой, в которой были и представители специальных служб.

Активность Турции в Абхазии и готовность части политико-административной элиты ориентироваться на эту страну, неизбежно вызвало и противодействие. Курс на расширение сотрудничества с Россией в противовес развития и институционализации протурецкой ориентации провозгласил генерал А.Г. Бжания [7, с. 443]. Несмотря на то, что Р. Хаджимба смог одержать победу с минимальным перевесом и крайне неуверенно, но в первом туре, при том, что его победа была получена при помощи, как раз, голосов турецких мухаджиров, оформивших себе абхазское гражданство. Они дали ему порядка 1500 голосов, но такая ситуация не стала началом нового этапа развития активного сотрудничества с Турцией и показала опасность раскола элит и появления противостояния в абхазском обществе по вопросу внешнеполитической ориентации.

На территории современной Республики Абхазии ислам утвердился только в эпоху Нового Времени, причём, в условиях жесткого доминирования, идеологического и силового воздействия Османской Турции. Несмотря на то, что привносился ислам в достаточно классическом суннитском варианте и с полнотой шариатского законодательства и социальных практик, какой-либо глубокой религиозностью и скрупулёзным соблюдением исламских традиций и предписаний жители Абхазии, как и подавляющее большинство этнически близких к ним народов Северо-Западного Кавказа, не отличались. Большинство были мусульманами чисто формально или лишь частично соблюдали необходимые предписания и номы, отдавая предпочтение традициям, а не религиозным правилам и устоям.

Традиционно, для абхазов их этническая идентичность, а не принадлежность к исламской умме или христианскому миру были первоочередными приоритетами. Если мы возьмём для сравнения с иными территориями, которые входили в состав Османской или Российской империи, то мы можем увидеть абсолютно противоположную ситуацию.

Например, очень интересны итоги воздействия исламизации и та религиозно-культурная ситуация, которая сложилась в государствах расположенных в Средней Азии. Здесь можно смело констатировать, что под влиянием ислама появился принципиально иной тип общества, соответствующих социальных отношений и связанных с ними моделей идентичности. Религиозная идентичность постепенно оказалась сильнее национальной и уже к началу XX века, у оседлого населения, которое традиционно занималось земледелием, получившего наименование сартов. У них, исламская идентичность, принадлежность к общей умме, с её универсальным обрядовым традициям и шариату, практически полностью нивелировала существовавшие первоначально серьёзные различия между предками современных таджиков, которые были ираноязычными и узбеками, которые относились тюркоязычным народам [8, с. 19]. Примерно таким же «плавильным котлом» была Османская Турция по отношению к абхазам, которые появились там после окончания Кавказской Войны, а сейчас их потомки претендуют не просто на возвращение на территорию современной Абхазии, но и на весомые позиции и активное участие в политической жизни «родины предков».

Для современного миропонимания Абхазского общества и формирования существующей в нём системы социальных связей и отношений, та так же определённого актуального мировоззрения очень большую роль играют ход и последствия Кавказской Войны 19-в. В тех событиях, которые не потеряли своей актуальности для Кавказа и сейчас, абхазы принимали самое непосредственное и активное участие. Учитывая сложность происшедших тогда событий, ислам стал определённым идентификатором цивилизационного выбора, не просто маркером лояльности или нелояльности по отношению к Российской Империи и её политике. В этой ситуации он должен был выступать консолидирующей и побуждающей к продолжению противостояние с Российской Империей силой, поскольку позволял найти универсальную идеологию и преодолеть национальные конфликты среди горцев и мог обеспечить международную поддержку возобновлению войны с Российской Империей со стороны мусульманских государств и прежде всего Османской Турции.

Христианство, которое также является наднациональной религиозной основой консолидации и сотрудничества, не могло быть принято большинством горцев. Это было связано с тем, что война шла с православной, в своей основе, Российской Империей, традиционно противостоявшей не только собственно горцам Кавказа, но их основному покровителю в лице Османской Тур-

ции, которая, наоборот, в ходе Кавказской войны пыталась позиционировать себя в качестве защитника ислама против новых крестоносцев.

Исход мусульманского населения, который был связан не столько с давлением российских властей, сколько с агитацией со стороны мусульманского духовенства, агентов османского правительств и решением князей и дворян, которые после отмены крепостного права в Российской Империи боялись потерять своих зависимых, полностью изменило всю ситуацию в Абхазии и на Кавказе, в целом. Можно, в этой связи, отметить интересный факт, что горцы Кавказа отказывались верить в то, что в Российской Империи достаточно комфортно живут большие мусульманские общины, например в Астрахани, Казани, Сибири. Они считали такую информацию обманом и не хотели верить даже тем горцам, которые служили в Императорской армии и сами видели реальное положение мусульман в России.

Учитывая слабые темпы процесса исламизации абхазского общества того времени, сохранившиеся воспоминания о недавнем христианском прошлом, а также, верность горским традициям и обычаям, к которым христианство относилось более лояльно, чем ислам, начался процесс достаточного быстрого и массового перехода абхазов в православное христианство.

Уже ко времени Октябрьской революции и последовавшей за ней Гражданской войной, затем, периода государственного строительства и развития коммунистической идеологии и системы советской власти исламская проблематика в Абхазии, фактически, сошла на нет. В принципе, в силу наличия атеистической идеологии, все вопросы религии в СССР не просто отошли на второй план, а были под репрессиями [9, с. 267].

Получившее наибольшее распространение в Абхазии христианство, подверглось, фактически, полному разгрому, но советская национально-религиозная политика исключала условия для возрождения в Абхазии ислама. Фактически же, получилось так, что ещё остававшиеся, пусть и в меньшинстве, абхазские мусульмане были просто не замечены теми государственными структурами СССР, которые занимались религиозными вопросами. В частности, основное учреждение, которое занималось исламом в данном регионе, было «Духовное управление мусульман Закавказья», но оно должно было заниматься вопросами ислама только по отношению к суннитам аджарцам и азербайджанцам шиитам. Абхазия официально осталась вне поля зрения практически всех официальных структур, которые должны были заниматься религиозными (исламскими) вопросами. На территорию Абхазии, которая стала в качестве автономии входить в состав Грузинской ССР, полномочия структур, занимающихся исламом от имени советской власти, просто не распространялись.

Коренная трансформация основ жизни общества, резкое внедрение новых идеологических систем, ломка всего жизненного уклада, которые

происходили во время распада советской системы, а также, формирование нового социального порядка, который происходил в начале 1990-х гг. полностью изменили ситуацию. Они, внутренние трансформационные процессы и одновременно с этим усилили внешнее влияние на все социальные и политико-идеологические процессы, происходившие в недавнем прошлом в бывшей автономной республике Абхазия, которая теперь стремилась к обретению государственной независимости [10].

На характер религиозной ситуации, как впрочем, и, вообще, на все процессы в республике повлиял ход и последствия войны за обретение независимости и защита от грузинской оккупации. Социальные последствия данного периода заключались в формировании резкого неприятия всего, что исходило со стороны Грузии, в том числе, и в религиозном вопросе. На этот момент подавляющее большинство абхазов сохраняли приверженность к христианству, которая скрывалась в советское время, но это христианство не принималось со стороны грузинской Церкви. Возросла роль непосредственно Московского, а также, Константинопольского патриархата, особенно второго, учитывая фактически предательскую позицию со стороны московских патриархов по отношению к абхазским христианам, поскольку, московская патриархия отстаивала принцип канонической территории грузинской церкви.

Что касается ислама, то большую роль в создании условий для его возрождения сыграло значительное участие в боевых действиях на стороне Абхазии против грузинских националистов-добровольцев из, преимущественно, южных и кавказских регионов Российской Федерации, причём, они воспринимались без какого-либо отождествления с Российской Федерацией как таковой [11]. В данном контексте, особое значение имеет участие вооружённых отрядов, состоявших из уроженцев мусульманских республик российского Северного Кавказа [12]. Совместная защита абхазского народа представителями различных народов российского Кавказа, для которых ислам в условиях падения значения понятия «гражданственность» и несформированности российской государственной идентичности стал, по сути, единственным объединяющим фактором. Эти события способствовали также тому, что ислам вообще стал ведущим фактором общекавказской идентичности в России [13].

В это же время формируется ряд тенденций, которые впоследствии стали негативную роль в российско-абхазских отношениях, в частности, представители радикальных политических движений, к которым можно отнести и воевавших в Абхазии представителей возрождающегося казачества, негативно относились к идее российского государства [14, с. 189]. Подавляющее большинство таких добровольцев жили идеями, восходившими к Кавказской войне, рассказыванию, репрессиям. Тем более, что само российское государство в это исторический период времени проявляло непоследовательность и слабость, что на Кавказе всегда воспринимается

крайне негативно. Уже отмечалось, что в Абхазии существуют негативные по отношению к России тенденции и ее определённое восприятие. Для их формирования была своя историческая основа, связанная с особенностями хода Кавказской войны. Однако нельзя забывать и об отрицательных тенденциях, которые были связаны с неготовностью политико-административной элиты новой России грамотно отреагировать на процессы, происходившие на Большом Кавказе, вообще, и, в частности, на территории Абхазии. Достаточно слабая и непоследовательная политика, попытка в крайне неблагоприятных условиях остановить конфликта между Грузией и Абхазией, когда уже стала очевидность невозможности компромисса. Также, свою негативную роль сыграло участие в экономической блокаде, общая слабость политики российской административно-управленческой элиты, которая привела к ослаблению позиций России, в целом, в отношениях с Абхазией [15]. Положение смогло несколько выправиться только после признания Российской Федерацией независимости Республики Абхазия после войны с Грузией в 2008 году.

Описанная выше тенденция к возрастанию роли ислама во всём регионе совпала с процессом активного формирования сил в абхазском обществе, ориентированных на сближение и союз с Турцией [16, с. 23]. Это, безусловно, имело свои внешние корни и сложную систему детерминаций.

Прежде всего, можно говорить о значении именно государственной политика Республики Абхазии после обретения государственно независимости де-факто по переселению потомков мухаджиров, подавляющее большинство которых составляли именно граждане Турции. Их переселение на историческую родину неизбежно привело к росту числа уже собственно граждан Республики Абхазия, которые открыто и последовательно исповедовали ислам. В связи со значительным увеличением мусульман в Республике Абхазии, для развития и координации деятельности мусульманской общины было в 1999 году создано Духовное управление мусульман. Инициатором его создания стал первый Президент Республики Абхазия В.Г. Ардзинба. Для него, историка по образованию и крупного специалиста в области истории и культуры Абхазии, на первом месте было признание не религиозных различий, а национальной, языковой и культурной общности всех абхазов [17].

Руководство Духовного управления мусульман Абхазии сосредоточилось в руках Адлия Габлии, уроженца Турции, который начал проводить активную политику в протурецком духе и с определёнными антироссийскими тенденциями. Такая активность в непривычном для Абхазии направлении религиозной политики и, в целом, активная позиция представителей мусульманской общины в вопросах общественной жизни Республики Абхазия стала источником напряжённости и конфликтов в высшей клановой элите [18].

Также, она не могла не вызвать противодействие со стороны набравших силу в период войны за независимость и послевоенный период. в целом, традиционных для Абхазии клановых объединений. Здесь ключевым был вопрос власти, поскольку главы кланов, опираясь на нормы и представления, связанные с обычным правом, не хотели делить своё влияние с адептами ислама, которые, к тому же, ориентировались на Турцию, как центр принятия ключевых решений [19, с. 37].

Такая ситуация, в целом, и обострявшееся противостояние по конкретным вопросам, существенно повлияла и значительно замедлила активность и темпы роста численности мусульманской общины в Абхазии. В этих условиях руководство Духовного управления мусульман пошло на определённое изменение своей политики и, прежде всего, попыталось обеспечить лояльность со стороны близких к России представителей абхазской элиты и собственно российских представителей, установив партнёрские отношения с некоторыми официальными мусульманскими организациями, действовавшими на территории Российской Федерации [20, с. 17]. В частности, речь шла об установлении официальных контактов и развитии сотрудничества с «Советом муфтиев России, который возглавляет Р. Гайнутдин, работающий в правовом поле Российской Федерации и выступающий с позиций противостояния экстремистским проявлениям ислама.

Литература:

1. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М. : Аспект-пресс, 1997.
2. *Маркедонов С.М.* Де-факто государства постсоветского пространства: выборы и демократизация Вестник Евразии. 2008. № 3 .
3. *Иордан М.В.* Этническая культура: теоретико-методологическая преамбула к эмпирическому исследованию / М.В. Иордан // Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте (культурологические очерки). М. : Нальчик, 1997.
4. *Ghoukassian K.D.* Instability in the New Imperial Periphery: A Conceptual Perspective of the «Turbulent Frontiers» in the Caucasus and Central Asia / K.D. Ghoukassian // Caucasian Review of International Affairs. 2008. Vol. 2(3).
5. *Кортунов С.В.* Безопасность в глобальном мире: эволюция российской политики : дис. ... на соиск. уч. ст. д-ра полит. наук. М. : Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2005.
6. *Агакишиев И.А.* Сепаратизм на Большом Кавказе: причины, динамика, перспективы / И.А. Агакишиев, А.Н. Бачинин [и др.] // В книге: История СССР/РФ в контексте современного

Ислам в современной Абхазии находится под очень серьезным и системным внешним влиянием. В этом контексте можно говорить, прежде всего, об интересах со стороны Турции, которая располагает самой большой по численности адыго-абхазской диаспорой, настроенной отрицательно по отношению к России [21, с. 229]. Турция имеет в данном регионе, можно сказать, традиционные интересы и рассматривает Кавказ как часть своего глобального пантюркистского проекта [22]. В отношении адыго-абхазского ареала, Турция исходит из общности не столько этнического происхождения (адыго-абхазы не являются тюрками), сколько из-за общности религиозной и традиционных исторических связей, которые, по мнению турецкой стороны, были насильственно разорваны действиями России.

Если вернуться непосредственно к проблематике, связанной с исламом в Абхазии, то можно отметить следующее. В ближайшей актуально-политической перспективе остается открытым важный вопрос о том, насколько Духовное управление мусульман Республики Абхазия сможет найти самоопределение в сложных факторах, связанных не только с влиянием Турции, но и задачами сохранения Абхазской независимости, национально-патриотической идеологией и соответствующими движениями, интересами российской стороны [23], от которой зависит существование Республики Абхазия как независимого государства, поскольку именно Россия признала Республику Абхазия и предоставила ей гарантии безопасности и экономическую поддержку.

Literature:

1. *Zdravomyslov A.G.* Interethnic conflicts in the post-Soviet space. M. : Aspect-press, 1997.
2. *Markedonov S.M.* De-facto states of the post-Soviet space: elections and democratization Bulletin of Eurasia. 2008. № 3 .
3. *Iordan M.V.* Ethnic culture: a theoretical and methodological preamble to an empirical study / M.V. Iordan // Ethnic culture: the problem of self-preservation in the modern context (cultural essays). M. : Nalchik, 1997.
4. *Ghoukassian K.D.* Instability in the New Imperial Periphery: A Conceptual Perspective of the «Turbulent Frontiers» in the Caucasus and Central Asia / K.D. Ghoukassian // Caucasian Review of International Affairs. 2008. Vol. 2(3).
5. *Kortunov S.V.* Security in the global world: the evolution of Russian politics. Dissertation for the degree of Doctor of Political Science. M. : Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, 2005.
6. *Agakishiev I.A.* Separatism in the Greater Caucasus: causes, dynamics, prospects / I.A. Agakishiev, A.N. Bachinin [et al.] // In the book: The History of the USSR/Russian Federation in

россиеведения Российский государственный гуманитарный университет. М., 2018.

7. *Филиппова Е.И.* Этнополитические конфликты в Абхазии и Южной Осетии: причины, динамика, уроки / Е.И. Филиппова [и др.] // В сборнике: Этничность и религия в современных конфликтах. М/, 2012.

8. *Шевченко О.М.* Черноморско-каспийский регион: вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях геополитической, георелигиозной и геоэкономической конкуренции / О.М. Шевченко [и др.]. Издательство Южного федерального университета, Ростов-н/Д., 2015.

9. *Агакишиев И.А.* Сепаратизм на Большом Кавказе: причины, динамика, перспективы. В книге: История СССР/РФ в контексте современного россиеведения Российский государственный гуманитарный университет / И.А. Агакишиев [и др.]. М., 2018. С. 267.

10. *Малашенко А.* Ислам для России. М. : Московский центр Карнеги - Российская политическая энциклопедия. 2007.

11. *Халидов Д.* «Конструкция» власти на Северном Кавказе. Поиск оптимальной формы не завершен / Д. Халидов // Обозреватель. 2006. № 2 (193). URL : http://www.rau.su/observer/N2_2006/2_07.HTM

12. *Pejovich S.* Toward a Theory of the Effects of the Interaction Formal and Informal Institutions on Social Stability and Economic Development. Paper prepared for the Conference on Formal and Informal Arrangements in Transformation Societies, University of Potsdam. 1998.

13. *Тхагапсоев Х.Г.* Кавказская идентичность в процессах российской социокультурной трансформации: к методологии анализа и механизмам регулирования / Х.Г. Тхагапсоев; Отв. ред. В.В. Черноус // Этноэтатизм и этнократии на Юге России. Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 37. Ростов-н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.

14. *Шевченко О.М.* Ксенофобия как фактор легитимации этнократий // Этноэтатизм и этнократии на Юге России / О.М. Шевченко; Отв. ред. В.В. Черноус // Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 37. Ростов-н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.

15. *Шевченко О.М.* Ксенофобия как фактор легитимации этнократий / О.М. Шевченко; Отв. ред. В.В. Черноус // Этноэтатизм и этнократии на Юге России. Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 37. Ростов-н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.

16. *Понеделков А.В.* Российские элиты на рубеже XX-XXI веков: особенности генезиса, взаимодействий и позиционирования во власти / А.В. Понеделков, А.М. Старостин; Отв. ред.

the context of Modern Russian Studies Russian State University for the Humanities. М., 2018.

7. *Filippova E.I.* Ethnopolitical conflicts in Abkhazia and South Ossetia: causes, dynamics, lessons / E.I. Filippova [et al.] // In the collection: Ethnicity and religion in modern conflicts. М., 2012.

8. *Shevchenko O.M.* The Black Sea-Caspian region: challenges and threats to Russia's national security in the context of geopolitical, geo-religious and geo-economic competition. Southern Federal University Press, Rostov-on-Don, 2015.

9. *Agakishiev I.A.* Separatism in the Greater Caucasus: causes, dynamics, prospects. In the book: The History of the USSR/Russian Federation in the context of Modern Russian Studies Russian State University for the Humanities / I.A. Agakishiev [et al.]. М., 2018. P. 267.

10. *Malashenko A.* Islam for Russia. Moscow: Carnegie Moscow Center – Russian Political Encyclopedia. 2007.

11. *Khalidov D.* «Construction» of power in the North Caucasus. The search for the optimal shape is not completed / D. Khalidov // Browser. 2006. № 2(193). URL : http://www.rau.su/observer/N2_2006/2_07.HTM

12. *Pejovich S.* Toward a Theory of the Effects of the Interaction Formal and Informal Institutions on Social Stability and Economic Development. Paper prepared for the Conference on Formal and Informal Arrangements in Transformation Societies, University of Potsdam. 1998.

13. *Tkhagapsoev H.G.* Caucasian identity in the processes of Russian socio-cultural transformation: on the methodology of analysis and mechanisms of regulation / H.G. Tkhagapsoev; Ed. by V.V. Chernous // Ethnoethatism and ethnocracies in the South of Russia. South Russian review of TsSRIiP IPPK RSU and ISPI RAS. Iss. 37. Rostov-n/D. : Publishing house SKNC VSh, 2006.

14. *Shevchenko O.M.* Xenophobia as a factor of legitimation of ethnocracies / O.M. Shevchenko; Ed. by V.V. Chernous // Ethnoethatism and ethnocracies in the South of Russia. // Ethnoethatism and ethnocracies in the South of Russia / South Russian review of TsSRIiP IPPK RSU and ISPI RAS. Vol. 37. Rostov-on/D. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2006.

15. *Shevchenko O.M.* Xenophobia as a factor of legitimation of ethnocracies / O.M. Shevchenko; Ed. by V.V. Chernous // Ethnoethatism and ethnocracies in the South of Russia. South Russian review of TsSRIiP IPPK RSU and ISPI RAS. Vol. 37. Rostov-on/D. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2006.

16. *Ponedelkov A.V.* Russian elites at the turn of the XX-XXI centuries: features of genesis, interactions and positioning in power / A.V. Ponedelkov, A.M. Starostin; Ed. by V.G. Ignatov, O.V. Gaman-

- В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понедельков, А.М. Старостин // Властные элиты в современной России в процессе политической трансформации. Ростов-н/Д. : Изд-во СКАГС, 2004.
17. *Маркедонов С.М.* Путин и непризнанные республики / С.М. Маркедонов // Посев № 6 (1617) июнь 2012. С. 23.
18. *Кривенюк А.* Владислав Ардзинба, как политический миф. Кавполит (14 мая 2014) (дата обращения 19 мая 2019).
19. *Магомедов А.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М. : Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000.
20. *Дягтерев А.К.* Исламизм: социологический дискурс / А.К. Дягтерев, В.В. Черноус // Научная мысль Кавказа. 2010. № 2(62).
21. *Черноус В.В.* Этноэтатизм и этнократии: на пути к региональной идеологии и региональным элитам Юга России / В.В. Черноус // Этноэтатизм и этнократии на Юге России. Южнороссийское обозрение ЦСРИП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 37. Ростов-н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.
22. *Маркедонов С.М.* Запутанный многоугольник: Израиль, Армения, Россия и государства Южного Кавказа. В книге: Государство Израиль и память о геноциде армян: от равнодушного отрицания – к запоздалому признанию. Аурон Я. Москва-Иерусалим-Ереван, 2017.
23. *Иордан М.В.* Этническая культура: теоретико-методологическая преамбула к эмпирическому исследованию / М.В. Иордан // Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте (культурологические очерки). М. : Нальчик, 1997.
24. Исторические предпосылки современных процессов и тенденций на Северном Кавказе // Серия: проблемы национальной безопасности. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2005. № 11(263). URL : <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf263-11/vestniksf263-11020.htm>
25. *Тужба Э.Н.* Социально-психологические особенности кавказских этносов / Э.Н. Тужба // Общество и право. 2011. № 4. С. 311-313.
26. *Тужба Э.Н.* Адаптационные возможности населения Абхазии / Э.Н. Тужба // Социологические исследования. 2011. № 10.
27. *Тужба Э.Н.* Система образования республики Абхазия: Образование и общество: Всероссий-
- Golutvina, A.V. Ponedelkov, A.M. Starostin // Power elites in modern Russia in the process of political transformation. Rostov-on/D. : SKAGGS Publishing House, 2004.
17. *Markedonov S.M.* Putin and the unrecognized republics / S.M. Markedonov // Seeding № 6 (1617) June 2012. P. 23.
18. *Krivenyuk A.* Vladislav Ardzinba, as a political myth. Kavpolit (May 14, 2014). Accessed May 19, 2019.
19. *Magomedov A.* The Mystery of regionalism. Regional ruling elites and regional ideologies in modern Russia: models of political reconstruction «from below» (comparative analysis on the example of the republics and regions of the Volga region). M. : Moscow Public Science Foundation; Publishing Center for Scientific and Educational Programs, LLC, 2000.
20. *Dyagterev A.K.* Islamizm: sotsiologicheskii diskurs / A.K. Dyagterev, V.V. Chernous // Nauchnaya mysl Kavkaza. 2010. № 2(62).
21. *Chernous V.V.* Ethnoethatism and ethnocracies: on the way to regional ideology and regional elites of the South of Russia / V.V. Chernous // Ethnoethatism and ethnocracies in the South of Russia. South Russian review of TsSRIIP IPPK RSU and ISPI RAS. Issue 37. Rostov-on/D. : Publishing SKNC VSh, 2006.
22. *Markedonov S.M.* Obfuscated polygon: Israel, Armenia, Russia and the states of the South Caucasus. In the book: The State of Israel and the memory of the Armenian Genocide: from indifferent denial to belated recognition. Auron Ya. Moscow-Jerusalem-Yerevan, 2017.
23. *Iordan M.V.* Ethnic culture: a theoretical and methodological preamble to an empirical study / M.V. Iordan // Ethnic culture: the problem of self-preservation in the modern context (culturological essays). M. : Nalchik, 1997.
24. Historical prerequisites of modern processes and trends in the North Caucasus // Seriya: problemy natsionalnoy bezopasnosti/ Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. 2005. № 11(263). URL : <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf263-11/vestniksf263-11020.htm>
25. *Tujba E.N.* Social and psychological features of Caucasian ethnic groups/Society and law. 2011. № 4. P. 311-313.
26. *Tujba E.N.* Adaptive Opportunities of the Population of Abkhazia/Sociological Research. 2011. № 10.
27. *Tujba E.N.* Education System of the Republic of Abkhazia: Education and Society: All-Russian Soci-

ская социологическая конференция. М. : ИС РАН; РОС, 2009. С. 78-81.

28. Тужба Э.Н. Особенности социального самочувствия этнических групп и отношений в Абхазии / Э.Н. Тужба // Социологические исследования. 2012. № 2.

29. Тужба Э.Н. Религиозное мировоззрение абхазов / Э.Н. Тужба // Философские науки. 2011. № 4.

ological Conference. M. : IS RAS; ROS, 2009. P. 78-81.

28. Tujba E.N. Features social well-being of ethnic groups and relations in Abkhazia / E.N. Tujba // Sociological studies. 2012. № 2.

29. Tujba E.N. Abkhazian religious worldview / E.N. Tujba // Philosophical sciences. 2011. № 4.

Воронцов Сергей Алексеевич
доктор юридических наук,
профессор,
и.о. директора Научно-учебного центра
противодействия коррупции,
Институт права
и национальной безопасности РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,
профессор кафедры
процессуального права,
Южно-Российский институт управления -
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.panera.ru

Керимов Олег Юрьевич
магистр,
аспирант по направлению
«Политические науки и регионоведение»,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский филиал
ug-igrushka@rambler.ru

ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

■ ■ ■

Аннотация. Политическая система России, несмотря на то, что имеет свои особенности, представляет собой совокупность государственных структур и организаций, представляющих государство, политические партии, общественно-политических ассоциации и объединения, взаимодействующие на основе определенных норм, идей и принципов. В российской политической системе ее элементы выполняют те же функции, что и в других политических системах; особым, системообразующим элементом является государство. Статья посвящена комплексному анализу переходного периода трансформации российской государственности к новым условиям ее функционирования после распада СССР. В завершение публикации авторы приходят к выводу о том, что конституционно закрепленные демократические основы политической системы создают для российского государства совершенно новые условия для функционирования, что требует определенного исторического периода для закрепления институтов парламентаризма, президентства, выборов и гражданского общества.

Ключевые слова: политическая система, российское государство, экономическая система, представительные формы организации власти, приватизация, конституция.

■ ■ ■

Sergey A. Vorontsov
Doctor of Legal Sciences,
Professor,
Acting Director Research and Training
Center Countering Corruption,
Institute of Law and National Law RANEP
Security under the President of Russia,
Professor of the Department Procedural Law,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.panera.ru

Oleg U Kerimov
Master,
Postgraduate Student in Direction
Political Sciences and Regional Studies,
Russian Academy of Folk Studies
Economy and Public Service
under the President
of the Russian Federation,
South Russian branch
ug-igrushka@rambler.ru

THE GENESIS OF RUSSIA'S MODERN POLITICAL SYSTEM

■ ■ ■

Annotation. The political system of Russia, despite the fact that it has its own characteristics, is a set of state structures and organizations representing the state, political parties, socio-political associations and associations that interact on the basis of certain norms, ideas and principles. In the Russian political system, its elements perform the same functions as in other political systems; a special, system-forming element is the state. The article is devoted to a comprehensive analysis of the transition period of the transformation of the Russian statehood to the new conditions of its functioning after the collapse of the USSR. At the end of the publication, the authors conclude that the constitutionally established democratic foundations of the political system create completely new conditions for the Russian state to function, which requires a certain historical period for the consolidation of the institutions of parliamentarism, the presidency, the institution of elections and civil society.

Keywords: political system, Russian state, economic system, representative forms of power organization, privatization, constitution.

■ ■ ■

Политическая система Российской Федерации, с формальной точки зрения, похожа на политические системы других современных государств. Она также является собой совокупность государственных структур и организаций, представляющих государство, политические партии, общественно-политические ассоциации и объединения, взаимодействующие на основе определенных норм, идей и принципов. В российской политической системе ее элементы выполняют те же функции, что и в других политических системах; особым, системообразующим элементом является государство и пр. Однако российская политическая система имеет свои особенности, она отличается от политических систем других стран, как в своем генезисе, так и в современном функционировании. Эти особенности обусловлены историческими, экономическими, политическими и другими объективными обстоятельствами, в которых эта система формировалась и развивается. К таким особенностям можно отнести:

- переходный характер системы и общественной организации от социалистического типа к капиталистическому;
- от централизованного управления общественной жизнью к децентрализованному;
- от плановой экономики к рыночной.

Она получила формально-юридическое закрепление в Конституции РФ в правах и свободах граждан, в объявлении их высшими ценностями государства, которые оно обязано защищать и гарантировать. Хотя, можно отметить и их формальный характер по причине пока еще несостоявшегося в России общества всеобщего благополучия и высокого уровня жизни, но, по крайней мере, благое намерение государства в этой области получило морально-политическое значение и законодательное закрепление.

Переходный характер политической системы подтверждается обозначенным в Конституции РФ запретом на официальную, обязательную партийно-государственную идеологию и правом на плюрализм идеологий (ст. 13), что, собственно, реализуется в многопартийном характере системы, а, в отличие от других государств, наличие оппозиционных партий законодательно не оформлено, но предполагается [3].

Конституция закрепила и многообразие форм собственности, в том числе, на землю и природные ресурсы (ст. 9), – многоукладность экономической системы является одним из оснований современной российской политической системы.

Существуют и другие особенности политической системы современной России, находящие свое проявление в месте и роли системы в социально-политическом развитии страны и несущие на себе отпечаток исторического пути развития государства. Как нам представляется, необходимо исследовать генезис политической системы России в целях лучшего рассмотрения ее современного состояния и возможного ее развития в будущем.

Большое значение для анализа особенностей современной российской политической системы имеет ее недавнее советское прошлое по причине невозможности для общества уйти в кратчайшие сроки от сложившихся десятилетиями стереотипов, традиций, общественного мировоззрения.

Первоначально, в молодом советском государстве идеи демократического управления планировалось реализовывать через Советы. Становление советской политической системы первоначально проходило путем прямой демократии, когда представители всех классов через наказы выражали волю народа. Перед Октябрьской революцией в стране действовали Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, но большинство членов этих советов составляли большевики, выдвинувшие лозунг «Вся власть Советам!». После победы Октябрьской революции советы являлись классовым органом, выражавшим властную волю пролетариата. Как писал В. Ленин: «Первый раз в мире власть государства построена у нас в России таким образом, что только рабочие, только трудящиеся крестьяне, исключая эксплуататоров, составляют массовые организации – Советы, и этим Советам передаётся вся государственная власть» [1, с. 238]. В 1918 году состоялся V Всероссийский съезд советов, который принял первую Конституцию РСФСР, закрепившую конструкцию государственного устройства советской власти.

В дальнейшем происходит отход от непосредственной демократии к представительной форме организации власти, служившей, в основном, для технического обеспечения выполнения воли правящей партии, хотя считалось, что советы являлись полновластными органами на своих территориях, т.к. сочетали законодательную, распорядительную и контрольную функции. Эти функции выполнялись через, создаваемые ими, административные и судебные органы, которые были подотчетны советам. Хотя, на практике судебная и законодательная власти не были эффективными и самостоятельными ветвями, так как выполняли указы правящей коммунистической партии, но их состав формировался по «разнарядке» партийных органов. В результате, в СССР подлинной демократии не существовало, так как представители народа в органах власти не имели политической самостоятельности.

В 1936 году Конституцией СССР Советы рабочих и крестьянских депутатов были переименованы в Советы депутатов трудящихся, а Конституцией 1977 года – в Советы народных депутатов, которые просуществовали до 1993 года, после чего их полномочия перешли к представительным органам согласно уставов краев, областей и других субъектов федерации, в районах, поселках, где советы не сохранились, их заменили администрации территориальных единиц.

Советские депутаты исполняли роль неких посредников (формально избираемых, но фактически назначаемых), передававших «наказы» народа власти. Но депутатский корпус не имел достаточного властного ресурса, чтобы на самом

деле выражать потребности общества, что-либо требовать от исполнительных, а тем более, партийных органов. Поэтому представительная власть оставалась декоративной, а судебная не могла выполнять свою профессиональную функцию.

Реальная власть была в руках исполнительных органов, которые назначались и отчитывались перед партийными органами, их состав формировался по номенклатурному признаку и был практически несменяемым.

Коммунисты получили непосредственное управление страной, начиная еще с 20-х годов XX века, когда партия руководила организациями, предприятиями через своих членов, постепенно захватывая управление через Советы, профсоюзы, комсомольские организации, исполнительные комитеты. Политическое господство Коммунистической партии Советского Союза находило правовое закрепление в Конституции СССР. Конституция определяла КПСС как ядро политической системы страны. Партийный аппарат был сращенным с государственным аппаратом, профсоюзами, общественными и молодежными организациями. Тотальный партийный контроль привел к росту бюрократизма, снижению творческого потенциала общества. Политическая система потеряла адаптивность, способность к изменениям в соответствии с динамикой процессов в окружающем мире [2].

Таким образом, к концу XX века советская политическая система приобрела ряд характерных признаков застоя:

- она была системой закрытого типа не только от окружающего внешнего мира, но и внутри советского общества, так как условием социальной мобильности была классовая принадлежность;
- условия формирования политической системы советского типа создали тип государственного управления, основанного на политическом насилии;
- политическая система основывалась на концентрации всех властных функций у одной правящей партии, на запрете на политический плюрализм и оппозицию;
- механизм формирования власти в советской политической системе работал по номенклатурному признаку.

После распада Советского Союза и образования нового государства – Российской Федерации, начался период реформирования и выстраивания новой политической системы.

В мае-июне 1990 года I Съезд народных депутатов России избрал Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина, 12 июня 1990 года Съезд принял Декларацию о государственном суверенитете России. Официальное название новое государство получило как Российская Федерация – Россия. Президентом России был избран Б. Ельцин. Одновременно с политическими реформами стали проводиться

экономические: либерализация цен и приватизация государственной собственности. Переход социалистической экономики на рыночные рельсы проходил такими ускоренными темпами и сопровождался такими разрушениями народного хозяйства, что получил название «шоковой терапии».

Правительство под управлением либералов во главе с Е. Гайдаром быстро добилось результатов в преодолении дефицита товаров последних лет, полки магазинов заполнились товарами, но цены на них выросли в 10-15 раз, а реальные доходы населения снизились до 44 %. Многие оказались за чертой бедности, в то время, как появилась немногочисленная группа резко обогатившихся людей.

Приватизация государственных предприятий приобрела неуправляемый характер – промышленность оказалась в частной собственности номенклатуры, «красных» директоров и криминала. Меры по раздаче собственности народу в виде приватизационных чеков – ваучеров не принесли ожидаемых результатов.

Распад энергетической инфраструктуры страны, хозяйственных связей, закрытие многих производств привел, по существу, к деиндустриализации страны. Разорились многие предприятия, сельское хозяйство пришло в упадок, в страну хлынул низкосортный импорт. Тяжелые социальные издержки реформ вызвали широкий протест, как среди населения, так и внутри власти. В оппозицию проводимым реформам перешел депутатский корпус Верховного Совета РФ. Правительство Е. Гайдара в 1992 году было отправлено в отставку из-за неудачных результатов реформ – вместо модернизации российского общества они привели к его расколу.

Мировой опыт показал, что успешность реформ обусловлена широкой общественной поддержкой и соблюдением интересов граждан, они должны учитывать национальные традиции и контролироваться государством и обществом. Никакие из перечисленных условий не были приняты во внимание, и правительство лишилось доверия народа.

В политической системе также происходили радикальные изменения: Коммунистическая партия Советского Союза была запрещена, конституционно закреплена многопартийная система, что привело к появлению множества партий, их блоков. Строительство многопартийной системы на протяжении послесоветских лет шло достаточно динамично: появлялись новые партии, укреплялись старые, создавались и разрушались «партии власти», «несистемные», непарламентские оппозиционные и системные, парламентские оппозиционные партии.

Заметным событием в политической жизни страны стал конфликт между исполнительной ветвью власти в лице Президента РФ Б. Ельцина и представительной властью – Верховным Советом РФ, стоявших на разных позициях по поводу дальнейшего пути развития государства. Ель-

цинская команда настаивала на продолжении либеральных реформ, Верховный Совет был против методов реформаторов. Противостояние закончилось расстрелом Белого дома и арестом оппозиционеров, что привело, в дальнейшем, к созданию суперпрезидентской республики, – в этом виде структура власти в России сохраняется и в настоящее время. 12 декабря 1993 года была принята новая Конституция РФ, закрепившая законодательную власть в форме двухпалатного парламента – Федерального собрания, состоящего из Совета Федерации и Государственной Думы. Большие полномочия получил по новой Конституции глава государства – Президент России, который имеет право распускать парламент, отправлять правительство в отставку, накладывать вето на решения парламента и др.

Новая Конституция объявила Россию федеративным государством с республиканской формой правления. Главой государства является Президент, избираемый всенародно. В состав России на тот момент входили 89 субъектов, в настоящее время, после некоторых реорганизаций и территориальных объединений – 85.

В 1994 году была проведена административная реформа, разграничившая функции и полномочия исполнительной власти между правительством и Президентом: правительство становилось хозяйственным органом, занимающимся экономикой страны, а Президент подчинял себе силовые структуры, дела национальностей, национальной безопасности и прочие направления, имеющие стратегическое и политическое значение.

Такое разделение функций характерно для президентской формы правления и, по опасениям некоторых экспертов, таило в себе возможности создания авторитарного режима.

Во время «перестройки» в конце 1980-х годов лидер КПСС М. Горбачев провозгласил отказ от номенклатурного принципа формирования государственных органов управления в пользу демократического, но реализация демократических принципов затягивается до нынешнего времени. До сих пор в структурах власти, особенно региональных, сохраняется большая доля работников, прошедших номенклатурный отбор, и оказавшихся у власти, благодаря связям, личной преданности, а не профессиональным качествам.

Если российскую партийную систему в конце XX века можно назвать неконсолидированной, то в 2000-е годы изменили полностью ее характеристики. Отдельные, непартийные, политики утратили свое влияние на политическую жизнь страны, а государственные чиновники стали сторонниками партии власти. Президент В. Путин избрал политику кооперации, что дало ему возможность установить контроль над ресурсами.

В стране были созданы федеральные округа, но они в действительности не имели влияния на региональную политику, губернаторы оставались неподконтрольными федеральному центру, а

многие из них оставались беспартийными. Эту проблему решил принятый в 2001 году Закон о политических партиях, были созданы общероссийские партии, создавшие разветвленную по всей стране сеть региональных отделений.

Провластная партия «Единая Россия», получившая на выборах в Государственную Думу в 2003 году две трети мест, не была независимой и находилась под управлением Кремля [4, с. 142]. Такой успех был обеспечен вступлением в партию многих губернаторов, теперь ответственных за итоги выборов в своих регионах.

Изменился и порядок формирования верхней палаты Парламента – Совета Федерации (2002 г.), теперь члены палаты назначались из числа чиновников, а не региональных лидеров.

Такой способ формирования высших структур власти, вместе с правом Президента отстранять от должности глав регионов, привел к резкому снижению конкуренции среди элит; к Администрации Президента РФ перешли функции институционального строителя политической системы в стране; сформировалась монополия правящей группы, извлекающей из своего положения определенную ренту.

Политическая система начала 2000-х характеризуется усилением партии власти и ослаблением оппозиции. Для укрепления своего положения правящий истеблишмент повысил процентный барьер прохождения на выборах в Государственную Думу, ужесточил условия регистрации политических партий, запретил предвыборные блоки, отменил выборы глав регионов и др., что также снизило партийную конкуренцию и усилило политический контроль со стороны верховной власти.

Необходимо отметить, что перечисленные действия по выстраиванию вертикали власти и повышению управляемости политической системой стали возможны, благодаря высокой общественной поддержке Президента В. Путина. А успешное прохождение мирового экономического кризиса 2007-2008 гг. управление государством под руководством партии власти «Единой России» и Президента РФ В.В. Путина стали залогом стабильности в стране, что привело к конкуренции регионов за высокие показатели в пользу «Единой России» на региональных выборах [5, с. 280].

Выстроенный административный ресурс и электоральный авторитаризм дал резкий сбой в 2011-2012 годах, вылившийся в заметные протестные действия. В дальнейшем произошло возвращение к выборам губернаторов, выборам в региональный парламент по смешанной системе и в органы местного самоуправления по мажоритарной системе. Но также были внесены поправки в Конституцию РФ о продлении сроков полномочий Президента РФ до шести лет, а депутатов Государственной Думы – до пяти лет.

Гражданское сознание россиян стремительно росло за последние годы, появился запрос на

верховенство права, равенство всех перед законом, политические альтернативы, защиту своих прав. Росло количество общественных организаций на основе самоорганизации без инициатив «сверху», таких, как защитники Химкинского леса, движение против строительства небоскреба «Газпром-сити» в исторической части Санкт-Петербурга и др. На фоне роста политического участия россиян, «Единая Россия» теряет свою популярность, о чем свидетельствуют проигранные ею выборы в ряде регионов в Единый день голосования в сентябре 2018 года.

Политическая система России в настоящее время оформлена конституционно как президентская республика, она также включает в себя и такие принципы, как авторитаризм, демократию, олигархию, nepотизм, патернализм и пр. Укрепление вертикали власти с приходом Президента В. Путина в первое десятилетие XXI века придало жесткость государственно-политической системе, но снизило ее адаптационный потенциал в условиях динамично меняющейся социальной среды, особенно внутри государства. Несомненно, новая политическая система российского государства более эффективна по сравнению с предшествующей политической системой, но, по-прежнему, ей требуется дальнейшая модернизация в соответствии с вызовами времени.

Литература:

1. *Ленин В.И.* Что такое Советская власть? / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 38.
2. Конституция СССР. Основной закон. М., 1977.
3. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
4. *Гельман В.* Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии / В. Гельман // Полис. 2008. № 5.
5. *Макаренко Б.* Сценарии эволюции партийной системы / Б. Макаренко; Под ред. М. Липман, Н. Петрова // Россия 2020: Сценарий развития. М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2012.

Таким образом, современная политическая система России унаследовала некоторые черты предыдущих систем – советской и российской имперской. Но процесс совмещения старых и новых традиций и принципов предоставляет политической системе и политической власти возможности гибкости и адаптивности.

В завершение публикации авторы приходят к выводу о том, что конституционно закрепленные демократические основы политической системы создают для российского государства совершенно новые условия функционирования, что требует определенного исторического периода для закрепления институтов парламентаризма, президентства, института выборов и гражданского общества. В отличие от других стран, государство в российской политической системе всегда играло ведущую роль, другие политические элементы системы – партии, общественные движения и организации появлялись в истории России на непродолжительное время. Дальнейшее развитие российской государственности будет зависеть, в том числе, и от эффективной политики власти по усилению прозрачности и открытости работы органов государственной и муниципальной власти, от сохранения приоритетов социальной политики, расширения диалога власти и общества.

Literature:

1. *Lenin V.I.* What is the Soviet power? / V.I. Lenin // Poln. It's not like I'm going to be 5 ed. Vol. 38.
2. The Constitution of the USSR. Basic Law. M., 1977.
3. Constitution of the Russian Federation. M., 1993.
4. *Helman V.* Political parties in Russia: from competition to hierarchy / V. Helman // Polis. 2008. №5.
5. *Makarenko B.* Scenarios of the evolution of the party system / B. Makarenko; under Ed. M. Lipman, N. Petrova // Russia 2020: Scenario of development. M. : Russian Political Encyclopedia (ROSPEN), 2012.

Понеделков Александр Васильевич
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления -
филиал РАНХиГС
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Роговенко Михаил Александрович
магистр
по направлению «Конфликтология»
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

■ ■ ■

Аннотация. Научно-техническая революция, помноженная на социально-гуманитарные инновации, определила новые формы социальной коммуникации, расширила в процессах обмена информацией производства нового знания факторы расстояний и государственных границ. Следствием трансформации социально-политических институтов становится возрастание гетерогенности политического пространства и неоднородности акторов, взаимодействующих в нем. Гражданская активность реализуется в новых формах социально-политического участия, связанных с формированием сетевых сообществ, которые становятся новыми субъектами гражданского общества. В статье авторами анализируются особенности взаимодействия государства и общества в условиях функционирования информационно-сетевых коммуникаций. В завершении публикации ими делается вывод о том, что трансформация социально-политических институтов в условиях сетевого общества детерминирована сетевизацией сфер общества, в целом, и социальной-политической, в частности. Новые элементы позволяют институциональному пространству государства и гражданского общества адаптироваться к потребностям друг друга в процессе сетевого взаимодействия.

Ключевые слова: сетевые коммуникации, социальные институты, гибридность, информационно-сетевые технологии, институализация, сетевое общество, гражданское общество.

■ ■ ■

Начало XXI века послужило толчком для значительных трансформационных изменений практически во всех общественно-политических институтах. Научно-техническая

Aleksandr V. Ponedelkov
Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Political Science,
Professor,
Head of Laboratory,
South-Russian Institute of Management -
RANEPA branch
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Mikhail A. Rogovenko
Master
in the area «Conflictology»
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

FEATURES OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND SOCIETY IN THE CONDITIONS OF THE FUNCTIONING OF INFORMATION AND NETWORK COMMUNICATIONS

■ ■ ■

Annotation. The scientific and technological revolution, multiplied by social and humanitarian innovations, defined new forms of social communication, expanded the factors of distances and state borders in the processes of information exchange and the production of new knowledge. The result of the transformation of socio-political institutions is an increase in the heterogeneity of the political space and the heterogeneity of the actors interacting in it. Civil activism is implemented in new forms of socio-political participation associated with the formation of network communities, which become new subjects of civil society. In the article, the author analyzes the features of interaction between the state and society in the conditions of functioning of information and network communications. At the end of the publication, he concludes that the transformation of socio-political institutions in a networked society is determined by the networked spheres of society, in general, and social and political, in particular. The new elements allow the institutional space of the state and civil society to adapt to each other's needs in the process of networking.

Keywords: network communications, social institutions, hybridity, information and network technologies, institutionalization, network society, civil society.

■ ■ ■

революция, помноженная на социально-гуманитарные инновации, определила новые формы социальной коммуникации, расширила в процессах обмена информацией производства

нового знания факторы расстояний и государственных границ.

По мнению Д. Белла, именно информационные сетевые коммуникации играют ключевую роль в трансформации социально-политических институтов современного социума, т.к. информация становится основным ресурсом и, в то же время, основным управленческим рычагом современности [1]. Распространение ИКТ значительно трансформирует общественно-политическую жизнь общества, и прежде всего, в направлении взаимоотношений государства и его граждан (гражданского общества). Благодаря ИКТ, формируются и распространяются новые модели организации коммуникации между обществом и государством, постепенно утрачивается актуальность традиционных систем социально-политической коммуникации и управления.

Следствием трансформации социально-политических институтов становится «возрастание гетерогенности политического пространства и неоднородности акторов, взаимодействующих в нем». Специалисты (историки, политологи, социологи, обществоведы) используют для описания этого процесса «атрибуты комплексности, сложносоставности, лиминальности, мозаичности». Применение понятия «гибридность» в области научного знания становится результатом теоретико-методологических поисков, позволяющих описывать новую общественно-политическую реальность, возникшую в условиях кризисов, «переходности» или столкновения различных социокультурных практик [2, с. 7]. Фиксируя наличие «гибридных», нетипичных социально-политических институтов и выявляя их качественные характеристики, исследователи исходят из разных методологических подходов, которые позволяют им выстраивать объяснительные конструкции трансформационных процессов [2].

Как подчеркивают российские исследователи Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко, Н.А. Рябченко, «гибридность» политических режимов для исследования динамики и трансформаций современных государств и его институционального пространства стала объяснительной моделью, позволяющей «вместить» в себя все разнообразие стремительно нарастающих эмпирических «девиаций» и новаций. Указанные авторы в своей статье, посвященной проблемам типологизации гибридных институтов, описывают несколько типов институциональной гибридности, возникшей как результат трансформации социально-политических институтов. И одним из таких типов является гибридность, обусловленная институционализацией новых акторов гражданской активности в рамках публичной политики в online и offline пространствах. Исследователи подчеркивают, что в современных условиях «публичное пространство не просто расширяется за счет присоединения к традиционной информационно-дискурсивной сфере интернет-пространства, а приобретает иные качественные характеристики» [2, с. 14].

Появление новых практик процесса формальной социально-политической институционализации сетевых онлайн-сообществ в российском обществе тесно связано с формированием и развитием дискурсивных сетей, новых социальных движений и форм проявления гражданской активности, мобилизующих инициативных граждан на участие в решении разнообразных социально-политических проблем.

Вслед за трансформацией социально-политических институтов происходит и трансформация сферы активности граждан в гражданское общество. Такая трансформация предполагает особый тип действия, которое С.В. Патрушев определяет как прото-гражданское действие, когда субъект гражданской активности не только осваивает свой статусную позицию гражданина, но и формирует представление о своей гражданской роли и гражданской идентичности [3].

Гражданская активность реализуется в новых формах социально-политического участия, связанных с формированием сетевых сообществ, которые становятся новыми субъектами гражданского общества.

В соответствии с концепцией М. Кастельса, современное сетевое общество предстает как закономерный итог технологического развития и как результат определенного трансформационного функционирования традиционных социально-политических институтов, предопределившего значительные сдвиги в социально-политической и экономической сферах общества.

Так, в частности, М. Кастельс пишет: «Генезис сетевого общества в значительной степени обусловлен ходом истории, а именно тем обстоятельством, что в начале 1970-х годов в мире параллельно протекали три важнейших, независимых друг от друга процесса: информационно-технологическая революция; культурные и социальные движения 1960-1970-х годов; кризис, приведший к реструктурированию (перестройке) двух существовавших в то время социально-экономических систем – капитализма и этатизма» [4, с. 28-30].

Трансформация социально-политических институтов в условиях сетевого общества исследуются в рамках концепции политико-административного управления с применением ресурсов информационно-коммуникативных технологий.

Институционализация социально-политических сетей и самоорганизации граждан стала рассматриваться экспертами в качестве фактора формирования нового формата гражданского общества, которое потенциально способно расширить и углубить пространство социально-политического взаимодействия и предложить интерактивные каналы взаимосвязей и взаимоотношений граждан и представителей институциональных структур в инновационных условиях сетевого взаимодействия.

Трансформация сферы социально-политических институтов, по мнению И.В. Мирошниченко и Е.В. Морозовой, имеет векторы, определяющие формы и содержание современного институционального социально-политического пространства. К таким векторам авторы относят:

- приобретение сетевых качеств традиционными общественными и политическими институтами, отражающихся в особенностях их функционирования;
- появление новых социально-политических институтов, имеющих сетевую природу и гибридизация институтов, сочетающих в себе элементы традиционных и сетевых форм организации [5, с. 38].

Первый вектор трансформации социальных и политических институтов, как подчеркивают указанные выше исследователи, сопряжен «с адаптацией традиционного институционального дизайна современных государств к изменившимся потребностям общества. Сетевизация социальной структуры и механизмов коммуникации потребовала от современных государств движения к интерактивной модернизации системы публичного управления» [5]. Именно таким образом произошло появление институтов традиционных по своей природной сущности, функционирование которых обеспечивается сетевыми информационно-коммуникативными технологиями (ИКТ) (электронное правление, электронное правительство, электронный процесс политических выборов и т.д.).

Вся совокупность ИКТ, обеспечивающих взаимодействие между гражданским обществом и органами государственного управления, а также, взаимодействие муниципального и государственного управления между собой сегодня, принято называть «электронное правительство» (e-Government). Заметим, что понятие «электронное правительство» сопряжено с концепцией развития эффективного социального государства и тесно взаимосвязано с такими дефинициями, как «электронное государственное управление» и «электронная демократия» [6].

С.В. Гараева полагает, что категория «электронное управление» подразумевает под собой категорию «электронное правительство» и обозначает не простое обеспечение граждан доступа к разнообразного рода правительственной информации, а также, предоставление государственных услуг посредством ИКТ, но и потенциал электорального поведения (например, электронного голосования); непосредственного воздействия на процесс принятия тех или иных политических решений, прямого, активного участия российских граждан в социально-демократических процессах.

При этом, как подчеркивает С.В. Гараева, категория «электронная демократия» в широком смысле имеет непосредственное отношение ко всем социально-политическим институтам и процессам, охватывающим многочисленные формы электронной сетевой коммуникации в

рамках системы государственного управления и гражданами [7]. Узкое же понимание электронной демократии имеет отношение к социально-политическим институтам и процессам, включающим сетевую коммуникацию между электоратом и избираемыми органами власти и властных структур [8].

Главными критериями эффективного функционирования электронного правительства являются обеспечение обратной связи с гражданами, а также, скорость и качество представления услуг посредством ИКТ.

Некоторые авторы полагают, что гражданская активность в условиях сетевого общества детерминирована двумя взаимосвязанными процессами: размыванием традиционных институтов и социальной структуры общества, а также, ростом индивидуализации социальных и политических коммуникаций. В отношении «трансформации социальной структуры можно выделить такие ее новые черты, как легкую проницаемость, а порой, и кажущееся отсутствие границ между слоями и группами, высокую социальную мобильность, как по вертикали, так и по горизонтали, сетевой характер коммуникации» [9, с. 40].

В совокупности с индивидуализацией, все это, бесспорно, повышает как потенциальные возможности, так и конфликтогенный потенциал гражданской активности. Всякий протест в условиях современной сетевой среды становится, в первую очередь, борьбой за информационную открытость, возможность свободно и оперативно делиться своей информацией с многомиллионными пользователями. Отсюда, как считает К. Ширки, главное требование к властным институтам – обеспечить такого рода возможность для граждан, стать как можно прозрачнее и доступнее в информационном плане [10].

Таким образом, фрикционный переход гражданской активности из реальных социально-политических институтов в сетевые обусловлен институциональными трансформациями, базирующимися на принципах концепции сетевого руководства (network governance).

В заключение публикации резюмируем, что трансформация социально-политических институтов в условиях сетевого общества детерминирована сетевизацией сфер общества, в целом, и социальной-политической, в частности. Новые элементы позволяют институциональному пространству государства и гражданского общества адаптироваться к потребностям друг друга в процессе сетевого взаимодействия. Происходящие трансформационные изменения обладают определенным конфликтогенным потенциалом, речь о котором будет идти в следующем параграфе данного исследования.

Очевидно, что государству и обществу необходимо постоянное взаимодействие при формировании системы государственных услуг посредством ресурсов Интернет не только в целях повышения эффективности системы государственного управления, но и в целях дальнейшего

формирования и укрепления гражданского общества, повышения гражданской активности лю-

дей и в целом улучшения качества жизни российских граждан.

Литература:

1. *Белл Д.* Конец идеологии. М., 1988. 564 с.
2. *Морозова Е.В.* Гибридные политические институты: к проблеме типологизации / Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко, Н.А. Рябченко // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16. № 4.
3. *Патрушев С.В.* Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования. URL : http://www.civisbook.ru/files/File/Patrushev_2009_6.pdf
4. *Кастельс М.* Россия и сетевое общество: аналитическое исследование / М. Кастельс, Э. Киселева // Мир России. 2000. № 1.
5. *Мирошниченко И.В.* Трансформация политических институтов в пространстве сетевого фронта / И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова // Politbook. 2016. № 3.
6. *Акопов Г.Л.* Интернет-технологии и формирование «электронной» демократии / Г.Л. Акопов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2012. № 4. С. 159-170.
7. *Гараева С.В.* Интернет-ресурс как инструмент государственного управления / С.В. Гараева // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. № 5-1. Т. 151. С. 122-127.
8. *WO Okot-Uma R.* Electronic Governance: Re-inventing Good Governance. URL : <http://webworld.unesco.org/publitions/it/EGov/wordbanл%20okot-uma.pdf>
9. *Парфенова Ю.В.* Сетевые формы политического участия в современной России и постсоветском пространстве : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016.
10. *Ширки К.* Как делать историю при помощи Интернета / К. Ширки // Snob 25.06.09. URL : <https://snob.ru/selected/entry/4133>

Literature:

1. *Bell D.* The end of ideology. M., 1988. 564 p.
2. *Morozova E.V.* Hybrid political institutions: to the problem of typologization / E.V. Morozova, I.V. Miroshnichenko, N.A. Ryabchenko // Man. Community. Management. 2015. Vol. 16. № 4.
3. *Patrushev S.V.* Civil activity: an institutional approach. Prospects of research. URL : http://www.civisbook.ru/files/File/Patrushev_2009_6.pdf
4. *Castels M.* Russia and the network society: an analytical study / M. Castels, E. Kiseleva // The world of Russia. 2000. № 1.
5. *Miroshnichenko I.V.* Transformation of political institutions in the space of the network frontier / I.V. Miroshnichenko, E.V. Morozova // Politbook. 2016. № 3.
6. *Akopov G.L.* Internet technologies and the formation of «electronic» democracy / G.L. Akopov // State and Municipal Management. Uchenye zapiski SKAGS. 2012. № 4. P. 159-170.
7. *Garaeva S.V.* Internet resource as a tool of public administration / S.V. Garaeva // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Humanities series. 2009. № 5-1. Vol. 151. P. 122-127.
8. *WO Okot-Uma R.* Electronic Governance: Re-inventing Good Governance. URL : <http://webworld.unesco.org/publitions/it/EGov/wordbanл%20okot-uma.pdf>
9. *Parfenova Yu.V.* Network forms of political participation in modern Russia and the post-Soviet space : dis cand. polit. SPb., 2016.
10. *Shirki K.* How to make history using the Internet / K. Shirki // Snob 25.06.09. URL : <https://snob.ru/selected/entry/4133>

Чапурко Татьяна Михайловна
доктор политических наук,
профессор,
профессор кафедры
философии и социологии,
Краснодарский университет МВД РФ
chapurko@mail.ru

Григорьева Наталья Викторовна
кандидат социологических наук,
начальник отдела развития,
Туристско-рекреационный комплекс
министерства туризма, курортов
и молодежной политики
Карачаево-Черкесской республики
popov-52@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОСТИ НА СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

■ ■ ■

Аннотация. Основным вектором мирового развития считается глобализация, направленная на формирование качественно новой модели мирового пространства. Появление новых высоких технологий и образование единого информационного пространства оказывает серьезное влияние на развитие регионов и национальных государств. Человечество вступило в эпоху, когда информационная составляющая социальных процессов начинает преобладать во всех сферах жизни. Масштаб информатизации жизнедеятельности становится одновременно фактором и показателем уровня развития государства, региона, города. В данной статье авторы уделяют внимание проблемам малых городов, на функционирование которых процессы, происходящие в нашей стране в постсоветский период, оказали крайне негативное воздействие. Ими же даются предложения по выводу малых городов из системного кризиса.

Ключевые слова: глобализация, новая модель мирового пространства, малые города, моно города, информатизация, социальное пространство, информационно-коммуникативные технологии.

■ ■ ■

В последние десятилетия основным вектором мирового развития считается глобализация, направленная на формирование качественно новой модели мирового пространства. Появление новых высоких технологий и образование единого информационного пространства оказывает серьезное влияние на развитие регионов и национальных государств.

Tatiana M. Chapurko
Doctor of Political Science,
Professor,
Professor of the Department
Philosophy and Sociology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian federation
chapurko@mail.ru

Natalia V. Grigorieva
Candidate of Sociological Sciences,
Head of Development Department,
Tourist and Recreational Complex
Ministry of Tourism, Resorts
and Youth Policy
Karachay-Cherkess Republic
popov-52@mail.ru

THE IMPACT OF MODERN GLOBALIZATION ON THE STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SMALL CITIES IN RUSSIA

■ ■ ■

Annotation. The main vector of world development is considered to be globalization, aimed at forming a qualitatively new model of the world space. The emergence of new high technologies and the formation of a single information space has a serious impact on the development of regions and national states. Humanity has entered an era when the information component of social processes begins to prevail in all spheres of life. The scale of informatization of life becomes both a factor and an indicator of the level of development of the state, region, city. In this article, the authors pay attention to the problems of small towns, on the functioning of which the processes taking place in our country in the post-Soviet period had an extremely negative impact. They provide suggestions for their withdrawal from the systemic crisis.

Keywords: globalization, new model of the world space, small cities, mono-cities, informatization, social space, information and communication technologies.

■ ■ ■

Осмыслению современных глобализационных тенденций, их специфики и последствий посвящены работы как зарубежных авторов (У. Бек, П.Л. Бергер, Д. Хелд и др.) [1-3], так и отечественных (А.Г. Дугин, Н.Н. Зарубина, Н.Н. Осадин, А.И. Уткин и др.) [4-7]. Все эти ученые отмечают, что сегодняшний этап мирового развития – это период усиленного нарастания своей

целостности, формирования общемировых систем, преодолевающих границы отдельных государств.

Как отмечает У. Бек, вместе с глобализацией рушатся основные принципы, на которых организовывались и жили общества и государства, представляя собой территориальные, отграниченные друг от друга единства. В результате «образуются новые силовые и конкурентные соотношения, конфликты и пересечения между национально-государственными единствами и факторами, с одной стороны, и транснациональными факторами, идентичностями, социальными пространствами, ситуациями и процессами – с другой» [8, с. 45].

К характерным особенностям социально-экономического развития современного общества в контексте глобализационных процессов относятся:

- информатизация современного производства;
- становление новых по форме кооперационных связей;
- глобализация процессов развития.

Человечество вступило в эпоху, когда информационная составляющая социальных процессов начинает преобладать во всех сферах жизни. Масштаб информатизации жизнедеятельности становится одновременно фактором и показателем уровня развития государства, региона, города. Таким образом, прогресс в сфере информационно-коммуникационных технологий открывает все новые возможности для развития стран, регионов.

Помимо информационной составляющей, глобализация включает в себя глобализацию рынков (капитала, трудовых ресурсов, товаров и услуг) и глобализацию управленческих форм экономики, направленных на укрупнение организационных структур экономики вплоть до создания глобальных сверхкорпораций [9].

Одним из наиболее мобильных факторов растущей целостности мировой экономики являются современные транснациональные корпорации, стремительный рост которых был назван «одной из значительных тенденций в области предпринимательства и экономики конца XX века» [10, р. 32]. В основе распространения транснациональных компаний лежит активизация предпринимательского капитала, постепенно преодолевавшего зависимость от национальных государств.

Специфика деятельности ТНК, охватывающей государства, регионы и секторы мирового хозяйства, не может не оказывать влияние предпринимательскую активность в разных странах. В современных условиях сфера международной предпринимательской деятельности вынуждена подчиняться ключевым тенденциям мирового экономического развития:

1) рост открытости национальных экономик и либерализация торговых связей ведет к преобладанию международных норм над национальными нормами, регламентирующими сферы экономики, финансов, торговли и имеющими свою культурно-цивилизационную специфику;

2) формы интеграции развивающихся стран и стран с переходной экономикой определяются не столько их внутренними национальными интересами, сколько интересами и стратегиями ТНК, избравшими их в качестве страны базирования.

В основе деятельности ТНК лежит принцип либерализации торговли, направленный на ликвидацию барьеров в торговле, на ограничение политики протекционизма, что, в целом, способствует расширению сфер для мировой торговли.

Однако, несмотря на перспективы развития, которые появляются в условиях глобализации, современный этап общественного развития свидетельствует о том, что мир не становится спокойнее и безопаснее. Научные прогнозы относительно общества будущего констатируют, что уровень рисков и угроз будет только возрастать. Можно согласиться с позицией ведущих российских ученых относительно того, что «экономические, технологические, политические, социальные и культурные факторы глобализации обладают системным свойством синхронизировать и умножать свое действие в пространстве и времени, и, в зависимости от сложения сил, может быть достигнут синергетический креативный или разрушительный эффект» [11, с. 67].

Рост и масштабы интеграция национальных экономик в единую глобальную экономическую систему выступает одним из вызовов национальной безопасности России.

В современном научном знании сложились различные подходы в понимании национальной безопасности. Такая ситуация обусловлена наличием различных методологических парадигм в исследовании национальной безопасности. В качестве основных исследовательских парадигм можно выделить «деятельностную парадигму», «парадигму ценностей» и «парадигму интересов».

В рамках «деятельностной парадигмы» национальная безопасность рассматривается как результат деятельности государственных структур, направленной на выявление, предупреждение, ослабление, нейтрализацию рисков и угроз безопасности для личности, общества и государства.

Ряд авторов (В.Е. Чеканов, И.Б. Кардашова) связывают национальную безопасность с состоянием защищенности страны, обусловленной способностями своевременно обнаруживать возникающие угрозы и противостоять им [12-13]. Другие авторы (О.А. Бельков и др.) определяют национальную безопасность как состояние, достигаемое вследствие «эффективной деятельности всех социально-политических инсти-

тутов для обеспечения существования и прогрессивного развития личности, общества и государства» [14, с. 91].

В рамках «парадигмы ценностей» национальная безопасность рассматривается как состояние защищенности национальных ценностей от различного рода угроз. Исследователи выделяют различные виды ценностей: семейные, нравственные, религиозные, национальные, правовые, политические и др. Таким образом, национальные ценности находят воплощение в нормах и принципах устройства национального государства как политического института, основными критериями которого выступают:

- 1) способность конструировать территориальное пространство государства, т.е., формировать представление о государственных границах и суверенитете;
- 2) стандартизировать культурное и политическое пространство общества;
- 3) осуществлять протекционизм в области национальных экономических институтов;
- 4) формировать и защищать национальную идентичность как форму гражданско-культурной локализации, как индивида, так и общества в мире. В связи с этим, некоторые исследователи считают, что национальная безопасность России возможна только на основе ценностных представлений о сохранении культурно-цивилизационной самобытности нашей страны в условиях жестких внешних вызовов [15].

При изучении национальной безопасности в рамках «парадигмы интересов» особое значение имеет трактовка понятия «национальный интерес».

В научной литературе под национальными интересами понимают совокупность «причинно обусловленных потребностей и неотъемлемых ценностей исторически сложившейся, объединенной социокультурными связями и организованной в государство социальной общности, удовлетворение и защита которых объективно необходимы для будущего существования и развития последней и возможны в полной мере, лишь благодаря осознанному совместным усилиям ее представителей» [16, с. 43].

Национальные интересы, приобретая характер глубокой национальной необходимости и ориентируя страну на достижение определенного внутреннего состояния и внешнеполитического положения, выступают определяющим мотивом государственного управления. Четкое представление о национальных интересах является исходным пунктом при выработке текущих и перспективных национальных целей, которые определяют при имеющихся реальных возможностях на основе имеющегося опыта желаемую модель развития страны на соответствующую перспективу.

В качестве основных угроз национальной безопасности России можно выделить следующие:

– угрозы, связанные с особенностями реализации экономической глобализации. Проблема специфики экономической глобализации, а также рисков и угроз, которые она создает для национальной безопасности современных государств, получила широкое обсуждение в работах как зарубежных, так и отечественных мыслителей.

Среди зарубежных исследователей, изучающих проблему экономической глобализации в контексте безопасности национальных государств, следует отметить Е. Люарда, М. Олброу, К. Омаэ, Дж. Грея, С. Стрейнджа и др. [17-21]. По мнению этих авторов, современная глобализация представляет собой новую эру, отличительной чертой которой является зависимость государств от порядков, царящих на мировом рынке.

Таким образом, экономическая глобализация порождает новую форму социально-политической организации, в которой институты глобального управления претендуют на все большую власть в мировом сообществе, постепенно понижая роль национальных государств в качестве самостоятельных экономических и политических субъектов.

Отечественные ученые отмечают, что сегодняшняя модель глобализации соответствует исключительно интересам лишь стран Запада, которые используют ее для усиления своего контроля над мировой экономикой [22-26]. Именно попытки построения либеральной экономической модели в России, а также, способы и механизмы ее встраивания в глобальные экономические процессы привели к возникновению целых секторов национального хозяйства, обладающих критической степенью зависимости от мировой экономики. Сложившаяся глобальная экономическая система ведет к обострению глобальной конкуренции за ресурсы, рынки, стратегические транспортные коммуникации, что, безусловно, актуализирует проблему экономической безопасности России.

Глобализация сопровождается появлением новых наднациональных институтов управления мировой экономикой, вследствие чего национальные государства становятся зависимыми от новых глобальных или региональных структур □ угроз, связанных с распространением либеральной системы ценностей, сложившейся в ходе развития западной цивилизации. Как справедливо отмечает Н.Н. Зарубина, позиционирование либеральной модели как единственно правильной и эффективной приводит к тому, что, внедряясь в самобытный уклад развивающихся стран, «глобальная хозяйственная культура не столько «подтягивает» до своего уровня, сколько оказывается фактором, ускоряющим деградацию собственных духовно-этических основ хозяйственной деятельности» [27, с. 72]. Разрушение локальных экономических культур на рубеже XX-XXI вв. происходит по следующим основным направлениям:

- 1) упадок самобытных хозяйственных укладов, неспособных конкурировать с технологически

инновационными производствами, которые сегодня перемещаются из развитых стран в развивающиеся;

2) искажение локальной экономической культуры предпринимательства вследствие встраивания в глобальные экономические связи. Эта тенденция касается не только периферии мирового хозяйства, но и развитых стран Западной Европы, из которых производства переносятся в другие регионы с более дешевой рабочей силой. При этом приоритеты получают не те отрасли и производства, которые необходимы для сбалансированного развития национальной экономики, повышения уровня жизни населения, а наиболее прибыльные для элит глобального бизнеса;

3) рост криминальных форм экономической активности, начиная от разного рода нарушений трудового законодательства, незаконных или полузаконных финансовых операций, «отмывания» денег и заканчивая такими криминальными видами бизнеса, как торговля наркотиками, проституция и т.д.;

4) разрушение институциональных и социальных основ хозяйства, проявляющееся в распаде традиционных межличностных связей, отношений солидарности, взаимной поддержки и защиты.

В итоге, глобальное распространение либеральной модели, ориентированной на получение выгоды и максимальной прибыли, рационализм, ведет к ликвидации социокультурной уникальности иных цивилизаций [28]. Реализация данной модели приводит к игнорированию культурно-цивилизационных традиций и ценностей, менталитета, исторического наследия, а также – к обострению в развивающихся странах проблем социального и экологического характера. Это подтверждается тем, что в 90-е гг. XX в. в России внедрение европейской модели рыночных отношений привело страну к социально-экономическому и глубочайшему духовному кризису, последствия которого проявляются и сегодня; – к угрозам, связанным с усилением глобального торгового и финансового контроля со стороны ТНК по отношению к экономикам национальных государств. Это приводит к тому, что государству, развивающемуся по неолиберальной модели, предъявляются «жесткие монетаристские требования сбалансировать бюджет и обеспечить устойчивость денежного обращения. Вместо концепций импортозамещающей индустриализации всячески пропагандируются идеи экспорто-ориентированного развития, преимущественно; с участием ТНК право на существование имеют только конкурентоспособные “по международным стандартам предприятия”, которые расположены, в первую очередь, в развитых странах» [29, с. 9]. Тем самым, посредством навязывания неравных условий «свободного рынка» развивающимся странам создаются условия для экспансии на их территорию ТНК и закладываются основы долговременной стратегии перераспределения природных ресурсов в пользу развитых стран. Все это загоняет разви-

вающиеся страны в финансово-экономическую кабалу, сопоставимую с неокolonизацией, способствует ослаблению национальных государств и их суверенитета.

Современное понимание суверенитета, по мнению специалистов, сегодня сводится к выполнению определенных обязательств международного права и влечет за собой подотчетность государств мировому сообществу [30].

Более того, исследователи отмечают, что «в условиях, навязанной миру модели неолиберальной глобализации, национальный суверенитет, национальная экономика, национальные интересы становятся главными раздражителями для лидеров глобализации» [31, с. 26].

Анализ последствий экономической глобализации для развивающихся стран позволил исследователям говорить о появлении новой формы экстремизма – экстремизма экономического, нередко проявляющегося «...в виде санкций, применяемых одной стороной, принуждающей другую идти на заведомо невыгодные условия экономического сотрудничества или его прекращения» [32, с. 658].

В условиях экономической глобализации применение экономических санкций в отношении государства ведет к подрыву его экономических основ и, как следствие, суверенитета и целостности страны. Исследователи отмечают, что «главной целью экономических санкций являются политические отношения, однако, инструментом воздействия выступают меры, непосредственно ограничивающие международные экономические отношения в целях дестабилизации экономики страны, в целом, или ее отдельных секторов» [33, с. 121].

Введение экономических санкций против России с новой силой актуализировало проблему зависимости страны от импорта, способности к защите своих национальных интересов и экономического суверенитета. Построение либеральной экономической модели в России, а также, способы и механизмы ее встраивания в глобальные экономические процессы привели к возникновению целых секторов национального хозяйства, обладающих критической степенью зависимости от мировой экономики. Причем, по большей части, это – системообразующие и жизненно важные секторы и отрасли национального хозяйства России [34, с. 239].

В настоящее время в общественном дискурсе, присутствуют две полярные точки зрения на оценку влияния экономических санкций на развитие страны: одни считают, что санкции реально ухудшат положение дел в российской экономике, другие полагают, что они помогут отечественному народному хозяйству избавиться от импорта-зависимости и возродить сельское хозяйство и промышленность. Однако специалисты отмечают, что «позитивное влияние на экономику страны этих тенденций может проявиться только в перспективе, а в настоящих условиях (в ближайшей перспективе) наблюдается зату-

хание темпов экономического роста России и, как следствие, определенное отставание от развитых стран. И это отставание можно оценить, как угрозу экономической безопасности страны» [35, с. 151].

В научной литературе под экономической безопасностью понимают совокупность условий, защищающих хозяйство страны от всякого рода угроз и обеспечивающих устойчивое бескризисное развитие экономики [36].

В Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации отмечается, что экономическая безопасность страны предполагает выявление и нейтрализацию внутренних и внешних угроз в сфере экономики; обеспечение социальной и политической стабильности, устойчивого и динамичного развития экономики; создание эффективной и конкурентоспособной конструкции экономической системы государства [37].

Сегодня к основным угрозам экономической безопасности России можно отнести существенную зависимость от импорта технологий и многих видов потребительских товаров, превращение страны исключительно в экспортера природных ресурсов, ослабление ее позиций на рынках стран СНГ. В связи с этим, следует отметить, что оптимальным вектором развития страны должно стать отставание в глобализирующемся мире своих национальных интересов, которые «заключаются в том, чтобы обеспечить благоприятные условия для решения внутренних проблем, открываясь по отношению к внешнему миру в такой степени, в какой это не противоречит ее потребностям» [38, с. 441-442].

Изложенные выше угрозы безопасности России оказывают непосредственное влияние на функционирование и перспективы развития малых городов, которые в условиях глобализации оказались в значительно худшем положении, чем города и мегаполисы, где стал концентрироваться крупный торговый и финансовый капитал. Это привело к углублению социального неравенства между населением малых городов и мегаполисов, а также, к обострению отношений по линии «центр – провинция». Эти отношения всегда были непростыми, но в настоящее время, как отмечают исследователи, «между Москвой и остальной Россией нарастают экономические и политико-культурные противоречия системного характера» [39, с. 79].

Глобализация интенсифицирует миграционные процессы, в рамках которых осуществляется перемещение людей из менее благополучных мест в более благополучные. В первую очередь, это затрагивает социально-неблагополучные регионы и городские поселения, входящие в их территориальную структуру. Результаты социологических исследований свидетельствуют о массовом характере миграции из малых городов России в мегаполисы. Так, например, согласно исследованиям, проводимым в мониторинговом режиме в городе Ленингорске Республики Та-

тарстан, миграционные настроения распространены в большей степени среди молодежи.

На основании сравнительного анализа данных за последние пять лет, социологи констатируют, что покинуть родной город стремится, в основном, молодежь в возрасте до 30 лет, успешные предприниматели и высокопрофессиональные специалисты активного возраста (до 45 лет) [40]. Основной причиной, заставляющей людей задуматься над сменой места жительства, является высокий уровень безработицы. Именно эта социальная проблема, по данным соцопроса, волнует все категории граждан, но в большей степени она актуальна для людей трудоспособного возраста 18-50 лет. В целом, это свидетельствует об углублении социального неравенства между малыми городами и мегаполисами в условиях глобализации.

Кроме этого, глобализационные процессы привели к появлению новых функций у крупных городов. В настоящее время мегаполисы становятся центрами решения стратегических задач:

- это центры, вырабатывающие геополитические решения;
- это центры концентрации финансового капитала и контроля финансовых операций;
- это места производства и применения инноваций.

Колоссальный социально-экономический отрыв Москвы от других городов России способствует усилению антагонизма между ними. Сегодняшнее углубление этого раскола обусловлено «гигантской концентрацией финансовых и инвестиционных ресурсов в Москве, которая не только ускоряет модернизацию потребительского поведения москвичей, но, как пылесос, вытягивает в столицу наиболее конкурентоспособные человеческие ресурсы со всей страны, не говоря уже о притоке низкоквалифицированных мигрантов из других стран» [41, с. 6].

Сложившаяся ситуация классово-территориального расслоения российских городов не способствует диверсификации и модернизации советской модели городов-заводов. Одним из вариантов развития городов-спутников могло бы стать приобретение платежеспособным населением мегаполисов современного жилья малоэтажной застройки, что способствовало бы развитию городских окраин. Однако «обеспеченные слои населения предпочитают создавать закрытые поселки за городом, своего рода гетто наоборот, расположенные вдалеке от городских окраин. Это не создает модернизационного эффекта для периферии мегаполиса» [42, с. 323].

Таким образом, процессы глобализации, создающие условия для свободного перемещения капитала и информации, способствуют углублению социально-экономического неравенства между регионами страны, а также – между различными типами городов. Социально-экономическое положение региона свидетель-

ствует о состоянии городских и сельских поселений, территориально входящих в него. Одним из социально-экономических показателей региона

является уровень безработицы. В таблице 1 представлены региональные показатели безработицы.

Таблица 1

Ранжирование регионов по уровню безработицы [43, с. 79]

Субъекты Федерации	Безработица, %	Ранг
Наиболее успешные регионы		
Санкт-Петербург	1,4	1
Москва	1,5	2
Московская область	2,8	3
Чукотский автономный округ	3,2	4
Самарская область	3,3	5
Наименее успешные регионы		
Республика Дагестан	10,7	81
Кабардино-Балкарская Республика	11,0	82
Карачаево-Черкесская Республика	14,0	83
Республика Ингушетия	16,1	84
Чеченская Республика	17,8	85

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о наличии достаточно глубокой асимметрии в социально-экономическом развитии регионов России. В наиболее благоприятном положении находятся Москва и Санкт-Петербург, а также, регионы, обладающие сырьевыми ресурсами, которые востребованы на мировом рынке. Зарубежные капиталовложения также концентрируются в относительно благополучных регионах, что не способствует сглаживанию региональной экономической асимметрии.

Неблагополучие регионов сказывается на уровне бедности городов, включенных в их территориальное пространство. В связи с этим, важно подчеркнуть, что малый город - это структурный элемент региона. Поэтому развитие и

благополучие региона непосредственно зависит от уровня развития малых городов, входящих в его состав. Это является основанием для оживления роли малых городов в региональном развитии.

Анализируя проблему бедности в РФ, социологи приводят следующие данные, полученные в результате опросов россиян в 2012 г.: 59,6 % бедного населения проживает в городах, 40,4 % – в сельских поселениях. Причем, наибольшая часть городского населения этой категории (28,7 % от всей численности малоимущего населения) живет в малых городах с численностью населения до 50 тыс. человек [44, с. 109]. Структура малоимущего населения по месту проживания представлена в таблице 2.

Таблица 2

Состав бедного населения по месту проживания (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств), %

Место проживания	Малоимущее население									
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	
Город	66,0	61,4	60,8	59,6	58,0	59,8	59,8	61,2	59,6	
Сельское поселение	34,0	38,6	39,2	40,4	41,9	40,2	40,2	38,8	40,4	
	Крайне бедное население									
Город	–	48,8	46,9	45,1	44,2	42,3	45,0	49,2	55,1	
Сельское поселение	–	51,2	53,1	54,9	55,8	57,7	55,0	50,8	44,9	

Приведенная выше динамика состава крайне бедного населения (с доходами в 2 и более раз ниже величины прожиточного минимума) свидетельствуют о том, что в 2012 г. среди горожан, из числа крайне бедных, наиболее массовыми были доли тех, кто проживал в малых (с населением от 50 тыс. до 100 тыс. и до 50 тыс. чел.) и средних (с населением от 100 тыс. до 250 тыс. чел.) городах.

Исследователи обращают внимание на тот факт, что показатели индекса риска бедности по населенным пунктам с различной численностью населения указывают на то, что данный риск возрастает по мере уменьшения количества его жителей и изменения типа поселения (с сельского на городское) [45, с. 152].

На наш взгляд, уровень жизни населения в малых городах России связан не только с внутренними проблемами развития российского общества, трудностями его адаптации к происходящим институциональным изменениям, но и внешними вызовами, которые влияют на социально-экономическое развитие страны и ее регионов. Одними из таких вызовов являются, во-первых, экономические санкции Запада в отношении России, начиная с 2014 г.; во-вторых, падение мировых цен на нефть.

Однако, по мнению исследователей, «экономические санкции, применяемые Соединенными Штатами Америки и Европейским союзом, усугубляют и обостряют уже имеющиеся проблемы экономической безопасности, а не генерируют новые» [46, с. 7]. Тем не менее, сегодня перед

малыми городами снова стоит задача выживания в условиях текущего кризиса. В такой ситуации важной проблемой становится поиск новых «точек роста» малых городов. Как отмечают исследователи, данная проблема особо актуальна для малых городов, «в экономике которых представлен ограниченный спектр отраслей, ограниченный ресурсный потенциал и, как правило, имеются значительные демографические и социальные проблемы» [47, с. 91].

Геополитические и геоэкономические процессы, происходящие в современном мире, вновь обострили ситуацию практически во всех регионах России. Однако в наиболее сложном положении оказались малые города, которые и так были отягощены проблемами предшествующего периода развития страны и серьезно отставали от больших городов в экономическом и инфраструктурном плане.

Согласно исследованиям, проведенным социологами в ряде малых городов России, а именно, в Калужской области (г. Кременки) и Московской

областях (г. Электроугли), население которых составляет менее 20 тыс. человек (11,9 тыс. и 19,5 тыс. соответственно). Состояние объектов инфраструктуры этих городов оценивается населением крайне негативно. Более половины респондентов из малых городов (52 %) оценили благоустроенность своего города как плохую [48, с. 57]. Для сравнения: только 20% москвичей и 43 % жителей крупнейших городов дали подобную оценку состоянию городской инфраструктуры.

Сегодня разрыв между модернизирующимися и успешно встраиваемыми в глобальные экономические и культурные процессы мегаполисами и обширной периферией прогрессирует, увеличивается социальное неравенство территорий и, соответственно, уровня жизни населения. Это серьезно обостряет проблему региональной безопасности страны.

Социологические исследования выявили актуальность проблемы социального неравенства для населения России [49, с. 13] (табл. 3).

Таблица 3

Восприятие россиянами остроты различных неравенств (октябрь 2015 г., %)

Неравенства	Самые болезненные для общества в целом	Самые болезненные для себя (семьи)
Доходов	82	66
В доступе к медицинской помощи	59	39
Жилищных условий	61	30
В доступе к хорошим рабочим местам	50	23
В возможностях для детей из разных слоев общества	31	18
В доступе к образованию	40	16
В досуговых возможностях	14	12
В обладании собственностью	18	12
В наличии знакомств с «нужными людьми»	10	11
В возможностях добраться в нужные места общественным транспортом	8	10
В физических возможностях	7	9
В возможностях пользования компьютером и Интернетом	3	3
Таких неравенств нет	3	9

Таким образом, экономический кризис 2014-2015 гг., обусловленный как геополитическими процессами современного мира, так и внутренними социально-экономическими проблемами российского общества, обострил в массовом сознании россиян проблему социального неравенства.

В условиях нарастания глобальной конкуренции и экономического кризиса малые города начинают приобретать стратегическое значение, поскольку являются субъектами российской экономики на мезоуровне и в этом качестве способны обеспечить устойчивые позиции развития российской экономической сферы. Как отмечают исследователи, «любое критическое состояние местного сообщества, региона или общества, в целом, есть потенциальный риск для его соци-

ального порядка» [50, с. 55]. Более того, критическое состояние общества, чаще всего, обусловлено именно современными процессами модернизации, урбанизации, глобализации, «которые носят нелинейный, прерывистый (и, даже, возвратно-поступательный) характер» [50, с. 73-74]. В результате этих процессов, среда и жизнеобеспечение городов становится крайне неустойчивой.

Приходится констатировать, что новые угрозы, вызванные негативными последствиями глобализационных процессов, либо усугубят проблемы малых городов России, либо придадут новый импульс их развитию на базе создания производства отечественной продукции, способной заменить ранее импортированные товары.

Очевидно, что в условиях развертывания мероприятий по стимулированию импортозамещения, реализации антикризисных мер остро стоит вопрос о формировании эффективной модели муниципального управления, а также, ориентации на инновационные стратегии развития малых городов России. Региональные и муниципальные структуры управления могут стать основными

Литература:

1. Бек У. Что такое глобализация. М. : Прогресс-Традиция, 2001.
2. Бергер П.Л. Культурная динамика глобализации / П.Л. Бергер; Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона // Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире. М. : Аспект Пресс, 2004.
3. Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. М. : Праксис, 2004.
4. Дугин А.Г. Философия глобализма – философия контрглобализма / А.Г. Дугин // Международная конференция «Глобализм и глобальная безопасность». М., 2001. URL : <http://www.arctogaia.com/public/kontrglobal.shtml> (дата обращения 15.12.2015).
5. Зарубина Н.Н. Хозяйственная культура как фактор модернизации / Н.Н. Зарубина // Социологические исследования. 1996. № 4.
6. Осадин Н.Н. Роль государства в глобализирующейся экономике / Н.Н. Осадин // Развитие России в условиях глобализации мировой экономики. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2008.
7. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М. : Алгоритм : Эксмо, 2006.
8. Бек У. Что такое глобализация. М. : Прогресс-Традиция, 2001.
9. Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд и [др.]. М. : Праксис, 2004.
10. Business Week. 1990. May 04.
11. Капица С.П. Синергетика и проблемы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. М. : Эдиториал УРСС, 2001.
12. Чеканов В.Е. Некоторые проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях / В.Е. Чеканов // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: научно-практический комментарий. М. : Эксмо, 2006.
13. Кардашова И.Б. О категориально-понятийном аппарате теории национальной безопасности /

субъектами развития инновационной деятельности, поскольку именно они способны оценить возможности инновационного развития, увязать с конкретными социальными и экономическими проблемами территории, мобилизовать финансовые и интеллектуальные ресурсы, сформировать благоприятный климат для развития предпринимательства и др.

Literature:

1. Beck W. What is globalization. M. : Progress-Tradition, 2001.
2. Berger P.L. Cultural dynamics of globalization / P.L. Berger; Edited by P. Berger, S. Huntington. M. : Aspect Press, 2004.
3. Held D. Global transformations: Politics, Economy, Culture / D. Held, D. Goldblatt, E. McGrew, J Perraton. M. : Praxis, 2004.
4. Dugin A.G. The philosophy of globalism – the philosophy of counter-globalism / A.G. Dugin // International Conference «Globalism and Global Security». M., 2001. URL : <http://www.arctogaia.com/public/kontrglobal.shtml> (date of application 15.12.2015).
5. Zarubina N.N. Economic culture as a factor of modernization / N.N. Zarubina // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1996. № 4.
6. Osadin N.N. The role of the state in the globalizing economy / N.N. Osadin // Development of Russia in the conditions of globalization of the world economy. Rostov-on/D. : SFU Publishing House, 2008.
7. Utkin A.I. New World Order. M. : Algorithm: Eksmo, 2006.
8. Beck W. What is globalization. M. : Progress-Tradition, 2001.
9. Held D. Global transformations: Politics, Economy, Culture / D. Held, D. Goldblatt, E. McGrew, J. Perraton. M. : Praxis, 2004.
10. Business Week. 1990. May 04.
11. Kapitsa S.P. Synergetics and problems of the future / S.P. Kapitsa, S.P. Kurdyumov, G.G. Malinetsky. M. : Editorial URSS, 2001.
12. Chekanov V.E. Some problems of legislative support of the national security of the Russian Federation in modern conditions / V.E. Chekanov // FSB of Russia. Legal regulation of the activities of the Federal Security Service to ensure the national security of the Russian Federation: a scientific and practical commentary. M. : Eksmo, 2006.
13. Kardashova I.B. On the categorical and conceptual apparatus of the theory of national security /

И.Б. Кардашова // Российский следователь. 2005. № 5.

14. *Бельков О.А.* Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности / О.А. Бельков // Безопасность. М. : Фонд национальной и международной безопасности. 1994. № 3.

15. *Яковенко И.Г.* Национальные интересы как социокультурный феномен: теоретический анализ на примере России : автореф. дис д-ра филос. наук. М., 2000.

16. *Трухачёв В.В.* Национальные интересы: сущность, структура, политические механизмы формирования / В.В. Трухачёв; Под ред. В.В. Демидова // Современность и социологические науки. Современность и политические науки. Материалы I Всероссийской научно-практической интернет-конференции. Новосибирск : ЦПИ-Изд-во СИБПРИНТ, 2009.

17. *Luard E.* The Globalization of Politics. L. : Macmillan, 1990.

18. *Albrow M.* The Global Age. Cambridge : Polity Press, 1996.

19. *Ohmae K.* The End of the Nation State. N.Y.: Free Press, 1995.

20. *Gray J.* False Dawn. L. : Granta, 1998.

21. *Strange S.* The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

22. *Иноземцев В.Л.* Конкурентоспособность России: иллюзии, реальность, перспективы / В.Л. Иноземцев // Россия и современный мир. 2008. № 1(58).

23. *Кара-Мурза С.* Демонтаж народа. М. : Алгоритм, 2007.

24. *Мамедов О.Ю.* Идентичность российской экономики: испытание глобализацией / О.Ю. Мамедов // TERRA ECONOMICUS 2010. № 2.

25. *Некlessа А.* Геоэкономическая формула мироустройства / А. Некlessа // Развитие и экономика 2013. № 7.

26. *Уткин А.И.* Новый мировой порядок. М. : Алгоритм: Эксмо, 2006.

27. *Зарубина Н.Н.* Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М. : Магистр, 1998.

28. *Яковец Ю.В.* Модели и проекты глобализации. URL : <http://adenauer.ru/report.php?id=11&lang=2> (дата обращения 23.12.2015).

29. *Коллонтай В.М.* О неолиберальной модели глобализации / В.М. Коллонтай // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 10. С. 9.

I.B. Kardashova // A Russian investigator. 2005. № 5.

14. *Belkov O.A.* The conceptual and categorical apparatus of the concept of national security / O.A. Belkov // Security. M. : Foundation for National and International Security. 1994. № 3.

15. *Yakovenko I.G.* National interests as a socio-cultural phenomenon: a theoretical analysis on the example of Russia : Author's dis. ... of dr. philos. M., 2000.

16. *Trukhachev V.V.* National interests: essence, structure, political mechanisms of formation / V.V. Trukhachev; Ed. by V.V. Demidov // Modernity and sociological Sciences. Modernity and Political Science. Materials of the I All-Russian Scientific and practical Internet conference. Novosibirsk : TSPI-SIBPRINT Publishing House, 2009.

17. *Luard E.* The Globalization of Politics. L. : Macmillan, 1990.

18. *Albrow M.* The Global Age. Cambridge : Polity Press, 1996.

19. *Ohmae K.* The End of the Nation State. N.Y. : Free Press, 1995.

20. *Gray J.* False Dawn. L. : Granta, 1998.

21. *Strange S.* The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

22. *Inozemtsev V.L.* Competitiveness of Russia: illusion, reality, prospects / V.L. Inozemtsev // Russia and the modern world. 2008. № 1(58).

23. *Kara-Murza S.* Dismantling of the people. M. : Algoritm, 2007.

24. *Mamedov O.Y.* The Identity of the Russian economy: the challenge of globalization / O.Y. Mamedov // TERRA ECONOMICUS. 2010. № 2.

25. *Neklessa A.* Geo-economic formula of the world order / A. Neklessa // Razvitie i ekonomika. 2013. № 7.

26. *Utkin A.I.* New World Order. M. : Algorithm: Eksmo, 2006.

27. *Zarubina N.N.* Socio-cultural foundations of economy and entrepreneurship. M. : Magister, 1998.

28. *Yakovets Yu.V.* Models and projects of globalization. URL : <http://adenauer.ru/report.php?id=11&lang=2> (date of application 23.12.2015).

29. *Kollontai V.M.* On the neoliberal model of globalization / V.M. Kollontai // World Economy and International Relations. 1999. № 10. P. 9.

30. Вебер А.Б. Глобализация и политические процессы в России / А.Б. Вебер, А.А. Красин, Ю.А. Галкин // Свободная мысль. 2009. № 2.
31. Городецкий А.Е. Национальный суверенитет и экономическая безопасность в условиях применения экономических санкций / А.Е. Городецкий // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы. Материалы 2-ой Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2014.
32. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М. : Наука, 2003.
33. Дмитриева Н.И. Экономические санкции как инструмент политического давления / Н.И. Дмитриева // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52.
34. Баженова Е.Ю. Проблемы экономической безопасности России / Е.Ю. Баженова, А.О. Дайкер // Черноморско-Каспийский регион: вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях геополитической, георелигиозной и геоэкономической конкуренции. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2015.
35. Губин В.Б. Влияние антироссийских санкций на экономическую безопасность страны и меры по их нейтрализации / В.Б. Губин // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы. Н. Новгород : Изд-во НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2014.
36. Глазьев С.Ю. Основы обеспечения экономической безопасности страны / С.Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. 1997. № 1.
37. Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации. URL : <http://base.garant.ru/106503>
38. Вебер А.Б. Глобализация и политические процессы в России / А.Б. Вебер, А.А. Красин, Ю.А. Галкин // Свободная мысль. 2009. № 2.
39. Белоусов В.М. Экономическое измерение идентичности российских регионов / В.М. Белоусов, А.С. Лысенко // Идентичность российских регионов и ее экономическое измерение. Ростов-н/Д. : Фонд науки и образования, 2015.
40. Минкина Р.Ф. Тенденции развития малого города в контексте миграции населения (по результатам социологического исследования) / Р.Ф. Минкина // Теория и практика современной науки. 2016. № 2(8).
41. Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала / Н.В. Зубаревич // Общественные науки и современность. 2010. № 5.
42. Мартянов В.С. Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций / В.С. Мартянов, В.Н. Руденко // Научный ежегодник Института
30. Weber A.B. Globalization and political processes in Russia / A.B. Weber, A.A. Krasin, Yu.A. Galkin // Free thought. 2009. № 2.
31. Gorodetsky A.E. National sovereignty and economic security in the context of the application of economic sanctions / A.E. Gorodetsky // Economic security of Russia: problems and prospects. Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference. N. Novgorod, 2014.
32. Guboglo M.N. Identification of identity: Ethnological essays. M. : Nauka, 2003.
33. Dmitrieva N.I. Economic sanctions as an instrument of political pressure / N.I. Dmitrieva // Public administration. Electronic bulletin. 2015. № 52.
34. Bazhenova E.Yu. Problems of economic security of Russia / E.Yu. Bazhenova, A.O. Daiker // Chernomorsko-Kaspiyskiy region: challenges and Threats to Russia's national security in the context of geopolitical, geo-religious and geo-economic competition. Rostov-on/D. : SFU Publishing House, 2015.
35. Gubin V.B. The impact of anti-Russian sanctions on the economic security of the country and measures to neutralize them / V.B. Gubin // Economic security of Russia: problems and prospects. N. Novgorod : Publishing house of the NSTU named after R.E. Alekseev, 2014.
36. Glazyev S.Yu. Fundamentals of ensuring the economic security of the country. 1997. № 1.
37. State strategy of economic security of the Russian Federation. URL : <http://base.garant.ru/106503>
38. Weber A.B. Globalization and political processes in Russia / A.B. Weber, A.A. Krasin, Yu.A. Galkin. 2009. № 2.
39. Belousov V.M. Economic dimension of the Identity of Russian regions / V.M. Belousov, A.S. Lysenko. Rostov-on/D. : Foundation of Science and Education, 2015.
40. Minkina R.F. Trends in the development of a small city in the context of population migration (based on the results of a sociological study) / R.F. Minkina // Theory and practice of modern science. 2016. № 2(8).
41. Zubarevich N.V. Cities as centers of modernization of the economy and human capital / N.V. Zubarevich // Social Sciences and Modernity. 2010. № 5.
42. Martyanov V.S. Russian megalopolises: from industrial cities to the strategy of multifunctional agglomerations / V.S. Martyanov, V.N. Rudenko // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy

философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12.

43. Белоусов В.М. Экономическое измерение идентичности российских регионов / В.М. Белоусов, А.С. Лысенко // Идентичность российских регионов и ее экономическое измерение. Ростов-н/Д. : Фонд науки и образования, 2015.

44. Социальное положение и уровень жизни населения России // Статистический сборник. Росстат. М., 2013.

45. Пасовец Ю.М. Риски бедности населения в современных российских условиях / Ю.М. Пасовец // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2(38).

46. Долбилев А.В. Внешний корпоративный долг как угрозы экономической безопасности в условиях применения экономических санкций / А.В. Долбилев // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 1.

47. Шаховская Л.С. Специфика разработки стратегии развития муниципальных образований в малых городах России / Л.С. Шаховская, Т.В. Полякова // Вестник волгоградского государственного университета. 2009. № 2(15).

48. Фролова Е.В. Проблемы инфраструктуры малых городов России / Е.В. Фролова // Социология власти. 2011. № 3.

49. Горшков М.К. О социальном ресурсе адаптации россиян к условиям кризиса / М.К. Горшков; Отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Сборник научных статей. М. : Новый хронограф, 2016. Вып. 14.

50. Яницкий О.Н. Критические состояния среды жизни и способы адаптации к ним / О.Н. Яницкий; Отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Сборник научных статей. М. : Новый хронограф, 2016. Вып. 14.

and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2012. Iss. 12.

43. Belousov V.M. Economic dimension of the identity of Russian regions / V.M. Belousov, A.S. Lysenko. Rostov-on/D. : Foundation of Science and Education, 2015.

44. Social status and standard of living of the population of Russia. 2013: statistical collection / Rosstat. M., 2013.

45. Pasovets Yu.M. Risks of population poverty in modern Russian conditions / Yu.M. Pasovets // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2015. № 2(38).

46. Dolbilov A.V. External corporate debt as a threat to economic security in the context of the application of economic sanctions / A.V. Dolbilov // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1.

47. Shakhovskaya L.S. Specifics of developing a strategy for the development of municipalities in small cities of Russia / L.S. Shakhovskaya, T.V. Polyakova // Bulletin of the Volgograd State University. 2009. № 2(15).

48. Frolova E.V. Problems of infrastructure of small cities of Russia. 2011. № 3.

49. Gorshkov M.K. On the social resource of adaptation of Russians to the conditions of the crisis / M.K. Gorshkov; Ed. by M.K. Gorshkov; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences // Russia reforming: Yearbook. Collection of scientific articles. M. : Novy Chronograf, 2016. Iss. 14.

50. Yanitsky O.N. Critical conditions of the life environment and ways of adaptation to them / O.N. Yanitsky; Ed. by M.K. Gorshkov; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences // Russia reforming: Yearbook. Collection of scientific articles.. M. : Novy Chronograf, 2016. Iss. 14.

Шандулин Евгений Андреевич
кандидат исторических наук,
доцент,
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет
79289013427@yandex.ru

Аганов Андрей Анатольевич
магистр
по специальности «История России
и стран ближнего зарубежья»,
экскурсовод,
Ростовский исторический парк
«Россия - моя история»
79289013427@yandex.ru

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ БЮРОКРАТИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX В. - В 30-Х ГОДАХ XX ВЕКА

■ ■ ■
Аннотация. В России в течение длительного исторического периода высший эшелон бюрократии выступал в качестве единого властного класса государства. Традиционно, в России сложилось негативное отношение к чиновнику, с его деятельностью связывали коррупцию, некомпетентность, волокиту, халатность при исполнении служебных обязанностей. В настоящей статье рассматриваются политико-правовые концепции бюрократии в России, возникшие в конце XIX – в 30-х годах XX века, особенности их формирования, характерные черты их общности и различия.

Ключевые слова: бюрократия, организация государственного управления, правовые теории и концепции, политико-правовая мысль, реформирование государственного устройства.

■ ■ ■
Актуальность изучения политико-правовых концепций бюрократии в России в конце XIX – в 30-х годах XX века необходима для понимания социально-политического, правового, исторического развития феномена бюрократии. Период рубежа XIX-XX веков характеризуется стремлением осмыслить наступающие перемены, сформулировать новые подходы к организации государственного управления. Это период формирования многопартийности и идеологического плюрализма.

В России в течение длительного исторического периода высший эшелон бюрократии выступал в качестве единого властного класса государства. Традиционно, в России сложилось негативное отношение к чиновнику, с его деятельностью связывали коррупцию, некомпетентность, волокиту, халатность при исполнении служебных обязанностей. В русской литературе трудно

Evgeny A. Shandulin
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University
79289013427@yandex.ru

Andrey A. Aganov
Master in Specialty
«History of Russia and
Neighboring Countries»,
Guide,
Rostov Historical Park
«Russia is my story»
79289013427@yandex.ru

POLITICAL AND LEGAL CONCEPTS OF BUREAUCRACY IN RUSSIA IN THE LATE 1990S AND 1930S

■ ■ ■
Annotation. In Russia, for a long historical period, the highest echelon of bureaucracy acted as a single power class of the state. Traditionally, in Russia there was a negative attitude towards the official, his activities were associated with corruption, incompetence, red tape, negligence in the performance of official duties. This article examines the political and legal concepts of bureaucracy in Russia that emerged at the end of the 19th and 30s of the 20th century, the peculiarities of their formation, the characteristic features of their commonality and difference.

Keywords: bureaucracy, organization of public administration, legal theories and concepts, political and legal thought, reforming the state structure.

■ ■ ■
найти положительный образ чиновника. Лучшее, что приходит на память, – это Алексей Каренин; да и то авторские (следовательно, и читательские) симпатии не на его стороне, хотя действие происходит в 60-е годы XIX в. – в «звездный час» российской бюрократии.

Первые политико-правовые исследования бюрократии были предприняты в России в пореформенный период XIX века. Перемены, связанные с реформами, вызвали необходимость изменения социально-политического устройства государства, а связанные с этим трудности в политической и социально-экономической модернизации страны, подтолкнули российских правоведов к анализу политической и социальной роли бюрократии, которая рассматривается ими как поиск идеала государственного устройства, анализа функций и механизма функционирования государства и права, формы государства, госу-

дарственной и политической системы, взаимоотношения государства и общества.

В этот период времени государственно-правовые теории отражают борьбу консервативных, либеральных, марксистских концепций и поиски их реализации. Общей чертой во взглядах на бюрократию у представителей различных направлений политико-правовой мысли становится идея «сильного государства», способного примирить «начала свободы с началом власти и закона» [12, с. 634-635]. На взгляды российских авторов оказали влияние революционные события 1905-1907 г., 1917 г., это объясняет появление множества разнородных, противостоящих друг другу теорий.

Для дореволюционных исследователей К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, Л.А. Тихомирова характерен анализ бюрократической системы с точки зрения ее места в государственном механизме, в историческом развитии бюрократии на разных этапах становления российской государственности.

По мнению К.Д. Кавелина, для улучшения управленческой деятельности необходимо сосредоточиться на рационализации самих принципов организации администрирования: «Я глубоко убежден в том, что только правильно и сильно организованное государственное учреждение административного, а не политического характера могло бы вывести нас из теперешнего хаоса и беспорядка и предупредить серьезные опасности для России и власти. Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране взамен произвола и хаоса, должны предшествовать политическим гарантиям, ибо готовят и воспитывают народ к политическому представительству» [6].

Ученик К.Д. Кавелина – Б.Н. Чичерин, основатель российской политической науки в 80-90-е гг. XIX века разработал теорию политических учений в своих фундаментальных работах: «Собственность и государство» (1883), а также, «Курс государственной науки» (1896). Б.Н. Чичерин придерживался консервативных взглядов, себя самого он называл представителем «спокойного, серьезного и разумного либерализма». Его работы были посвящены различным проблемам, например, каковы допустимые рамки деятельности административной машины, что такое «общественное благо, каковы задачи чиновничества. Бюрократию он относит к элементам правительственной власти который «... необходим как орган и орудие государственных целей, указанных сверху и исполняемых на местах» [11, с. 322]. Б.Н. Чичерин обращает внимание на культуру и моральные качества государственных служащих, выявляет негативные черты, присущие бюрократии. По мнению Б.Н. Чичерина, которое отчасти совпадает с высказываниями немецкого социолога М. Вебера, «гражданин, имеющий долю власти, должен действовать не для личных выгод, а во имя общего блага; он должен носить в себе сознание не только своих частных целей, но и общих начал, господствующих в общественной жизни. А для этого требует-

ся высшая способность» [11, с. 11]. Свою последнюю обобщающую работу, имевшую открыто политическое звучание, Б.Н. Чичерин был вынужден издать за границей под псевдонимом «Русский патриот», дав ей название «Россия накануне двадцатого века». Ведя речь об утверждении в народе «начал свободы и права», он видел пороки и опасность русской жизни, с одной стороны, в бюрократическом управлении и произвольной власти монарха, а с другой – в социалистической пропаганде и практике леворадикальных действий [6].

Ведущий теоретик русского консерватизма Л.А. Тихомиров, несмотря на разницу в общественных взглядах, соглашается с теми негативными чертами, которые приписывает бюрократии Б.Н. Чичерин, и дополняет их. Исследователь утверждает, что при ослаблении контроля верховной власти бюрократические учреждения могут стать самостоятельными и, в конце концов, подменить собой верховную власть [7, с. 45].

Дореволюционные исследователи, имевшие различные политические взгляды, на научном уровне определили место бюрократических учреждений в механизме государства, выстроили систему исполнительных органов государственной власти, сформулировали правовую основу функционирования государственной бюрократии. Кроме того, они обращали внимание на специфику правового статуса и особенности социального положения группы государственных управленцев, говоря о необходимости обладания ими высокими моральными качествами и специальными знаниями. Понимание бюрократии в трудах дореволюционных историков во многом совпадает с мнением их современника, основоположника теории бюрократии М. Вебера. Понятие «бюрократия» можно сформулировать так: Управленческий аппарат, состоящий из должностных лиц, которые обладают соответствующей профессиональной подготовкой и действуют в рамках четко определенной компетенции в соответствии с формальными правилами [13].

Учение К. Маркса вызвало интерес у многих либеральных и нелиберальных теоретиков. Исследованием его работ занимались В.М. Гессен, П.И. Новгородцев, П.И. Милюков, Б.А. Кистяковский. Некоторое время легальными марксистами были Н.А. Бердяев, Н.Б. Струве, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк [5, с. 73]. К. Маркс не считал бюрократию особым классом, поскольку она, по его мнению, обслуживает интересы правящего класса, реализует его цели, выражает его классовую волю, сознание и могущество. Отвечая М.А. Бакунину, он отождествляет государство и управление [1, с. 15]. По утверждению К. Маркса, с исчезновением классового государства исчезнет и государство в политическом его смысле.

Один из создателей партии большевиков А.А. Богданов, в 1908 г. в романе «Красная звезда», предвидя грядущие социальные дефекты, вызванные политическими преобразованиями, умноженными на потенциал научно-технического

прогресса, высказал опасения о возможности повышения технологического и социального контроля над гражданином, превращаемом в винтик государственной машины. Альтернативой такого развития ему виделся «общественный», «ассоциативный» тип организации государственной власти. Его мнение по данному вопросу полностью совпадало с мнением М. Вебера, который в лекции для офицеров австрийской армии в 1918 г., назвал «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса «научным достижением первого ранга», но высказал пессимистический прогноз по поводу попыток ввести социализм. По мнению А.А. Богданова и М. Вебера, общественное устройство, создаваемое по образам фабрика, казармы, достигая разделения труда и экономического прогресса, обезчеловечивает общество.

Большевики, исходя из марксистской теории, начиная с В.И. Ленина, отрицают классовую сущность бюрократии. В.И. Ленин полагал, что социализм «есть уничтожение классов», когда классы исчезнут, исчезнет и диктатура. В эпоху диктатуры пролетариата, по его мнению, и классы, и их отношения видоизменились, классовая борьба принимает отличные от самодержавия формы [4, с. 279]. Капитализм в республике Советов, по мнению В.И. Ленина, является «своеобразным государственным капитализмом», суть которого заключается в том, что пролетарское государство сохраняет в своих руках все важнейшие части промышленности, оно исполняет капитализм для строительства социализма [3, с. 279-281]. В.И. Ленин предвидел возможность в новых экономических условиях видоизменения классов, принципов взаимоотношения между ними, и, вместе с тем, не видел в бюрократии новый господствующий класс.

Споры о классовой сущности советской системы управления возникли в ходе партийных дискуссий середины 20-х годов XX века. Они были связаны с появлением работ Н.В. Устрялова и его предположениями о направлениях эволюции советской власти. Труды Н.В. Устрялова анализировали Ленин, Сталин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Луначарский. Н.В. Устрялову была близка гегелевская характеристика бюрократии как главной составляющей общества, в которой объединены государственное сознание, ответственность и служение государству. Он считал, что бюрократия как механизм реализации политической власти – основа сохранения нации. Вместе с тем, опасность бюрократизма и коррупции, сыграли трагическую роль в крахе Российской империи. Социальный фундамент власти должен опираться на привилегированные государственно-хозяйственные силы. В Конституции СССР (1936 г.) он видел классовое примирение и восстановление права [10, с. 159-220].

Одним из оппонентов Н.И. Устрялова выступал Н.И. Бухарин, который считал, что Октябрьская революция и социализм – это единственно возможный выход из мирового кризиса капитализма. По Н.И. Бухарину – движущей силой русской революции является пролетариат, и если смены диктатуры пролетариата на диктатуру буржуазии

не происходит, то не может произойти радикальной трансформации социальной сущности советской власти, ее перерождения. Более того, быстрый рост пролетариата, собираемого восстановительным процессом в государственной промышленности, усиливает Советскую власть [2, с. 27-28].

Работы первых советских теоретиков посвящены идеям о возникновении экономических и политических причин бюрократизма, его классовой сущности. Преодоление бюрократизма в них понимается как важнейшая задача диктатуры пролетариата, связанное с реформированием функций государства, выполняемых в классовом обществе. Эта борьба сводится к устранению противоречий между новым содержанием власти и старой формой государственного управления. Особое место в политико-правовой теории этого периода занимают работы Л.Д. Троцкого, который впервые в марксизме предоставил системный анализ советского бюрократизма. Его выводы о невозможности значительного экономического и культурного развития страны в условиях системной бюрократической деформации государства, и, как следствия, неизбежных социальных противоречий и конфликтов, актуальны и в настоящее время.

Л.Д. Троцкий, возглавивший «крестовый поход» против бюрократии, становится лидером политической оппозиции и основным оппонентом И.В. Сталина. В книге «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет» он дал свое определение бюрократии: Бюрократия не только аппарат принуждения, но и постоянный источник провокаций. «Самое существование жадной и циничной касты повелителей не может не порождать затаенного возмущения». «Советская бюрократия, – продолжает Л. Троцкий, – есть каста выскочек, которая дрожит за свою власть, за свои доходы, боится масс и готова карать огнем и мечом не только за каждое покушение на свои права, но и за малейшее сомнение в своей непогрешимости». В работе «Неизбежность новой революции» Троцкий в ультимативной форме ставит вопрос об отмене бюрократии: «Чиновник ли съест рабочее государство или же рабочий класс справится с чиновником? Так стоит сейчас вопрос, от решения которого зависит судьба СССР». У Л.Д. Троцкого бюрократия – не класс государственных капиталистов, поскольку у нее нет акций, ее обновление не связано с отношением с собственностью, она не передает свои права по наследству, ее злоупотребления вне закона. Бюрократия, по мнению Л.Д. Троцкого, «не создала для своего господства социальной опоры, в виде особых форм собственности» и «вынуждена» защищать государственную собственность как источник своей власти и доходов [8, с. 206-207]. Эксплуататорский класс, по мнению Л.Д. Троцкого, может образоваться лишь в результате глубоких внутренних потребностей самого производства, а в СССР таких потребностей нет. Это объясняется тем, что «бюрократия является не носительницей новой, ей свойственной, без нее невозможной системы хозяйства, а паразитическим «наростом» на рабочем государстве» [9].

Экономические и политические причины бюрократии, исследуемые в работах первых советских исследователей, сводятся к его классовой сущности. Основной задачей диктатуры пролетариата они считали преодоление бюрократии, связывая ее с изменением целей и функций государства на противоположные тем, которые были в классовом обществе. Борьба с бюрократией, по их мнению, заключалась в устранении противоречий между новым содержанием власти и старой формой государственного управления.

Литература:

1. *Бакунин М.А.* Государственность и анархия / М.А. Бакунин // *Философия. Социология. Политика. Сборник трудов.* М. : «Правда», 1989. 624 с.
2. *Бухарин Н.И.* Цезаризм под маской революции / Н.И. Бухарин. М. : Изд. Газеты «Правда», 1925. 45 с.
3. *Ленин В.И.* Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. / В.И. Ленин // *Полн. собр. соч.* Т. 45, М. : Политиздат, 1970. 762 с.
4. *Ленин В.И.* Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата / В.И. Ленин // *Полн. собр. соч.* Т. 39. М. : Политиздат, 1970. 623 с.
5. *Попова А.В.* Теоретико-правовое исследование нелиберальной политико-правовой доктрины России (конец XIX – начало XX вв.) : дис. ... д-ра юридических наук: 12.00.01 / Попова Анна Владиславовна. М., 2014. 381 с.
6. *Российский либерализм: идеи и люди* // Коллектив авторов, 2007. URL : kartaslov.ru (дата обращения 16 марта 2021).
7. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М. : ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. 672 с.
8. *Троцкий Л.Д.* Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М., 2017. Т. 8. 172 с.
9. *Троцкий Л.Д.* СССР в войне / Л.Д. Троцкий // *Бюллетень оппозиции.* 1939. № 79-80. URL : <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/> (дата обращения 16 марта 2021).
10. *Устрялов Н.В.* Национал-большевизм. Под знаком революции. М. : Циолковский, 2017. 400 с.
11. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. М. : Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1894-1898. Ч. 3: Политика. 1898. 556 с.
12. *Чичерин Б.Н.* Различные виды либерализма / Б.Н. Чичерин; Под ред. М.А. Василика // *Политология: хрестоматия.* М. : Гардарика, 2000. 28 с.
13. *Энциклопедия.* URL : <http://knowledge.su/b/byu-rokratiya> (дата обращения 16 марта 2021).

В завершение нашего исследования мы приходим к выводу о том, что изучение политико-правовых концепций бюрократии в России в конце XIX – 30-х годов XX века остается одной из наиболее интересных тем в историографии. По-прежнему остаются дискуссионными вопросы социальной природы, социальной дифференциации данного общественного слоя, его месте в структуре общества и государственного управления в советской России.

Literature:

1. *Bakunin M.A.* Statehood and anarchy / M.A. Bakunin // *Filosofiya. Sociology. Politics. Collection of works.* M. : «Pravda», 1989. 624 p.
2. *Bukharin N.I.* Caesarism under the mask of the revolution. / N.I. Bukharin. M. : Izd. Gazeta «Pravda», 1925. 45 p.
3. *Lenin V.I.* Five years of the Russian Revolution and prospects of the World Revolution. Report on the IV Congress of the Comintern on November 13, 1922 / V.I. Lenin // *Poln. sobr. soch.* Vol. 45, M. : Politizdat, 1970. 762 p.
4. *Lenin V.I.* Economics and Politics in the era of the dictatorship of the proletariat / V.I. Lenin // *Complete collected works.* Vol. 39. M. : Politizdat, 1970. 623 p.
5. *Popova A.V.* Theoretical and legal research of the neoliberal political and legal doctrine of Russia (late XIX – early XX centuries): dissertation of the Doctor of Law: 12.00.01 / Popova Anna Vladislavovna. M., 2014. 381 p.
6. *Russian liberalism: ideas and people* // Collective of Authors, 2007. URL : kartaslov.ru .(accessed March 16, 2021).
7. *Tikhomirov L.A.* Monarchical statehood. M. : GUP «Oblizdat», TOO «Alir», 1998. 672 p.
8. *Trotsky L.D.* Devoted revolution. What is the USSR and where is it going? M., 2017. Vol. 8. 172 p.
9. *Trotsky L.D.* USSR in the war / L.D. Trotsky // *Opposition Bulletin.* 1939. № 79-80. URL : <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/> (date of application March 16, 2021).
10. *Ustryalov N.V.* National Bolshevism. Under the sign of the Revolution. M. : Tsiolkovsky, 2017. 400 p.
11. *Chicherin B.N.* Course of state science. M. : Tipo-lit. Vys. utv. T-va I.N. Kushnerev and Co, 1894-1898. Art. 3: Politika. 1898. 556 p.
12. *Chicherin B.N.* Various types of liberalism / B.N. Chicherin // *politologiya: chrestomatiya* / Ed. by M.A. Vasilika. M. : Gardariki, 2000. 28 p.
13. *Encyclopedia.* URL : <http://knowledge.su/b/byu-rokratiya> (date of application March 16, 2021).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:

Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.

Корректор - Попов М.Ю.
Оригинал-макет - Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.12.2020
Подписано в печать 25.12.2020
Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Печать riso. Уч.-изд. л. 7,2
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 67

e-mail: id.yug2016@gmail.com